ЕВГЕНІЙ СОЛОВЬЕВЪ
(Андреевичъ).

Рабочіе люди
и
новыя идеи.

(Послѣдніе труды).

Съ портретомъ автора.

Утопія.
Море горѣло
На вечеринкѣ.
„Красный смѣхъ“ на five o'clock'ѣ.
Петербургская барышня.

Рабочіе люди и новая идея.
Философія пролетаріата.
Въ старомъ гнѣздѣ.
Письма къ Виргиліи
Паразитизмъ и безработица.

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида. Конная, 3—5.
1906.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Евгений Андреевичъ Соловьевъ.

(Андреевичъ).

Род. 6 авг. 1866 года. † 25 авг. 1905 года.

ЕВГЕНІЙ СОЛОВЬЕВЪ
Андреевичъ.

Рабочіе люди и новыя идеи.

1341-3

(Съ портретомъ автора).

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида. Конная 3 -5.
1906.

Пров. 1955

Пр.

РУ
6050
Раб

ОГЛАВЛЕНІЕ:

1. Утопія 1
2. Море горѣло 32
3. На вечеринкѣ 46
4. „Красный смѣхъ“ на five o'clock'ѣ 57
5. Петербургская барышня. (Изъ столичныхъ впечатлѣній). 69
6. Въ старомъ гнѣздѣ 81
7. Рабочіе люди и новыя идеи.
   Приложеніе: Письма рабочихъ. 1) Значеніе Гапона для рабочичъ. 2) Исповѣдь рабочаго. 3) Взглядъ русскаго рабочаго на трудоспособность русскаго мастера. 4) Ученіе Христа въ современной жизни. 110
8. Паразитизмъ и безработица. 142
9. Письма къ Виргиліи.
   (Роль сыска.—Аграрный вопросъ) 160
10. Философія пролетаріата 185

Утопія.

...Ну, конечно, какъ это водится рѣшительно во всѣхъ новыхъ утопіяхъ, и герой излагаемой—Ипполитъ—засыпаетъ, чтобы проснуться въ совершенно необыденной обстановкѣ будущаго человѣчества. Единственная разница между нимъ и его предшественниками та, что черезъ плечо у него на простомъ ремнѣ виситъ машинка, величиной не больше бинокля. Эта машинка, очевидно, заимствованная изъ послѣдняго фантастическаго романа Уоллеса „Подземные", обладаетъ чудодѣйственной силой переносить ея обладателя при извѣстномъ оборотѣ ручки за вѣка впередъ или назадъ. Такимъ образомъ, Ипполиту ничего не стоило очутиться при дворахъ Камбиза, Клеопатры или Грознаго, но, какъ человѣкъ благоразумный, онъ не поддался такому соблазну, а предпочелъ заглянуть въ будущее. Насколько именно вѣковъ залетѣлъ онъ впередъ—сказать трудно, но солнце попрежнему свѣтило надъ землей, а Сѣверный полюсъ еще не перемѣнился мѣстами съ Южнымъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Ипполитъ, очутившись въ странѣ элевтеровъ (свободныхъ), немедленно про-

снулся, съ удивленіемъ раскрылъ глаза, спросилъ себя, не спитъ ли онъ, щипнулъ себя за ухо и, наконецъ, осмотрѣлся. Оказалось, что онъ сидитъ въ какомъ-то глубокомъ и очень удобномъ креслѣ, среди обширной песчаной поляны, окруженной лѣсомъ. Черезъ лѣсъ была прорублена широкая аллея, за которой блестѣло море. Это было мѣсто для дѣтскихъ игръ. Тысячи ихъ отъ 2 до 6-ти лѣтъ, и мальчиковъ, и дѣвочекъ, копошились здѣсь возлѣ Ипполита, бѣгали, спотыкались, падали, ревѣли, отнимали другъ у друга игрушки, жарили пирожки изъ песку, дрались, валялись въ тѣни на многочисленныхъ зеленыхъ оазисахъ, гонялись въ водѣ за золотыми рыбками, мокли, сушились или разсказывали другъ другу безконечныя сказки о свѣтлыхъ, розовыхъ духахъ, сѣрыхъ гномахъ, зеленыхъ феяхъ. Старшіе смотрѣли за младшими, утирали имъ носы, поили молокомъ, мирили ихъ или заводили игру вмѣстѣ съ ними. Приглядѣвшись къ этой компаніи, Ипполитъ замѣтилъ, что у всѣхъ ребятъ глаза черные, немного наискось, цвѣтъ тѣла довольно смуглый, головы небольшія и круглыя, движенія сильныя и увѣренныя, порода же вообще мелкая. На Ипполита дѣти не обращали никакого вниманія и только какой-то карапузъ, подбѣжавъ къ нему, любезно старался засунуть ему въ ротъ кусочекъ песчанаго пирога; это обстоятельство напомнило Ипполиту, что онъ хочетъ ѣсть.

— Очевидно, что въ странѣ элевтеровъ телепатія была уже въ достаточной степени развита, потому что, какъ только Ипполитъ подумалъ, что недурно было бы закусить, какъ платформа, на которой находились и самъ онъ, и его кресло, немедленно же опустились подъ землю. Ипполитъ очутился въ великолѣпной сталактитовой пещерѣ, освѣщенной электричествомъ, передъ отдѣльнымъ столикомъ съ разными блюдами. Блюда имѣли странный видъ какихъ-то

пилюль, пастилокъ, желе, но разсуждать было нѣкогда и, испробовавши полдюжины, Ипполитъ почувствовалъ себя и сытымъ и бодрымъ. „Конечно,—пробормоталъ онъ,—ни рыба, ни мясо, а—ничего". Тутъ же на столѣ дымился кальянъ, затянувшись изъ котораго нашъ путешественникъ почувствовалъ сначала тупость и какъ бы головокружительное паденіе куда-то въ пропасть, потомъ—новый приливъ бодрости: ему захотѣлось говорить, пѣть, плясать...

— Ну, какъ вы себя чувствуете у насъ?—услышалъ онъ въ эту минуту возлѣ себя серебристый, слегка гортанный голосъ. Ипполитъ вздрогнулъ, но потомъ увидѣлъ, что бояться совершенно нечего: передъ нимъ стояла молодая женщина или дѣвушка, не высокаго роста, но великолѣпнаго сложенія, съ наискось прорѣзанными глазами, смуглая, въ легкой бѣлой одеждѣ римскаго покроя.

— Прекрасно,—отвѣчалъ простодушно Ипполитъ,—хотя долженъ вамъ сознаться, что рѣшительно ничего не понимаю.

Дѣвушка объяснила ему, что онъ явился сюда благодаря своему чудодѣйственному инструменту, что онъ находится среди элевтеровъ—друзей свободы, и что онъ можетъ разсчитывать на самый радушный пріемъ по всей землѣ, кромѣ развѣ мѣстъ, населенныхъ преступниками, дикими звѣрями и поэтами.

Ипполитъ заявилъ, что это объясненіе еще больше запутало его мысли и что онъ чувствуетъ себя точно въ Россіи безъ паспорта или безъ гроша денегъ въ XX столѣтіи. Дѣвушка расхохоталась, но вмѣсто разъясненій предложила ему прокатиться по одной изъ безчисленныхъ подземныхъ рѣкъ.

— Наверху слишкомъ знойно,—прибавила она.

Они сѣли въ самодвижущуюся лодку, которая медленно поплыла по теченію, оставляя за собой слабо сверкающую струйку изумрудной воды. Ипполитъ за-

мѣтилъ, что дѣвушка пристально на него смотритъ, и ему стало неловко.

— Я смотрю на васъ, — сказала она, угадывая его мысли, — и удивляюсь, какой вы хилый и несчастный. За нѣсколько часовъ, которые вы провели у насъ, мы успѣли изслѣдовать и изучить васъ. Мы нашли, что мускулы ваши дряблы, голова набита разнымъ хламомъ, а сердце робко и малодушно. Вы представляете собою тотъ тщеславный, похотливый и скаредный типъ, который съ такимъ трудомъ удалось преодолѣть человѣчеству. Въ свое время этотъ типъ грозилъ распространиться по всей землѣ. Очевидно, только счастливое вдохновеніе помогло вамъ изобрѣсти вашу чудодѣйственную машину, секретомъ которой мы, увы, не обладаемъ, и ей-то вы обязаны своей жизнью. Иначе мы давно бы уже пристроили васъ въ одну изъ тѣхъ санаторій, гдѣ живутъ неизлѣчимыя...

— Н-да вещица недурная,—сказалъ Ипполитъ, трогая себя за ремень.—Мнѣ удалось побѣдить время и благодаря этому я бесѣдую съ вами. Но—поворотъ колеса—и я могу очутиться на пиру Валтасара, гдѣ, надѣюсь, услышу болѣе любезныя вещи, чѣмъ отъ васъ.

Онъ говорилъ добродушно и лукаво, сразу понявъ своимъ хитренькимъ, дипломатическимъ умомъ XX столѣтія, какое значеніе и интересъ имѣетъ онъ въ глазахъ элевтеровъ. Къ тому же онъ былъ доволенъ всѣмъ окружающимъ и больше всего боялся, какъ бы чудная дѣвушка, сидѣвшая на рулѣ, не оказалась сномъ. Онъ захотѣлъ слышать ея голосъ:

— Вы могли убить меня,—сказалъ онъ,—это такъ. Но почему вы не украли этой вотъ штуки, которая такъ вамъ нравится?..

— Мы не убиваемъ, а удаляемъ отъ себя всѣхъ, кто не хочетъ и не можетъ быть нашимъ товарищемъ. Но мы не воруемъ,—гордо и спокойно сказала дѣвушка.—

Воровство, на которомъ была основана вся ваша хитрая и нечестная культура, пользуется у насъ презрѣніемъ и ненавистью. О, мы не пойдемъ на него, хотя бы это обѣщало намъ безсмертіе...

На самомъ дѣлѣ все вокругъ было полно такой прелести и очарованія, что самое слово „воровство“ звучало позорно и грязно. Они проѣзжали мимо скалъ, гдѣ въ пещерахъ, какъ въ ласточкиныхъ гнѣздахъ, жили люди. Тамъ шумѣли водопады, отъ которыхъ тянулись въ разныя стороны безчисленные проволоки, передавая по жилищамъ, мастерскимъ и фабрикамъ огромную рабочую силу падающей воды. Тамъ изъ подъ земли высовывались гигантскія трубы, дышавшія подземной теплотой. Причудливая или сѣдая темная зелень плюща, мховъ, папоротниковъ ползла по скаламъ. Въ ущельяхъ, освѣщенныхъ ровнымъ свѣтомъ солнца, проходившимъ черезъ огромныя, пробитыя наружу окна, летали безчисленныя птицы и насѣкомыя, мирно паслись олени и антилопы. На поверхности огромныхъ заводей тюлени то и дѣло высовывали наружу свои любопытныя морды. Они проѣхали мимо нѣсколькихъ палестръ, гдѣ молодежъ того и другого пола занималась гимнастикой и музыкой. Тамъ и здѣсь устраивались состязанія въ бѣганьѣ, борьбѣ, плаваньѣ. Все дышало простотой, радостью. На всемъ лежалъ отпечатокъ чистоты и невинности распускающейся зелени...

II.

— Однако, недурно вы устроились,—сказалъ Ипполитъ. — Только позвольте ужъ все по порядку... Какъ называется эта страна?

— Она называется страной элевтеровъ, т. е. свободныхъ людей.

— Превосходно. А какъ у васъ насчетъ формы пра-

вленія? Во все время, какъ мы ѣдемъ съ вами, я не замѣтилъ, напримѣръ, ни одного чина рѣчной полиціи и ни одного генерала, который погрозилъ бы мнѣ съ берега пальцемъ.

— Увы! У насъ не существуетъ никакой формы правленія или, лучше сказать, вы ихъ найдете всѣхъ сразу.

— Но позвольте... А государство?

— Государство? Это—я. Я сама, моя воля, мой разумъ.

— Слѣдовательно, царятъ анархія и безпорядокъ!— мудро рѣшилъ Ипполитъ, готовясь занести свой строгій приговоръ въ записную книжку.

Она усмѣхнулась.

— Вы такъ рѣшительно говорите о нашемъ безпорядкѣ потому вѣроятно, что въ восторгѣ отъ порядка своего времени.

— А что же? При хорошемъ окладѣ и при либеральномъ начальствѣ, т. е. такомъ, которое не требовало усиленной работы, жилось, недурно. У насъ устраивались даже банкеты и самъ директоръ на ухо вице-директору провозгласилъ тостъ: „Да здравствуетъ она!“.

— Кто она?

— А ужъ это, извините за выраженія, чертъ ее знаетъ, кто. Кто говорилъ разумная свобода, кто—объединенная программа всѣхъ партій, кто—конституція, кто — Россія, кто — любовница его превосходительства. Все же мы пили и очень хорошо пили...

Но она не слушала его.

— Порядокъ, порядокъ! Мы слыхали кое-что о вашемъ порядкѣ. Это тотъ порядокъ, при которомъ человѣчество ни одного дня не производило безъ войнъ, казней, экзекуцій? Порядокъ взаимнаго хищенія, ограбленія и ненависти? Порядокъ преслѣдованій за вѣру, мысли, убѣжденія? Порядокъ нищеты, безработицы, голоднаго тифа? Порядокъ, при которомъ изъ ста родив-

шихся дѣтей, 50 недоживало и до 2-хъ лѣтъ? Порядокъ, когда бракъ обратился въ продажу и куплю, когда голодныя женщины торговали собой на каждомъ перекресткѣ, — голодныя матери бросали новорожденныхъ въ помойныя ямы,—когда труженикамъ постоянно грозила нищета, — когда жены и дѣти рабочихъ должны были просить милостыню... Порядокъ грабежа, насилія, убійства, мошенничествъ?.. Порядокъ, когда человѣчество радовалось, что изобрѣтена новая система тюремъ, и человѣкъ ограждалъ свое имущество отъ человѣка же колючей проволокой, драконовскими законами, шестидюймовыми орудіями и крючкотворствомъ разныхъ правъ? Порядокъ...

Она была удивительно хороша въ своемъ обличеніи, что Ипполитъ по свойственной ему, какъ человѣку XX столѣтія, пошлости, немедленно отмѣтилъ словами: „дѣвица (или дама?) съ темпераментомъ. Едва-ли не актриса“.

— Да,—сказалъ онъ,—были конечно недостатки въ зависимости отъ несовершенства человѣческой природы...

— Ну, и говорите о несовершенствѣ человѣческой природы, а не о вашемъ порядкѣ...

— Такъ... Но все-же, какъ это возможно общежитіе безъ формы правленія?..

— Поймете-ли? Хотя проще этого ничего и быть не можетъ. Мы живемъ или одиночками, или общинами. Все зависитъ разумѣется, отъ темперамента, характера, идеи, даже настроенія. Одиночки-же — рѣдкость, вѣрнѣе—каждый изъ насъ извѣстное время своей жизни проводитъ вдали отъ всѣхъ, сосредоточиваясь на своихъ мысляхъ и вырабатывая свою волю. У иного это длится мѣсяцъ, у другого годъ, у третьяго — всю жизнь. Вообще-же мы любимъ общество и, быть можетъ, даже слишкомъ жмемся другъ къ другу. Главное наше правило: ни въ чемъ не мѣшать человѣку. У насъ есть

меланхолическіе поэты, бродящіе по горамъ и ущельямъ; техники—въ уединенныхъ лабораторіяхъ изобрѣтающіе новыя машины для побѣды надъ природой; философы, гранящіе свои системы въ далекихъ своихъ пещерахъ съ глазу на глазъ съ природой; пророки...

— Однако, и занесло-же меня!..—не удержался Ипполитъ... А въ наши дни, куда бывало не посмотришь—все статскіе совѣтники и всѣ гнѣздами сидятъ за винтомъ или дежурятъ хвостами въ казначействѣ.

— ...Мы поняли самую простую вещь, что инстинктъ заставляетъ всѣхъ животныхъ, въ томъ числѣ и человѣка, стремиться къ поддержанію своего существованія съ наименьшей затратой силъ, къ развитію всѣхъ своихъ способностей и дарованій, избѣгать всего непріятнаго, и чтобы достигнуть этого, необходима свобода... Мы не мѣшаемъ никому удовлетворять и жаждѣ своего одиночества, если она есть въ немъ, потому что, въ концѣ концовъ, это нисколько не мѣшаетъ и намъ. Напротивъ того: оставшись одинъ, человѣкъ быстро убѣждается, какъ онъ ничтоженъ и хрупокъ, какъ за самыми рѣдкими исключеніями скука начинаетъ томить его, и онъ возвращается къ намъ съ окрѣпшимъ чувствомъ товарищества, приноситъ порою цѣнныя мысли, вдохновляющія слова, новыя мелодіи, твердую волю и усиленно стремится заработать себѣ наше расположеніе, вниманіе, славу среди насъ...

— Все-же, значитъ, рано или поздно подпадаетъ подъ форму правленія?—упорствовалъ Ипполитъ.

— Далась вамъ форма правленія! Я вамъ сказала, что у насъ ея нѣтъ, и каждое человѣческое я—есть собственное королевство... Никакую форму мы не считаемъ нужной, какъ что нибудь устойчивое и постоянное. Мы не хотимъ ставить точку вѣчному движенію человѣческой мысли, вѣчнымъ перемѣнамъ. Мы живемъ не формами правленія, а только добровольными союзами... У насъ ихъ много—на всѣ вкусы, для всѣхъ

страстей и всѣхъ потребностей. Но если кому не нравится ни одинъ изъ существующихъ—кто мѣшаетъ ему основать свой собственный? Пусть онъ сообщаетъ объ этомъ товарищамъ, пусть убѣдитъ своимъ разумомъ, увлечетъ своимъ краснорѣчіемъ, зажжетъ въ ихъ душѣ чувство, вдохновляющее его — и слава Богу. Жизнь обогатилась новой мыслью, новымъ фактомъ, новой формой объединенія людей... Новыя секты постоянно возникаютъ у насъ. Въ однихъ возрождаются еще пережитки далекаго прошлаго, и они мечутся и безумствуютъ, какъ выражались въ ваши дни, въ мистическомъ экстазѣ. Другіе уходятъ отъ жизни въ аскетизмъ, въ подвижничество, не вѣря судьбамъ человѣчества: они ищутъ прямого или косвеннаго самоубійства, не желая отдаваться „живыми въ руки смерти“. Въ третьихъ бродитъ предчувствіе грядущаго, и они, какъ художники, жаждущіе совершенства и никогда не довольные достигнутымъ, отдаютъ всѣ силы, чтобы путемъ новыхъ пріемовъ воспитанія, общенія между возрастами, полами, профессіями, обезпечить пугливую и хрупкую свободу людей. Они ненавидятъ всякія колеи, вчерашній день кажется имъ врагомъ настоящаго, всякое властное воспоминаніе, какъ они думаютъ, только миритъ людей съ существующимъ и по недостаткамъ, ослабляетъ стремленіе впередъ, создаетъ пошлость и скуку увядшихъ чувствъ и настроеній— они борются со всѣмъ этимъ, какъ могутъ... Обыкновенный же нашъ союзъ—это просто товарищество для общей работы и самый характеръ работы опредѣляетъ форму правленія. Напримѣръ, форма правленія музыкальнаго оркестра— абсолютно монархическая, какого-нибудь производства — республиканская, въ началѣ школы —опять монархическая, въ среднихъ классахъ— конституціонная и т. д.

— Гм... А если я, напримѣръ, захочу учредить

союзъ душителей или туговъ... или, скажемъ, разбойниковъ...

— И жить въ „гостиницѣ 13 повѣшенныхъ“? Что же, попробуйте! Кто пойдетъ за вами? И какой вамъ прокъ въ награбленномъ, если у насъ ничего продать и купить нельзя?..

— Иные,—съ скромной меланхоліей замѣтилъ Ипполитъ,—такіе злодѣи въ душѣ, что мечтаютъ, напримѣръ, объ учрежденіи новыхъ формъ общежитія въ видѣ гаремовъ...

— Гаремы не учреждаются, а покупаются или нанимаются. Но если мы не продаемъ и не покупаемъ вещей,—то какъ же станемъ мы торговать людьми?.. Но оставьте ваши пошлости XX вѣка, которыя, конечно, только отъ запуганности и лѣни вашей мысли: грязь своей обстановки, безсиліе своего творчества, взаимное ограбленіе вы считаете чѣмъ-то кристаллизованнымъ въ гранаты и агаты... Мы пережили много, много послѣ васъ и знаемъ, что „все течетъ, все измѣняется“...

— И ничего не остается!—закончилъ Ипполитъ...

Какая-то печальная тѣнь пробѣжала по лицу дѣвушки... Пугливо оглянулась она вокругъ себя, какъ бы почувствовавъ пропасть на землѣ и на небѣ, куда, по всей вѣроятности, катится человѣческая жизнь.

— Быть можетъ... Но не станемъ говорить объ этомъ... Будемъ съ вами откровенны. У меня есть виды на васъ или лучше сказать, на ваше таинственное изобрѣтеніе, надъ секретомъ котораго, все равно, какъ и надъ секретомъ крыльевъ и сношенія съ другими мірами, мы такъ давно, такъ напряженно и пока такъ безнадежно трудимся... Онъ нуженъ намъ, и я хочу, чтобы вы остались съ нами...

— Я думаю, что вамъ достаточно было бы и инструмента?..

Она усмѣхнулась.

— Пожалуй—да. Потому что вы хилы и безобразны, какъ всѣ или переутомленные, или переѣвшіе люди вашего столѣтія... Но кто знаетъ, быть можетъ, вы поправитесь?..

Она загадочно взглянула на него... Ипполитъ пріосанился и сказалъ: „о!“...

— И право, что вы теряете? Вѣдь у насъ лучше, чѣмъ у васъ... Наша задача — создавать, а не разрушать. Вы же все только разрушали. Вы вывели почти всѣ лѣса, обмелили всѣ рѣки, истребили звѣрей, рыбъ, птицъ... Главной задачей своей считали истреблять другъ друга. Въ вашей жизни, въ вашей варварской цивилизаціи таилось что то грубо-хищническое и враждебное землѣ. Вы оголили природу, какъ оголили и душу человѣка, и ваша собственность, вашъ капитализмъ были настоящими демонами пустыни... А мы, повторяю, создаемъ. Посмотрите, какъ опять ожила природа, какъ могучее чувство творчества овладѣло нами и нашей жизнью. У насъ взя забота о томъ, чтобы вызвать наружу всѣ силы человѣка, всѣ богатства его духа... Мы не дѣлимся на званыхъ и незваныхъ, на избранныхъ и паріевъ. Мы вѣримъ, что каждый изъ насъ не только своими дарованіями, но и ошибками можетъ обогатить и вдохновить жизнь...

— Даже ошибками!.. У насъ за ошибки ставили единицы, изъ-за которыхъ стрѣлялись, а потомъ, когда запретили ставить единицы — начали ставить двойки, изъ-за которыхъ... тоже стрѣлялись...

— О нѣтъ... Мы щедры... Мы знаемъ, что всякое преступленіе есть только страсть, приложенная не къ мѣсту, что въ бредѣ безумца больше мудрости и человѣчности, чѣмъ въ ариѳметически правильныхъ разсчетахъ торгаша... Мы—щедры...

Въ эту минуту она была загадочна и прекрасна.

— Но вы то сами кто?..—спросилъ удивленный Ипполитъ... Правительница?.. Жрица?

— Я—весталка...

Ипполитъ еще разъ протеръ себѣ глаза, но не проснулся...

III.

...Естественно, если Ипполитъ заинтересовался вопросомъ, откуда все это произошло и какъ все это стало быть. Тѣмъ болѣе, что съ полей онъ слышалъ красивое пѣніе здоровыхъ и юныхъ голосовъ, изъ оконъ фабрикъ до него доносились и говоръ, и смѣхъ. Трудъ какъ будто ожилъ, развеселился, помолодѣлъ и пересталъ быть рабьимъ, подневольнымъ трудомъ нашего времени. Вѣрный духу своего времени, онъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— На чей счетъ вы такъ недурно устроились?—спросилъ онъ.

— Конечно, на свой собственный. Развѣ на чужой счетъ можно вообще устроиться? Развѣ кто-нибудь другой можетъ дать вамъ вашу радость? Развѣ все вамъ дѣйствительно цѣнное и дорогое не должно быть завоевано вами самими?

— Пожалуй... Только все-же и наградныя, и дарованныя—вещь недурная,—пробормоталъ онъ.

— Не понимаю я вашего жаргона,—поморщилась дѣвушка. Но если хотите, ближайшее наше прошлое я могу разсказать вамъ въ немногихъ словахъ. Въ томъ, что вы видите передъ собой—нѣтъ ничего случайнаго и свалившагося съ неба. Все это выросло изъ крови и страданій. Земля отдыхаетъ теперь послѣ долгихъ мукъ, судорогъ, корчей. Она вынесла грозы и встряски, о которыхъ нельзя безъ ужаса вспомнить.

— Вы, повидимому, человѣкъ той эпохи, когда только что начинался міровой катаклизмъ. Но вы видѣли только начало пожара. Передъ вами уже развертывались грандіозныя сраженія, гдѣ со стороны бойцовъ

гибли десятки и сотни тысячъ жертвъ, гдѣ пули и ядра сыпались какъ градъ, гдѣ груды труповъ выростали въ холмы и горы, — а на морѣ въ это время стальныя чудовища пускали другъ друга ко дну... Въ тѣ-же дни приниженный и забытый Трудъ поднялъ свою усталую голову и съ каждымъ днемъ все болѣе гордо и настойчиво сталъ заявлять о своихъ правахъ...

— Человѣчество сплавливалось въ одно цѣлое, и этотъ процессъ происходилъ въ огнѣ и дымѣ. Невѣдомые люди и народы всѣ съ оружіемъ въ рукахъ выступали на сцену. Они хотѣли счастья, справедливости, отмщенія; не хотѣли одного: быть рабами. Въ томъ же огромномъ котлѣ кипѣли и бушевали всѣ человѣческія страсти отъ фанатизма любви до фанатизма ненависти. Все скрытое, тайное, все, молчавшее вѣка, выходило наружу и страшно и грозно было это пробужденіе народовъ и массъ... Борьба, начавшаяся въ какихъ-то невѣдомыхъ горахъ и стѣнахъ обращалась въ общую свалку. Земля дрожала отъ гнѣва, а люди уже не могли остановиться. Преисподняя души человѣческой и преисподняя всего историческаго прошлаго обнажились. Казалось, сами мертвецы вышли изъ могилъ, чтобы принять участіе въ послѣднемъ днѣ сведенія итоговъ. Страшный судъ обращался въ дѣйствительность.

— Обычныя работы и дѣла людей пріостановились. Всякій чувствовалъ, что если онъ продолжаетъ вчера начатое — то дѣлаетъ что-то, сегодня уже ненужное, лживое и, быть можетъ, даже позорное. Онъ слишкомъ ясно видѣлъ, какъ завтрашній день смѣшиваетъ всѣ его разсчеты, какъ все гибнетъ въ пожарѣ и распрѣ... Тамъ, гдѣ еще наканунѣ колосились поля, стояли города и деревни — на утро выли голодныя собаки... То были дни суда, отмщенія, борьбы и разгула.

— Отъ кровавыхъ картинъ борьбы, отъ нетерпѣливаго ожиданія новаго, отъ страха передъ минутой, которая

должна наступить — люди сходили съ ума, прятались въ лѣсахъ, молили о пощадѣ и покоѣ. Но не было ни пощады, ни покоя! Сама природа какъ будто приняла участіе въ судномъ днѣ человѣчества. Участились землетрясенія. Острова поглощались океаномъ. Солнце свѣтило ярче и взрывы газовъ на его поверхности стали небывалыми. Красные и оранжевые лучи лились особенно напряженно. Отъ грозъ содрогались могучіе хребты горъ, вздувшіяся отъ наводненіи рѣки бушевали сильно и страшно, снося какъ солому каменныя постройки людей и терзая ударами своихъ волнъ тысячи труповъ, носившихся на ихъ поверхности.

— Исчезало, сносилось волнами, сгорало въ огнѣ, билось въ дребезги все прошлое, еще вчера такое устойчивое.

— На мѣстѣ прежняго молчанія раздались страстныя и одушевленныя рѣчи, горячіе призывы. Явились пророки и мученики. Зашумѣли и заговорили политиканы. Наряду съ великимъ зрѣлищемъ обновленія и расплаты развертывалось другое — борьба за власть, которая въ иныя минуты уже никому не принадлежала, за славу, ярко вспыхивавшую на одну минуту, чтобы погаснуть въ слѣдующую, за собственность, которой грозило все...

...Политиканы... Они дѣлали все, что могли. Жизнь выворачивала наружу все хорошее и дурное, что было въ нихъ. Въ иныя минуты подъ вліяніемъ общей борьбы, общаго страстнаго напряженія они становились даже людьми. Но страхъ утерять свое самолюбіе, разросшееся теперь до небывалыхъ размѣровъ, заставляло ихъ изыскивать всѣ средства и способы, чтобы сохранить прежнее, давши ему лишь новую кличку. Въ то время какъ пророки и мученики шли все впередъ по раскаленнымъ угольямъ, политиканы разговаривали не жалѣя льстивыхъ словъ, бросая народамъ и массамъ

куски и подачки, чтобы успокоить и угомонить ихъ. Но нельзя было успокоить и угомонить взбаломученное море. Нельзя было затушить огонь, пламя котораго все разгоралось, находя новую пищу въ фантазіи молодыхъ народовъ, въ страстныхъ призывахъ возрожденныхъ религій, въ національныхъ распряхъ, въ возстаніяхъ бѣлыхъ рабовъ и рабынь...

— Политиканы старались. Выросшіе среди того порядка и общественнаго слоя, который закончилъ кругъ своего философскаго, религіознаго и нравственнаго развитія изобрѣтеніемъ фальсификаціи, суррогата, опортунизма и полудѣвственности — они бросили въ борьбу свое непомѣрное самолюбіе, свой хищный эгоизмъ, свою способность къ лукавству и хитрости. Кто знаетъ, быть можетъ, имъ и на этотъ разъ удалось бы вылить масла на бурное море, но, очевидно, чаша человѣческаго и земного терпѣнія переполнилась.

— Борьба не замирала. Она разгоралась."

IV.

...Ипполитъ чувствовалъ себя очень недурно, а порою даже и совсѣмъ превосходно, въ таинственной странѣ элевтеровъ. Онъ пилъ, ѣлъ, спалъ сколько ему было угодно. Смотря по желанію, онъ бывалъ одинъ или среди людей. Иногда онъ записывалъ въ дневникъ какіе-нибудь поразившіе его факты, иногда, надувши для чего-то губы и сдѣлавъ свой взглядъ тупымъ, продолжалъ свой проектъ „О переименованіи комиссій и подкомиссій согласно толковому словарю Даля, въ шайки и подшайки". Нѣсколько лишь тяготило его то, что онъ мало понималъ въ окружающей его жизни. Поэтому, когда онъ находилъ порядки, кое-какъ напоминавшіе тѣ, что видѣлъ раньше,—онъ не безъ торжества восклицалъ: „совсѣмъ какъ у насъ". Но, увы!—очень немногое баловало его въ этомъ отношеніи. Чаще же

всего даже въ этомъ немногомъ приходилось разочаровываться и отдавать элевтерамъ ту справедливость, что они умѣютъ жить на свой ладъ и при томъ очень недурно. Косная душа Ипполита и его крысиный умъ—умъ грызуна, привыкшій все подгрызать, подтачивать, обращать въ труху—возмущались этимъ. „Не можетъ этого быть,—восклицалъ онъ... Человѣкъ это—звѣрь и даже воплощенное свинство... На какомъ основаніи вздумалъ онъ жить хорошо?“... И онъ старательно искалъ недостатковъ и заблужденій.

Элевтеры дали ему отдѣльный домикъ, очень удобный и красивый, хотя и съ бумажными стѣнами. Въ началѣ Ипполитъ обижался, что ему никто неприслуживаетъ—не чиститъ сапогъ, не пришиваетъ пуговицъ, не подаетъ ему въ постель чаю и не читаетъ ему на ночь вечернюю газету. Но таковъ былъ обычай страны, гдѣ каждый все долженъ былъ дѣлать для себя самъ и гдѣ не было ни прислуги, ни законныхъ женъ. Такъ что отъ удовольствіи пожаловаться на свои неудачи, посплетничать о своихъ пріятеляхъ и порадоваться тому, какъ они „сорвались“, „оборвались“, „получили носъ“ и пр., а также отъ привычки срывать на женѣ свое раздраженіе, пустивши ей самоваромъ въ голову, пришлось временно отказаться. Однако отсутствіе прислуги легко замѣнялось великолѣпно приспособленнымъ домашнимъ хозяйствомъ, а отсутствіе жены—надеждой имѣть новую. Онъ сталъ серьезно задумываться надъ вопросомъ, да не остаться ли ему тутъ совсѣмъ, но почувствовалъ, что рѣшеніе этого вопроса зависитъ прежде всего отъ „его“ весталки, „его“ „милой“ Виргиліи. Онъ хотѣлъ прежде всего разузнать, почему она весталка, а во-вторыхъ, доказать ей, что быть весталкой—это нелѣпость.

Но Виргилія не показывалась.

Предоставленный самому себѣ, Ипполитъ сходился понемногу съ элевтерами. Дѣлая наблюденія надъ ихъ

СОЦИАЛ... АБА...

нравами и бытомъ, онъ замѣтилъ прежде всего, что они отличаются большой простотой въ ѣдѣ, одеждѣ и вообще въ обиходѣ своей личной жизни. Ихъ домашняя обстановка отличается даже нѣкоторой спартанской суровостью. Зато всѣ общественныя зданія прямо поражали своею роскошью и тщательной отдѣлкой каждой мелочи. У нихъ вообще все дѣлалось такъ, чтобы сдѣланное соотвѣтствовало своей цѣли. Такъ напр. ни астрономическія обсерваторіи, ни университеты, ни школы, ни храмы божіи, ни мастерскія не служили ни провокаторству, ни полицейскимъ цѣлямъ. Если для какой-нибудь работы былъ нуженъ руководитель, то онъ выбирался изъ людей настоящихъ и, дѣйствительно, знающихъ. Ихъ академіи, т. е. союзы ученыхъ людей, находившихъ совмѣстную работу полезной,— жаждали открытій, а не жалованья, чиновъ и казенной квартиры, изобрѣтеній, а не изданія каталоговъ и перепечатокъ давно написаннаго... Всѣ недоразумѣнія между элевтерами рѣшались третейскимъ судомъ. Въ случаѣ какого-нибудь крупнаго и экстраординарнаго проступка, въ судѣ надъ провинившимся принимали участіе всѣ члены его союза, и приговоръ доходилъ до общаго порицанія или до остракизма.

Вообще все было мудро и просто.

Элевтеры до страсти любили природу—цвѣты, насѣкомыхъ, птицъ, звѣрей, чистый воздухъ, небо, человѣка. Къ природѣ они относились съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ и нѣжностью. Они дорожили ея красотой, пышнымъ цвѣтомъ своихъ деревьевъ, гибкими и сильными тѣлами своихъ ближнихъ. Они со страстью копались въ своихъ садикахъ, не ища ни выгоды, ни добычи. Но въ томъ, чтобы взращивать живое, они находили великое наслажденіе. Они любили самыя опасныя экспедиціи и рисковали на такіе соціальные опыты, которые когда-то едва снились Фурье.

Главнымъ своимъ дѣломъ они считали воспитаніе дѣтей. На него они не жалѣли никакихъ средствъ и усилій. Ихъ учителя и воспитатели никогда не умирали съ голоду, не просили милостыни: никто ими не помыкалъ. Ихъ дѣти, въ сущности, росли при полной свободѣ, и вся мудрость воспитанія сводилась лишь къ тому, чтобы помочь естественному росту и развитію ребенка, закалить его тѣло, сдѣлать умъ его находчивымъ, веселымъ и слегка насмѣшливымъ, его волю—твердой. Ради этого дѣти даже въ школахъ не только не изучали латинскаго и греческаго языковъ, но даже и древне-египетскаго. Они вообще гораздо больше бѣгали, прыгали, боролись, катались на лодкахъ, охотились на вредныхъ насѣкомыхъ, точили, строгали, строили дома, лазали по деревьямъ,—чѣмъ сидѣли уткнувшись носомъ въ книгу. Это послѣднее занятіе элевтеры вообще не очень уважали, потому что оно портитъ глаза и начиняетъ голову чужими мыслями, пріобрѣсти которыя очень легко, освободиться же отъ которыхъ почти невозможно. Тѣмъ болѣе, что сами они сочиняли очень мало, наша же литература съ ея тоской, озлобленіемъ, ея кричащимъ самомнѣніемъ и крикливымъ отчаяніемъ, ея дипломатическимъ лукавствомъ, тупымъ самодовольствомъ схоластиковъ, не подходила нимъ. Къ вѣчной сказкѣ исторіи о томъ, какъ люди въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій старались обмануть другъ друга и самихъ себя, они относились довольно насмѣшливо. Въ догмахъ, энциклопедіяхъ и курсахъ разныхъ „правъ“ они не нуждались, такъ какъ ихъ нисколько не интересовало оправданіе тѣхъ ста тысячъ случаевъ, когда человѣкъ можетъ убить, зарѣзать, повѣсить, обобрать или лишить свободы человѣка же. Все это они называли разсужденіями дурного тона и нечистотами мысли.

Дѣтей у нихъ было сравнительно немного. Ни одна ихъ женщина не хотѣла имѣть больше двухъ, находя

совершенно излишнимъ, чтобы дѣти истощали и пожирали своихъ матерей. Элевтеры одобряли такія мысли. Въ ихъ глазахъ воспитаніе было такимъ труднымъ и важнымъ дѣломъ, что они боялись, какъ бы не очутиться въ невозможности справиться съ тучами и кучами ребятъ. Душить же ихъ или топить въ клоакахъ, или морить съ голоду, или опаивать водкой и наркотиками, или воспитывать ихъ, какъ стадо барановъ,—они рѣшительно не хотѣли. Они любили здоровую, сильную жизнь, здоровыхъ и сильныхъ людей. Ихъ главные воспитатели были исключительные люди, но не по своей исключительной ненависти и неуваженію къ дѣтямъ, а совершенно по другимъ качествамъ: беззавѣтному мужеству (что было не лишнимъ при опасныхъ экскурсіяхъ и экспедиціяхъ), суровому добродушію, смѣлой находчивости, страсти къ новому, способности къ вдохновенію. Они не страдали ни геморроемъ, ни одышкой, ни чахоткой, ни сифилисомъ, ни невѣжествомъ, ни страстью къ доносамъ, ни властолюбіемъ, ни влюбленностью въ себя, ни тупостью, ни пристрастіемъ къ спиртнымъ намиткамъ или древнеегипетскому языку,—почему школы подъ ихъ руководствомъ не обращались въ фабрики для производства писарей и избіенія младенцевъ,—а помогали человѣку развивать свои естественныя влеченія и силы до высшей степени. Люди, богато одаренные, особенно воздержанные во всемъ, что казалось тѣла,—они обладали способностью внушенія, такъ что воистину могли являться благородными вождями своихъ шумливыхъ и милыхъ легіоновъ...

Дѣти,—и мальчики, и дѣвочки—жили вмѣстѣ, пока не начинали ощущать какой-то смутной неловкости. Но это случалось довольно поздно, такъ какъ ничто вокругъ не наводило ихъ на мысль, что есть въ жизни что-то запретное, почти уродливое, чего всѣ какъ будто стыдятся и, несомнѣнно, очень хотятъ. Любовь къ водѣ

и къ морю, напряженная жизнь тѣла и духа помогали тому же. Но какъ только появлялась стыдливость, дѣвочки и мальчики основывали отдѣльныя общежитія и, если хотѣли, продолжали посѣщать школу или же принимались жить какъ взрослые. Удивительная техника элевтеровъ позволяла на самомъ дѣлѣ много свободы и простора для каждаго хотя бы и не вполнѣ сложившагося человѣка. Техника эта, если можно такъ выразиться, развивалась въ направленіи, обратномъ нашему. Въ наши дни, машины и фабрики становились все сложнѣе;—въ дни элевтеровъ онѣ постоянно упрощались. Имѣя въ своемъ распоряженіи проволоку, передававшую въ его жилище любое количество электрической энергіи, полученной отъ живыхъ двигателей, такихъ, какъ водопады, рѣки, вѣтеръ, солнце, приливы и отливы,—и нѣсколько простыхъ, хотя и поразительно остроумныхъ (вродѣ нашихъ швейныхъ и писчихъ машинъ), станковъ—элевтеръ могъ у себя дома дѣлать все необходимое для его простой жизни. Ихъ общій трудъ заключался почти исключительно въ розысканіи и приспособленіи новыхъ источниковъ энергіи и земледѣльческихъ работахъ. Это давало имъ самостоятельность, это опредѣляло и самостоятельность подростающихъ поколѣній. Вынося изъ школы не аттестатъ зрѣлости, а находчивый, смѣлый умъ, не геморрой или подслѣповатость, а хорошія твердыя знанія, не схоластику логики и спиритизма, а немногія нужныя правила общежитія — молодой элевтеръ или элевтерка чувствовали себя сразу на ногахъ. Немногія нужныя правила общежитія заключались въ слѣдующемъ:

— „Не мѣшай никому жить такъ, какъ онъ хочетъ, и не позволяй никому мѣшать тебѣ жить такъ, какъ хочешь ты самъ. Стремись къ созданію, а не разрушенію жизни.—Уходи отъ всего мертваго, отъ всякой падали, всего отжившаго и прилѣпляйся сердцемъ лишь къ живому, цвѣтущему, въ чемъ красота и сила“.

— А потомъ, потомъ? — нетерпѣливо спрашивалъ себя Ипполитъ... Ну, хорошо, уйдутъ изъ школы, запасшись своими начатками... И—дѣлай что хочешь?! Безъ всякаго надзора, контроля, шпіонства, обысковъ, внезапныхъ ревизій—словомъ, не только уже безъ плащей, но и безъ штановъ добродѣтели и порядка, молодежь, несомнѣнно, должна погрузиться въ развратъ... Это очевидно...

Похотливое любопытство Ипполита особенно старательно устремлялось именно на этотъ деликатнѣйшій пунктъ всякой утопіи... Совершенно напрасно приписывалъ онъ такое любопытство всесторонне развитой пытливости своего ума. Сила была здѣсь не въ умѣ. Но какъ бы то ни было, Ипполитъ слѣдилъ. Случалось, что цѣлыми ночами бродилъ онъ возлѣ мѣстъ, гдѣ посѣлилась отдѣлившаяся молодежь, насторожившійся и нѣсколько даже раздраженный, но не могъ найти ничего подозрительнаго. „Ловко обдѣлываютъ свои дѣлишки“,—думалъ онъ... И чортъ ихъ поймаетъ, если и костюмъ у нихъ тотъ же, да и шляются они цѣлыми ночами по какимъ-то лѣсамъ и горамъ“...

Вообще эти страницы его дневника (откуда взята вся эта утопія) отличаются нѣкоторой торопливостью и неясностью. Въ нихъ много предположеній, быть можетъ, свѣдѣній, соотвѣтствующихъ дѣйствительности, но, оберегая добродѣтельное лицемѣріе и лицемѣрную добродѣтель соотечественниковъ, — я ограничусь нѣсколькими строками.

...„Очевидно развратничаютъ... Ужъ что они (рѣчь идетъ о молодежи) ходятъ другъ къ другу въ гости—это я знаю... Тѣмъ, что они будто бы совмѣстно интегрируютъ уравненія—они только пускаютъ пыль въ глаза. Знаемъ мы эти уравненія!.. Да и какъ не развратничать въ странѣ, гдѣ нѣтъ даже проституціи“?!

Послѣднее замѣчаніе, воистину, достойное человѣка

XX вѣка, было почему-то трижды подчеркнуто Ипполитомъ.

...„Недурная штучка эта Порція! –продолжалъ Ипполитъ. Только все же дерзкая дѣвчонка: зоветъ меня дѣдушкой... Сегодня я ее спрашиваю: „отчего вы не живете съ вашими папашей и мамашей“, а она мнѣ отвѣчаетъ: „такъ удобнѣе“! Впрочемъ, чего же вы хотите отъ дочери народа, у котораго нѣтъ даже начальства!.. И кто это имъ разрѣшилъ жить безъ начальства“?!. Еще: „Въ основу брака элевтеры кладутъ любовь и даже влюбленность. Но форма его опредѣляется степенью чувства и характеромъ заинтересованныхъ лицъ“.

Дальше: ...„Устраиваютъ какіе-то праздники „первой листвы“, „пробуждающейся природы“, „вишневаго расцвѣта“... Полагаю, что тутъ не обходится дѣло безъ того, чтобы „схожахуся межу селъ и игрища поганыя творяху“... Вообще—крайне легкомысленно, То, что у насъ называется семьей, т. е. жизнь парами, осѣдаетъ здѣсь очень поздно, а молодость проходитъ невѣдомо какъ... Поневолѣ станешь звать себя сыномъ или дочерью народа, когда многое неизвѣстно и неопредѣленно... Меня удивляетъ только одно, что за причина, почему эти люди не перегрызаютъ другъ другу шеи“?

„Какъ это было въ наши дни“,—могъ бы прибавить Ипполитъ. Но, очевидно, чѣмъ-то раздраженный, (быть можетъ „дѣдушкой“ Порціи)—онъ этого не сдѣлалъ...

Поэтому переворачиваю раздраженныя страницы его дневника и перехожу къ дальнѣйшему...

V.

На сценѣ опять Виргилія—стройная и вдохновенная, со своими загадочными недомолвками и тайными думами.

„Сегодня,—пишетъ Ипполитъ,—я видѣлъ Виргилію, Признаюсь, что нѣсколько обрадовался и даже оробѣлъ при этой новой встрѣчѣ. Тянетъ меня къ этой дѣвицѣ

съ темпераментомъ, но и побаиваюсь я ея. Она ласково спросила меня, какъ мнѣ нравится въ ихъ странѣ. Къ своему изумленію я, видя ее передъ собой, отвѣчалъ, что „недурно“. А, между тѣмъ, я выслѣдилъ не мало такого, что мнѣ не нравится. Овладѣвъ собою, я выставилъ на видъ Виргиліи, что мнѣ, напр., очень странной показалась дерзость Порціи, которая зоветъ меня „дѣдушкой“... „Какой я дѣдушка?—воскликнулъ я,—когда мнѣ далеко еще и до 40 лѣтъ и всего только одна лысина“?—„А вамъ сколько надо?—тоже довольно дерзко отвѣтила Виргилія и прибавила: „Вы стары духомъ... Вы неспособны уже ни на сильную жизнь... ни на здоровое самоубійство“...

„Меня, — прибавляетъ Ипполитъ, — поражаютъ эти элевтеры необузданностью своего языка. Извольте переварить такое выраженіе, какъ „здоровое самоубійство“. Къ сожалѣнію, по стеченію разныхъ обстоятельствъ и чувствъ я не могу обижаться на Виргилію. Кстати, какой-то балахонъ, который она носитъ, удивительно идетъ къ ней! Гм... совершенно непозволительно быть ей весталкой“.

„Такъ какъ она настаивала на томъ, чтобы я указалъ „черты, достойныя уваженія“, въ ихъ жизни я сказалъ: „ничего, ваши живутъ весело... Только все же я сомнѣваюсь, чтобы у васъ не происходило трагедій“!

„А почему бы не быть и трагедіямъ? — услышалъ я:—мы люди, а не боги... Ну, вдругъ, напр., вы полюбите меня, а я васъ нѣтъ? Развѣ можно поручиться, что вы не броситесь въ море“? Я съ обидой замѣтилъ, что въ голосѣ ея звучала насмѣшка.—„А вѣдь кто же это знаетъ,—и бросился бы, пожалуй“,—чѣмъ то увлеченный сказалъ я.—„Вотъ видите. И у насъ бываетъ то же самое, хотя рѣдко, такъ какъ мы больше любимъ жизнь, чѣмъ случайныхъ мужчинъ и женщинъ. Но порою подпочва прожитыхъ людьми вѣковъ и поколѣній раскрываетъ свои нѣдра и оттуда вырываются дикая

ревность, неукротимое самолюбіе, жажда безмѣрной власти... Это бываетъ грозно и страшно“... Я сказалъ ей дальше, что нѣтъ ничего естественнѣе, если женщина, пока люблю ее „я“, принадлежитъ бы одному мнѣ. Ну, а потомъ, конечно, какъ угодно. „Вы покупали себѣ женщинъ или продавали имъ себя. Оттого-то противоестественное кажется вамъ естественнымъ“.

„Сужденія Виргиліи, несомнѣнно, рѣзкія“.

...„Во всякомъ случаѣ меня радуетъ то обстоятельство, что Виргилія часто повторяетъ свое желаніе, чтобы я остался въ ихъ странѣ. Въ иные минуты я начинаю думать, что въ этомъ виновата не только моя чудодѣйственная машина. Впрочемъ, интересъ къ ней одинаково не уменьшается... Что въ ней, зачѣмъ она Виргиліи?.. Не понимаю“...

„Я спросилъ ее объ этомъ“.

— Я хочу провѣрить справедливость нашихъ идей,— отвѣчала она.—Я хочу знать, идемъ ли мы къ жизни или смерти... Я хочу дать дѣтямъ моей страны и моего народа Сивиллины книги, таинственныя страницы которыхъ мы пока все еще безсильны прочесть...

„Я совершенно искренне (пишетъ Ипполитъ) сказалъ, что, „извините, а я тутъ ровно ничего не понимаю... Во-первыхъ, незнаніе будущаго придаетъ жизни извѣстный интересъ, такъ сказать, пикантность. Во-вторыхъ, ясно, что какъ ни переворачивай жизнь людей, а, въ концѣ концовъ, все-же выходитъ--крышка. Будетъ ли всемірный потопъ при перемѣщеніи южнаго полюса на мѣсто сѣвернаго и обратно, или какая-нибудь невѣдомая комета заразитъ насъ невѣдомыми микробами, сгоритъ ли земля, упавъ на солнце, или само солнце потухнетъ, удавится ли человѣчество отъ скуки или утопится отъ отчаянія—не все ли равно?.. А въ-третьихъ, Виргилія, какое вамъ дѣло до людей?.. Вотъ мы тутъ съ вами одни... травка... море“... Я, очевидно, сказалъ что-то лишнее, потому что она сердито

взглянула на меня. Но ея давняя ко мнѣ благосклонность, а быть можетъ, и мое краснорѣчіе одержали верхъ.

— Вы спрашиваете,—заговорила она,—какое мнѣ дѣло до людей? Но я одинаково спрошу васъ: знаете ли вы людей, видѣли ли вы ихъ когда-нибудь?..

— Очень даже достаточно...

— Вотъ вы видѣли не людей, а только госпюдъ и рабовъ. Вы не видѣли прекраснѣйшаго созданія природы — свободнаго человѣка. Его не было у васъ. Вы довольствовались лишь суррогатомъ—господиномъ, рабомъ и ихъ промежуточными звеньями — управляющими, приказчиками, мошенниками и плутами. Вы такъ привыкли въ свое время къ такому порядку вещей, что и не могли представить себѣ иного. Даже и геніевъ своихъ и талантовъ, этихъ предвѣстниковъ свободы, красоты и силы, вы развращали вашимъ мишурнымъ богатствомъ, вашей дешевой, хотя и шумной, славой, вашей готовностью на униженіе и преклоненіе... И изъ нихъ одинаково вы дѣлали или господина или раба...

Вы не знаете и не видѣли еще свободнаго человѣка... Что же можете сказать вы о немъ?“...

VI.

— Признаюсь,—продолжаетъ Ипполитъ,—мнѣ очень нравится Виргилія въ минуты ея монологовъ. Но самыя ея слова мнѣ не по душѣ.

Дальше мы узнаемъ изъ дневника, что „Виргилія является ко мнѣ лишь урывками, причемъ смотритъ на меня порою очень внимательно“. „Очевидно, я нравлюсь ей“, — прибавляетъ этотъ маленькій, лысый, толстобрюхій человѣкъ, полный непреложнаго самодовольства и самоувѣренности. Потомъ онъ пишетъ, что Виргилія занимается какими-то изслѣдованіями на

небѣ или тому подобными глупостями, — что ему „вообще очень недурно“, но „хотѣлось бы быстрѣйшаго выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ“. Черезъ нѣсколько страницъ Ипполитъ признается, что онъ достаточно ясно намекнулъ Виргиліи на тѣ условія, при которыхъ онъ согласенъ остаться въ странѣ элевтеровъ и отдать ей свою „чудесную машину“, на что Виргилія, загадочно улыбнувшись, сказала: „вѣдь я весталка!“

VII.

— Признаюсь, я не ожидалъ найти въ странѣ свободы такихъ странныхъ стѣсненій личности... — воскликнулъ раздраженно Ипполитъ, какъ узнаемъ мы это изъ его дневника.

— Какое же стѣсненіе, если я хочу и могу?

— Но зачѣмъ?..

— Всякому свое... Человѣкъ богаче и разнообразнѣе, чѣмъ вы думали. Только стиснутые и оглушенные люди похожи другъ на друга, какъ запыленныя листья того же дерева... А зачѣмъ?.. Я не знаю, зачѣмъ... Мы боремся, мы ищемъ, каждый за свой страхъ и по возможности своимъ путемъ... Но, зачѣмъ?.. Это странный вопросъ... Мы живемъ повышенной жизнью борьбы, стремленіемъ къ побѣдѣ, мы полны оргіазма, страсти, воспоминанія о прежнихъ ужасахъ... а вы спрашиваете зачѣмъ?..

— И что же это — надолго, навсегда ваше... жречество?

— Пока я хочу и могу...

— Капризъ, фантазія, самолюбіе, жажда славы?..

— Пусть все это... Но—слушайте. Я начала какъ-то разсказывать вамъ о жизни прошлыхъ поколѣній. Я не успѣла сдѣлать этого прошлый разъ. Попробую теперь.

„Я говорила вамъ о бѣдствіяхъ, пережитыхъ когда-то людьми. Эти ни съ чѣмъ не сравнимыя бѣдствія продолжались много и много лѣтъ. Они начались неожиданной войной, въ которую постепенно, прямо или косвенно, втянулись всѣ народы и государства. Потоками крови люди хотѣли залить всю землю, — быть можетъ, не безъ тайной надежды, что она выйдетъ изъ-подъ груды труповъ обновленной и зеленѣющей. Все было поставлено на карту: надо было или жить по новому, или перегрызть другъ другу горло. Не зная другихъ средствъ, люди взялись за ружья и бомбы. Началась міровая война.

„Я говорила вамъ, какъ земля, будто оглушенная выстрѣлами, будто напуганная титаническими битвами, вступила въ борьбу съ человѣчествомъ, насылая на него миріады своихъ микробъ, голодъ и землетрясенія.

„О, какъ долго это длилось. Съ какой ненавистью сводились старые, казалось, забытые счеты, какими грозными призраками вставали мертвецы изъ могилъ, требуя отмщенія. Даже первобытное чудовище Китай— заволновался и бросился въ общую свалку, въ эту адскую игру, гдѣ ставками были народы, милліарды, города и страны. Проворовавшаяся развратная цивилизація заканчивала свою жизнь.

„Красный смѣхъ войнъ и междоусобицъ слышался одинаково съ безлюдныхъ равнинъ и изъ узкихъ городовъ улицъ. И когда борьба дошла до безумія, когда человѣчество, казалось, корчилось въ предсмертныхъ судорогахъ, — тамъ и здѣсь послышались новые, звенящіе голоса. Изъ призывъ былъ могучъ и страстенъ, и толпы людей одна за другой откликалась на него. Каждый изъ идущихъ говорилъ себѣ — „Я хочу быть человѣкомъ, я хочу быть свободнымъ честнымъ человѣкомъ и жить среди свободныхъ и честныхъ людей“.

„Среди все нараставшихъ тысячъ идущихъ было много подростковъ, еще больше женщинъ. А это

грозно, когда выступаютъ на сцену подростки и женщины! Но взрослые бились въ рядахъ милліонныхъ армій. Подростки и женщины заступили ихъ мѣсто...

„Какъ все въ эти годы борьбы и отчаянія, жажда свободной и честной жизни была стихійна и неотвратима. Самыя остроумныя дипломатическія и политическія комбинаціи, способныя еще вчера обмануть не только людей и боговъ, но и самихъ творцовъ этихъ комбинацій, сгорали какъ бумага въ огнѣ, отъ напряженнаго и страстнаго дыханія людей.

Все божеское и звѣрское, что было въ человѣкѣ, проснулось въ одно и то же время. Свѣжіе цвѣты подснѣжника были забрызганы кровью. Отчаяніе и вѣра, готовность погубить и погибнуть жили одинаково въ душахъ идущихъ...

„Идущіе волною катились съ востока на западъ, готовые обойти весь міръ, чтобы вновь увидѣть передъ собой и восходящее солнце, и утреннія звѣзды... Уставшіе изъ нихъ осѣдали тамъ и здѣсь, образуя странныя общины на развалинахъ городовъ, въ трещинахъ и щеляхъ потрясенныхъ государствъ. Они говорили о мирѣ всего міра, — они звали людей къ товариществу и братству, жизни, гдѣ не было бы и помину о жизни за счетъ чужого труда и чужого счастья...

„Умудренные ужасомъ огня и крови, люди услышали ихъ“. . . . . .

. . . . . .

...„Мы оттуда изъ этихъ залитыхъ кровью полей и лѣсовъ, изъ дымящихся развалинъ одряхлѣвшей цивилизаціи. Красный смѣхъ еще звучитъ въ нашихъ ушахъ, мы видимъ еще багровое отъ пожаровъ небо... Мы внуки и правнуки тѣхъ, кто среди суровыхъ лишеній, въ экстазѣ самоотреченія, страданій и подвижничества, звалъ людей къ повышенной жизни, проклиная въ нихъ все звѣрское, благословляя все человѣческое... Мы внуки и правнуки тѣхъ, кто училъ,

что надо создавать, а не разрушать жизнь, что горе тому, кто напрасно потопталъ и былинку, что смыслъ жизни — въ ея вѣчномъ творчествѣ, въ вѣчномъ стремленіи...

...„Вы спрашиваете, почему я весталка?.. Не одна я среди дѣтей моего народа... Что удивляться, если ужасъ прошлаго сильнѣе, чѣмъ у другихъ, живетъ въ насъ, если мы боимся, что люди опять покатятся внизъ и возродятся страсти дряхлой и жестокой цивилизаціи прежнихъ временъ? Мы думаемъ, что наши бѣлыя одежды нужны людямъ. Прежній развратъ и ужасъ передъ его возвращеніемъ даетъ намъ силу. И мы хотимъ той чистоты, которая лишь подъ силу намъ. Жизнь должна быть правдивой, творческой и суровой, чтобы быть человѣческой жизнью“...

VIII.

Изъ дневника Ипполита мы узнаемъ, что онъ не повѣрилъ ни одному слову изъ того, что говорила Виргилія. Не повѣрилъ же онъ потому, что ни о чемъ подобномъ онъ не читалъ ни въ газетахъ, даже разрѣшенныхъ „цензоромъ Бируковымъ“,—и что все это онъ считаетъ только бредомъ Виргиліи — „дѣвицы экзальтированной и начитавшейся, очевидно, разныхъ тамъ Консидерановъ и Марксовъ“.

Послѣдніе листки дневника Ипполита дошли до насъ въ очень растрепанномъ видѣ. Разбираясь, однако, въ этихъ обрывкахъ мы узнаемъ, что—

...„Виргилія въ концѣ концовъ обратилась ко мнѣ со страстной мольбой отдать ей мой чудодѣйственный приборъ безъ всякихъ условій. Ей нужно было знать будущее своей страны, чтобы вдохновить элевтеровъ на новое мужество, новые подвиги, подготовить ихъ

къ грядущимъ бурямъ или остеречь отъ грядущаго счастья. Она хотѣла оставить имъ Сивиллины свитки... „Ну, а если впереди все же смерть, все же разложеніе?“...—спросилъ я. „Я не вѣрю въ это, но—пусть. Пусть все же борются, ищутъ, пусть творятъ жизнь и пусть знаютъ, что побѣда выше счастья“. „Въ такомъ случаѣ такъ и напишите“. „Развѣ это то же самое?“—грустно спросила она и повторила, но уже тихо и неувѣренно, свою мольбу“,

„Я, однако, настаивалъ на своемъ. Я былъ твердъ и непреклоненъ какъ бы высѣченный изъ гранита и мрамора. Я былъ краснорѣчивъ. Я ей доказывалъ, что по сравненію съ благомъ элевтеровъ (до котораго, конечно, мнѣ было тѣмъ менѣе дѣла, чѣмъ красивѣе и соблазнительнѣе становилась въ моихъ глазахъ Виргилія) ея бѣлая одежда значитъ такъ же мало, какъ жизнь мотылька передъ жизнью человѣка. Я увѣрялъ ее, что она меня любитъ, но непонятная привязанность къ какимъ-то дѣтямъ своего народа затемняетъ ей зрѣніе. Я упрекнулъ ее въ излишкѣ самолюбія, желавшаго непремѣнно поставить на своемъ. Я умолялъ. Я бѣсновался и ревновалъ ее. Я грозилъ ей, наконецъ, тѣмъ, что вотъ возьму и провалюсь въ бѣздну вѣковъ...

„Все это время она смотрѣла на меня сосредоточеннымъ взглядомъ, въ которомъ, какъ въ чистомъ брилліантѣ, переливались всѣ лучи. Очевидно, что она любила, ненавидѣла, презирала меня, удивлялась моей настойчивости, казнила себя, мучилась и колебалась въ одно и то же время“.

„Но—я... Я остался непреклоненъ“...

„Она попросила, наконецъ, сутки, чтобы обдумать. Это было очень для меня обидно, но я согласился“...

„Дѣйствительно, ровно черезъ сутки я получилъ ея записку: „Мы живемъ правдой. Вы хотите, чтобы я обманула васъ и себя. Я нисколько не люблю васъ, а

на компромиссы я не пойду. Поэтому—прощайте. Ложь и компромиссы, что бы ни обѣщали они въ будущемъ, порождаютъ только новую ложь и новые компромиссы".

...„Я съ грустью увидѣлъ, что мнѣ нечего больше дѣлать въ странѣ элевтеровъ, и бросился въ бездну вѣковъ"...

...Когда Ипполитъ окончательно проснулся, онъ былъ очень удивленъ, что видѣлъ разныя несообразности, а еще больше — тѣмъ, что возлѣ него лежалъ его дневникъ пребыванія въ странѣ элевтеровъ. Происхожденіе этого дневника онъ не могъ объяснить себѣ иначе, какъ спиритизмомъ,—на чемъ и успокоился...

1905 февраль.

Море горѣло.

Море горѣло.

Въ приморскій нефтяной городъ какъ-то случайно съѣхалось много семейныхъ туристовъ. Тутъ были французы, нѣмцы, англичане. Они внимательно осматривали достопримѣчательности, которыя имъ въ большинствѣ случаевъ выдумывалъ хитрый проводникъ-персъ. Онъ зажигалъ передъ ними землю, пропитанную нефтью, открывалъ отдушины глубокихъ подземныхъ галлерей и газы, вылетавшіе изъ нихъ вспыхивали отъ мгновеннаго прикосновенія окурка сигары. Все этъ онъ связывалъ съ именемъ Заратустры. „Вотъ алтарь съ когда-то вѣчно пылавшимъ огнемъ: здѣсь Заратустра очищался отъ дурныхъ мыслей...; вотъ камень, съ котораго онъ проповѣдывалъ... вотъ скала, откуда онъ любовался горящимъ моремъ“... Услышавъ о горящемъ морѣ, дѣти заволновались.. Съ блестящими глазенками стали они просить чтобы имъ показали горящее море... И они увидѣли его, это горящее море, но не то, на которое, когда-то, сидя на высокой скалѣ, любовался Заратустра. Я разскажу, какъ это случилось.

* * *

Это былъ странный, нелѣпый, выстроенный наперекоръ разуму и природѣ городъ. Выстроенный изъ камня, среди песчаной безлюдной пустыни, онъ стоялъ накаленный до бѣла лучами южнаго солнца. Съ величайшимъ трудомъ, привозя землю за десятки верстъ и защищая ее отъ вѣтра бетономъ или желѣзными рѣшетками, удалось укрѣпить нѣсколько десятковъ деревьевъ, чахлыхъ, покрытыхъ пылью, наполовину съ оборванной желтой листвой. Нигдѣ въ городѣ не было ни прохлады, ни тѣни. Даже море ушло отъ него на нѣсколько верстъ да и тамъ начиналось „мелкоморьемъ“ и только въ бинокль можно было разсмотрѣть сердитые, сѣдые валы безпокойнаго Каспія. По улицамъ постоянно носились облака пыли. Бульваровъ не было, конечно, вмѣсто нихъ тянулись унылые, мертвые ряды деревянныхъ столбовъ, обвѣшанныхъ десятками проволокъ для телеграфа, телефона и передачи электрической энергіи. Подъ послѣдними была привѣшена тяжелая желѣзная сѣтка. При вѣтрѣ, особенно при нордъ-остѣ, проволоки безжалостно визжали, шумѣли и выли точно души грѣшниковъ въ аду. Слабонервные люди не могли выносить этой дикой музыки, отъ которой нельзя было спрятаться ни за каменными стѣнами домовъ, ни уткнувши голову подъ цѣлый рядъ подушекъ. Слабонервнымъ людямъ вообще не было мѣста въ этомъ городѣ. Въ немъ царили ажіотажъ на участки нефтеностной земли, страстная жажда обогащенія, напряженный трудъ. Нѣдра земли выбрасывали порою цѣлые милліоны пудовъ драгоцѣнной нефти. Бѣшено, на сотни футовъ кверху, били фонтаны. Въ нѣсколько дней создавались огромныя состоянія. Сотни тысячъ закапывались въ землю и люди сходили съ ума, когда пробуравленный фонтанъ оказывался не изъ нефти, а изъ воды. Здѣсь жили бѣшено и строго. Бѣшено работали, бѣшено и кутили. Карты,

вино, женщины были необходимостью для этихъ, вѣчно натянутыхъ нервовъ. Цѣлые хоры наѣзжавшихъ пѣвичекъ разбирались нарасхватъ. Милліонъ, близость котораго чувствовалось каждымъ, возбуждалъ бредъ, страсть, вдохновеніе. Здѣсь часто забывали, что такое сонъ. Здѣсь не хотѣли сна. Все суетилось, кричало, интриговало, мошенничало, оттягивало другъ отъ друга клочки нефтеносной земли и находило свой странный, безумный отдыхъ лишь въ азартѣ и развратѣ. Было что-то нелѣпое и чудовищное въ жизни этого страннаго города. Люди всѣхъ націй, возрастовъ, положеній сходились и спорили въ мѣстныхъ биржахъ, ресторанахъ. Гигантскими скачками повышались и падали цѣны, создавая богачей и нищихъ. Нервные голоса съ вскрикиваніями и всхлипываніями перебивали другъ друга. Я никогда не видѣлъ здѣсь спокойнаго лица. Мнѣ рѣзали глаза эти острые, жгучіе взгляды, которыми обмѣнивались люди. Мнѣ было больно отъ рѣзкихъ, истеричныхъ жестовъ, отъ дрожащаго смѣха. Тихая убѣжденная рѣчь пугала меня больше всего! Я зналъ, что это рѣчь сумасшедшаго, мономана, загипнотизированнаго бредовой мыслью, что онъ знаетъ и умѣетъ находить подземныя нефтяныя озера по какимъ-то, ему одному извѣстнымъ, примѣтамъ. „Отъ ближайшаго фонтана надо отойти на востокъ 500 шаговъ, потомъ повернуть прямо на сѣверъ, тоже на 500 шаговъ. Обѣ точки соединить прямой и въ центрѣ треугольника—непремѣнно есть фонтанъ“. Всѣ холостые или жившіе врозь съ семьями люди сосредоточивали свои заботы, радости, печали, думы только на наживѣ. Они говорили только о тысячахъ и милліонахъ. Они не жили, а жгли себя съ обоихъ концовъ. Слабые, нервные, особенно же неудачники быстро сѣдѣли, сходили съ ума, казались отжившими и дряхлыми несмотря на молодыя годы. Мнѣ, всѣ окружающіе казались безумцами и усталый,

измученный слушалъ я ихъ бредъ о милліонахъ, виллахъ и гаремахъ изъ бѣлаго мрамора.

* * *

Директоръ одного изъ заводовъ—Габріэль Боркманъ, любилъ этотъ городъ созданный капитализмомъ и точно по слову волшебника выросшій среди безводной пустыни на берегахъ соленаго Каспія. „О, если съ умомъ—то и на песцѣ можно строить!“ — тяжело острилъ онъ гордо окидывая взглядомъ подвластные ему заводы, далекія вышки, какъ колпакомъ прикрывавшія бездонныя буровыя скважины,—безчисленные амбары—нефтехранители, узенькія чорныя полоски домиковъ, или казармы, гдѣ жили рабочіе. Онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла и это сознаніе поднимало его голову и грудь. Онъ помнилъ эти мѣста еще пустыми и голыми, гдѣ по вѣрѣ окрестныхъ жителей жили одни злые духи, гдѣ при таинственномъ синемъ свѣтѣ подземныхъ огней черти справляли свои свадьбы и праздники... А теперь! Эти ряды вышекъ на промыслахъ, эти громадные заводы, занимавшія тысячи квадратныхъ саженей,—десятки верстъ цинковыхъ трубъ, какъ змѣи тянувшіеся по землѣ для передачи нефти съ одного мѣста на другое, весь этотъ городъ чисто промышленный, торговый съ своей напряженной жизнью! Боркману нравилось, что здѣсь не было ничего, созданнаго природой. Природа дала одинъ песокъ. Все сдѣлано руками человѣка, на всемъ слѣдъ его работы, его генія, его знаній. Каждый шагъ приходилось закрѣплять здѣсь желѣзомъ и камнемъ. И борьба не уменьшалась. Сначала нефть лилась прямо изъ подъ земли. Изъ неглубокихъ колодцевъ ее черпали ведрами. Пробившись сами изъ подъ слоя песку и глины фонтаны били, образовывали цѣлыя озера и никто не зналъ, что съ ними дѣлать. Поблиставъ на солнцѣ своимъ мутно-зеленымъ блескомъ жирная нефть или скатывалась въ

море или опять уходила внутрь земли. Но эти времена давно прошли. Приходилось уже рыть скважины на 100 и 200 саженъ глубины. Всѣ послѣдніе слова техники находили здѣсь свое примѣненіе. Бѣшеныя фонтаны признали власть человѣка и били черезъ краны. Нефть покорно вливалась въ амбары; на заводахъ ее очищали, перерабатывали и потомъ гигантскія, чудовищныя машины гнали ее по трубамъ на другую сторону Кавказскаго перешейка, черезъ пустыни, горы, туннели, по лощинамъ чудныхъ горныхъ рѣчекъ, по зеленой долинѣ Ріона и все дальше на золотисто-зеленое побережье Чернаго моря. Своими могучими сверлами человѣкъ заходилъ все глубже въ нѣдра материземли и черпалъ оттуда свое богатство, пролежавшее милліоны лѣтъ. Много перешло ему въ руки, но оставалось еще больше. И надо было только работать и работать. Боркманъ работалъ съ утра до вечера. Цѣлыми часами не сходилъ онъ съ своей коляски. Его подчиненные ждали его каждую минуту и трепетъ охватывалъ ихъ душу, когда они (всегда неожиданно) видѣли передъ собой высокую сѣдую фигуру съ проницательнымъ взглядомъ и слышали сухой отрывистый голосъ, рѣзко задававшій вопросы. Ни похвалы, ни порицанія въ лицо Боркманъ не допускалъ, но въ своей огромной записной книжкѣ онъ отмѣчалъ таинственными значками шагъ за шагомъ всю работу человѣка, всю его дѣятельность, и никто не зналъ: что страшнѣе— Боркманъ, или его книга? Какъ будто неожиданно получались награды и увольненія. Всѣ знали, что это распорядилась книга, гдѣ „балансъ человѣка“ обращался въ плюсъ или минусъ. Спорить, разговаривать, просить, даже умолять—было совершенно безполезно. Ни слезы женъ, ни лукавыя заискиванія какой-нибудь-хорошенькой родственницы не дѣйствовали на Боркмана. Онъ сухо высчитывалъ, сколько давалъ онъ человѣку и сколько получалъ съ него, и минусъ въ его глазахъ

былъ безапелляціоннымъ приговоромъ. „Все это простая арифметика и я тутъ не причемъ“...

* * *

Непремѣнно каждый день заѣзжалъ онъ для отдыха на свой любимый образцовый заводъ, гдѣ нефть перегонялась изъ одного гигантскаго куба въ другой, чтобы въ концѣ перегонки вытечь изъ крановъ бѣлой струей бензина, керосина, разныхъ маслъ, остатковъ. Заводъ, устроенный подъ открытымъ небомъ, безъ крыши, тихо шумѣлъ днемъ и ночью. Громадные стальные двигатели были далеко. Ряды огромныхъ кубовъ, соединенныхъ трубами, тянулись на сотни саженей. Въ каждомъ кубѣ нефть подогрѣвалась до извѣстной температуры и сама собой переливалась въ слѣдующій. Было жарко сверху отъ солнца, со всѣхъ сторонъ — отъ безчисленныхъ топокъ, гдѣ перегорали остатки безъ дыма, безъ копоти, безъ золы. Это были до бѣла раскаленныя печи, очень просторныя, наполненныя краснымъ, какъ бы колышущимся свѣтомъ: горѣла нефть, обращенная въ микроскопическія брызги. Было тихо и поразительно чисто по корридорамъ, отдѣлявшимъ кубъ отъ куба, ряды кубовъ отъ высокой каменной стѣны. Нигдѣ не раздавалось не только голоса, но и шепота. Ни шептать, ни говорить было некому. Возлѣ каждаго куба стоялъ одинъ рабочій — и слѣдилъ за топками, регулируя притокъ топлива. За десятки саженей отъ него—другой. Все дѣлалось само собой, хитроумными приспособленіями, системами трубъ, математически разсчитанной температурой. Боркманъ важно и медленно расхаживалъ по плотно-убитому земляному полу корридоровъ и еще выше поднималась его голова. Этотъ заводъ—его излюбленное дѣтище. Кое-что онъ устроилъ здѣсь самъ. Не было людей, ихъ говора и шума. Внутри котловъ шла кипучая работа; волны краснаго жара переливались къ топкамъ; рабочій съ босыми ногами медленно переходилъ отъ топки къ топкѣ впе-

редъ и назадъ, привычно и легко повертывая краны. Хорошо думалось, хорошо отдыхалось. Думалось хорошо и гордо: здѣсь геній человѣка сдѣлалъ почти ненужной работу самого человѣка. Машины, котлы, кубы, система трубъ и печей, разсчитанная и взвѣшенная математикой каждая сотая градуса температуры и ничего и никого больше. „Великолѣпно!“—говорилъ Боркманъ,—„потому что хорошая машина никогда не ошибется, а человѣкъ... даже на лучшаго человѣка положиться нельзя. Сталь вѣрнѣе“...

* * *

Боркманъ думалъ о томъ времени, когда безчисленные вспомогательные заводы и мастерскія изъ рукъ людей перейдутъ подъ молчаливую власть машинъ, когда однимъ нажимомъ на проводникъ можно будетъ пустить сразу въ ходъ всѣ колеса, шатуны, поршни, когда съ самими машинами можно будетъ переговариваться зеркалами и телеграммами, когда каждая заминка въ движеніи дастъ тревожный звонокъ въ телефонъ, а въ совершенствѣ выработанный продуктъ, заполнивъ нефтехранитель своимъ давленіемъ пришлетъ депешу: „все закончилось въ полномъ порядкѣ. Начинаю переливаться въ нефтяной элеваторъ для отправки на Черноморское побережье“. Объ этомъ времени мечталъ Боркманъ и если онъ испытывалъ порою грусть, то лишь при мысли, что это время еще далеко, и что у него нѣтъ сыновей. Пока же приходилось возиться съ рабочими. Боркманъ презиралъ ихъ и какъ-то смутно побаивался. Въ этой неорганизованной толпѣ онъ чувствовалъ скорѣе разрушающую, чѣмъ созидательную силу. Онъ зналъ, что достаточно одного неосторожнаго движенія этой вотъ грубой руки и нѣжный механизмъ теряетъ правильность своего ритма, рычаги безтолково и растерянно начинаютъ толкаться изъ стороны въ сторону и сразу все останавливается съ грубымъ толчкомъ, при свирѣпомъ треніи желѣза о

желѣзо. Или другая напріятность: вдругъ изъ глубины машины раздается нечеловѣческій вопль. Блѣдное лицо, съ искривленнымъ перекосившимся лицомъ, съ остановившимися отъ ужаса глазами выглядываетъ оттуда; рука или воротъ, захваченные однимъ изъ тысячей зубцовъ, медленно, тягуче и страшно затягиваются внутрь обнаженнаго стального скелета машины. Слышенъ сухой трескъ раздробляемыхъ костей. Вопли и вой переходятъ въ бѣшеный ревъ раненаго звѣря. И опять растерянная бѣготня рычаговъ, опять тяжелые толчки задѣвающихъ другъ о друга частей машины... Рваный клочекъ одежды на окровавленномъ зубцѣ, какая-то исковерканная, все еще трепещущая масса человѣческаго тѣла;—молчаніе остановившейся машины;—странное таинственное молчаніе во всей мастерской;—угрюмыя, поблѣднѣвшія лица рабочихъ, устремившихъ свои расширенные зрачки съ бѣгающими въ нихъ огоньками на проклятое залитое кровью мѣсто... О! да: сталь вѣрнѣе человѣка. „Каждыя четверть часа остановки даютъ мнѣ тысячу рублей убытку... И я долженъ нести его изъ-за ротозѣя, да еще платить ему другую тысячу“, — разсуждалъ Боркманъ и съ самаго начала своей работы онъ рѣшилъ, что если никакъ нельзя обойтись безъ этихъ лѣнтяевъ и ротозѣевъ—то ему нужны машинные люди. И онъ старался заготовить ихъ себѣ съ тою же тщательностью, съ какой готовятъ лекарства. Самъ лично онъ не входилъ въ общеніе съ рабочими. И гвалтъ и молчаніе толпы его одинаково раздражали. Изъ той же рабочей среды онъ выбралъ мастеровъ и сыщиковъ и все передалъ въ ихъ руки. Мастера и сыщики, вооруженные тѣми же толстыми записными книгами, тѣмъ же таинственнымъ шрифтомъ изъ плюсовъ, минусовъ, четвертей и сотыхъ плюсовъ и минусовъ не спускали глазъ съ толпы. Каждыя двѣ недѣли они подводили балансъ человѣку, за которымъ они слѣдили не только на заводѣ и въ ма-

стерскихъ, но и въ городѣ, въ притонахъ разврата и въ безчисленныхъ кабакахъ. Они знали каждый шагъ. Самъ Боркманъ перлюстровывалъ всѣ письма. Онъ любилъ женатыхъ и семейныхъ: эти робчіе, покорнѣе, дорожатъ своимъ мѣстомъ... При балансѣ въ минусъ рабочаго сейчасъ же разсчитывали. Этимъ не стѣснялись. Разсчитывали десятками и сотнями. Боркманъ не остановился бы и передъ тысячью. По особенному пункту имъ составленной маккіавелевской программѣ, каждый рабочій подвергался непремѣнно явной несправедливости: его вдругъ переводили на низшій окладъ или явно и грубо начинали издѣваться надъ нимъ. Надо было посмотрѣть, какъ онъ это выдержитъ. Рядомъ съ этимъ процвѣтало правокаторство. У Боркмана была система, разсчетъ, не было жестокости. Онъ устроилъ искусственный подборъ, создавалъ свои кадры машинныхъ людей. Пока эти кадры радовали его. Машинные люди превосходно работали. Боркманъ, зная, что это машины, превосходно смазывалъ ихъ. Онъ устроилъ чистыя свѣтлыя казармы, давалъ хорошую пищу, давалъ часто награды. Отцу протопопу онъ поручилъ устроить библіотеку. Полиціймейстеръ цензуровалъ газеты для читальни и зачеркнутые имъ статьи замарывались типографской краской. Всѣ входы на заводѣ и мастерскія, загороженные высокими каменными заборами, были всегда заперты на ключъ. Кадры машинныхъ людей быстро пополнялись. Боркманъ былъ доволенъ: машинные люди работали и молчали.

* * *

Но они не были машинными людьми. Они были просто людьми и Боркманъ убѣдился въ этомъ скорѣе, чѣмъ думалъ. Богъ знаетъ, откуда это нахлынуло, откуда все это нанесло, но между собиравшихся въ кучки рабочихъ все чаще слышался шелестъ разныхъ листовъ и листковъ: то рукописныхъ, то печатныхъ, чаще всего тиснутыхъ на гектографѣ. Эти листки читались

медленно, раздѣльно, внимательно. Зарождалось какое-то смутное пониманіе. Особенно туго подлавались персы. Русскіе рабочіе медленно сообразили сначала, что въ бумажкѣ написано, какъ посвински они живутъ. „У васъ нѣтъ даже бань“:—писалъ гектографированный авторъ. „Это точно бани нѣтъ... А какъ это православному человѣку безъ бани? Никакъ“!.. Они замѣтили это черезъ 20 лѣтъ жизни промысловъ, но все же замѣтили. Шелестъ бумажекъ становился все чаще и все таинственнѣе. Имъ—этимъ бумажкамъ уже вѣрили, потому что „если *онъ* насчетъ бани знаетъ, можетъ и о другомъ толкомъ поговорить“. Давно, хотя и скрытно организовавшіеся грузины насмѣшливо прислушивались къ этому лепету рабочаго вопроса. Тамъ и здѣсь начались неурядицы. Стали пропадать мастера. Надменныя, угрожающія письма директора и управляющіе находили въ карманахъ своихъ пальто, на своихъ письменныхъ столахъ, чуть ли не подъ подушками на постеляхъ своихъ возлюбленныхъ. Порою они получали безсмысленныя телеграммы, дешифрируя которыя непріятно морщились. Рабочіе смѣлѣе смотрѣли имъ въ глаза и проходя по мастерской задѣвали локтями мастеровъ, сыщиковъ, случайно заглядывавшихъ сюда конторщиковъ. Пьяные по вечерамъ грозили кому-то кулаками и съ таинственно конспиративнымъ видомъ ругались на всѣхъ языкахъ, особенно же часто и звонко по русски. Русская ругань стала скоро международной. Явились какіе-то нелѣпые стихи:

Керосиномъ мы всѣ пахнемъ...
Какъ однажды тарарахнемъ!..

Или:

Какъ на нашемъ на заводѣ
Завелся вдругъ воевода
Воевода-музыкантъ
Изъ себя ужъ очень франтъ...
Обольемъ мы воеводу
Наилучшіимъ мазутомъ,

Пусть бѣжитъ отъ насъ съ заводу,
А не то дадимъ поспѣшность
Раскаленнымъ бѣло прутомъ
Всему міру на потѣшность.

Гроза приближалась.

* * *

Она разразилась, наконецъ, эта гроза, таинственно зародившаяся, таинственно накопившая свои силы. Однажды вечеромъ Габріэль Боркманъ сидя на верандѣ своей роскошной виллы, выстроенной на скалистомъ спускѣ къ морю, увидѣлъ въ черномъ городѣ двѣ ярко вспыхнувшія свѣчи. Пламя разгоралось. Сначала ярко-красное, съ черными клубами дыма, оно постепенно блѣднѣло и черезъ оранжевый и розовый переходило въ желтый съ рѣзко синимъ отблескомъ. Одна свѣча горѣла особенно ярко. „Опять ротозѣи"!— подумалъ Боркманъ. Вдругъ звонокъ телефона затрещалъ бѣшено и рѣзко. Боркманъ услышалъ: „горятъ наши вышки №№ 16 и 17. Очевидно поджогъ"... „Разберемъ завтра,—отвѣчалъ, Боркманъ.—Усильте надзоръ". Немного погодя зажглась еще-одна вышка, а затѣмъ и еще. Опять звонокъ: „горятъ № 3 и 4-й. Пойманы поджигатели изъ нашихъ рабочихъ"... Что?—заревѣлъ Боркманъ. Онъ упалъ въ кресло. Его душила рубашка и онъ судорожно рвалъ воротникъ. Его выпуклые глаза смотрѣли страшно. Въ нихъ былъ гнѣвъ и недоумѣніе, въ глубинѣ—ужасъ. Собравшись съ силами онъ бросился къ телефону и властнымъ грубымъ голосомъ закричалъ куда слѣдуетъ: „полицію, жандармовъ, войска на мои промыслы"... Яркій красный отблескъ, точно зарево пожара блеснулъ въ это время въ окнахъ. Онъ подошелъ и увидѣвъ толпу рабочихъ съ факелами въ рукахъ. Рабочіе шли стройной толпой, распѣвая какую-то унылую марсельезу:

Мы люди, мы люди, мы люди,
Мы бѣдные, нищіе люди...

У женъ истощенныя груди
И руки, какъ плетки у нашихъ дѣтей...

Съ дребезгомъ разсыпалось стекло въ гостиной Джона Габріэля Боркмана. „И это мои рабочіе! Мои!“—шепталъ онъ весь красный съ посинѣвшими губами, не отрывая глазъ отъ шествія. По сосѣднему переулку быстро промчался полиціймейстеръ. „Вы сами хотѣли этого... сами... хорошо же“,—шепталъ Боркманъ и опять бросился къ телефону съ яростнымъ крикомъ: „войска“!.. Но солдаты шли, уже давно предупрежденные, шли отдѣльными взводами и въ тылъ рабочимъ и въ обходъ къ фронту. Толпа внезапно пріостановилась, увидя передъ собой штыки. Она остановилась недоумѣвающая, испуганная. Это былъ первый опытъ и ничего подобнаго рабочіе не ждали. Въ ихъ глазахъ это была просто процессія. Камень въ окна Боркмана, какъ оказалось потомъ, былъ глупой случайностью. Въ толпѣ было много взрослыхъ, гогочущихъ людей, готовыхъ прыгать какъ школьники на прогулкѣ. Вышло что-то неожиданное. Отступившая назадъ толпа наткнулась на арьергардную шпалеру войскъ, которыя тоже потребовали отступленія... Перепуганная, смятая въ кучу толпа не знала, что ей дѣлать. Она бросалась впередъ и назадъ. И всякій разъ, казалось, что она наступаетъ на войско. Солдаты, опустивъ глаза въ землю стояли неподвижно, стиснувъ зубы. Лица ихъ становились все болѣе и болѣе угрюмыми и зловѣщими. На фронтѣ произошло повидимому ужасное недоразумѣніе. Толпа бѣшено бросилась на арьергардъ, желая прорваться къ морю. Арьергардъ сдвинулся въ карре, ощетинившись штыками. Чей-то чадный факелъ попалъ въ офицера. Раздалось быстрое „пали“... Послышались крики и визги. Еще „пали“ и „пали“... Оставляя за собой убитыхъ и раненыхъ, ушибленныхъ, смятыхъ, толпа прорвалась въ переулокъ. Прямо противъ окна Габріэля Боркмана остался скорченный трупъ его же рабочаго и смотрѣлъ прямо на

него, улыбаясь своимъ перекошеннымъ лицомъ, оскаля свои бѣлые какъ сахаръ, зубы. Боркманъ, въ изступленіи бросалъ ругательства въ лицо трупа и грозилъ ему кулакомъ.

* * *

...И они, милыя дѣти богатыхъ туристовъ, увидѣли въ этотъ страшный вечеръ, какъ горѣло море. Они катались на лодкѣ и забавлялись тѣмъ, что бросали горящія спички и смолки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на поверхность пробивались маленькіе ключи нефти. Нефть вспыхивала краснымъ и синимъ цвѣтомъ и горящіе костры колыхались надъ моремъ... Иногда огонь, воздушный и легкій пробѣгалъ по цѣлой площади, внезапно перекидывался въ сторону и тухъ на темной поверхности сѣдого Каспія... „Oh mother, how t'is beauti ful"—кричали розовые англичане... Noch, noch, mutterchen"—жадно просили маленькіе нѣмцы... „Que c'est gai!"—всплескивали ручонками маленькіе французы. И всѣмъ было хорошо и весело. Въ это время лопнула труба, проходившая по берегу. Нефть медленно и важно покатилась въ море. Она встрѣтилась здѣсь съ однимъ изъ зажженныхъ костровъ и вспыхнулъ сразу пожаръ на водѣ и на берегу. И страшную картину увидѣли при его свѣтѣ веселые туристы... Они увидѣли женщину, сидѣвшую у нефтепровода, съ убитымъ ребенкомъ на рукахъ. Женщину съ убитымъ ребенкомъ на рукахъ увидѣли они при свѣтѣ пожара... У ней было безумное лицо. Она ласкала и баюкала своего маленькаго. Она цѣловала его и грѣла дыханіемъ его холодѣвшія ручки... Она цѣловала его черномазое личико поблѣднѣвшее, съ неподвижнымъ, помутнѣвшимъ взглядомъ. На лицѣ ребенка была улыбка, застывшая и недоумѣвающая: какъ будто онъ бросился кому-то на-встрѣчу ожидая ласки или пряника и получилъ ударъ по лицу... Вдругъ безумная мать вскочила. „Тебѣ холодно, мой милый, тебѣ холодно, я согрѣю тебя"... И она, величественная,

выпрямившаяся, крѣпко держа ребенка прижатымъ къ груди, пошла къ морю... Она все ближе и ближе подходила къ мѣсту пожара. Земля жгла уже ей ноги. Но она не обращала вниманія. „Тебѣ холодно, холодно“...— бормотала она и шла прямо въ огонь. Ея платье вспыхнуло—она все шла и шла... Загорѣлись волосы и нечеловѣческая боль пробудила ея сознаніе... Вся трепещущая, стояла она охваченная пламенемъ и съ крикомъ „проклятые!“ свалилась въ воду...

Море горѣло.

На вечеринкѣ.

Меня позвали на вечеринку въ далекій отъ города рабочій поселокъ. Пришлось собраться какъ въ полярное путешествіе, втиснуть себя въ башлыкъ, валенки, огромную шубу. Мой возница, закутанный въ тулупъ, казался настоящимъ чудовищемъ, и когда я очутился въ возкѣ—мнѣ показалось, что я ѣду въ страну невѣдомыхъ и таинственныхъ чиперборевъ или „черныхъ плащей“. Прислуга выскочила провожать меня и кажется расплакалась; гдѣ-то запищалъ ребенокъ, залаяла собака, дворникъ, встрѣтивъ меня, задумался, городовой усумнился, возница для чего-то снялъ шапку и обвелъ ею кругомъ головы—хотя все дѣло было въ томъ, что поѣздъ желѣзной дороги отходилъ или слишкомъ рано или слишкомъ поздно и я не могъ на немъ поѣхать и долженъ былъ ѣхать на лошадяхъ. Какъ бы то ни было, мы тронулись. Ярко мелькнулъ Невскій, видъ котораго мнѣ показался (изъ—подъ воротника моей угрюмой шубы и изъ глубины моего провинціальнаго экипажа)—какимъ-то особенно торжественнымъ и праздничнымъ, потянулись тусклыя улицы, все тускнѣвшія при каждомъ поворотѣ; мы проѣхали какую-то заставу и темной извилистой лентой среди бѣлаго снѣга передъ нами обозначился „трактъ“. Возница опять снялъ шапку, опять для чего-то покрутилъ ею въ воздухѣ и, нахлобучивъ ее по самую шею, спокойно усѣлся на

козлахъ и должно быть уснулъ. Я увидѣлъ, что лошаденки великолѣпно справляются съ своей задачей, ѣдутъ мирно и ровно, слегка пріостанавливаясь на поворотахъ (какъ будто „конспирируя“ между собой), и тоже задремалъ. Запахъ свѣжаго снѣга, видъ далекой сосновой рощи, унылое однообразіе окружающей пустыни только баюкали меня. Къ тому же я предусмотрительно вспомнилъ, что въ этихъ мѣстахъ не водится никакихъ медвѣдей, гіенъ или шакаловъ, что въ худшемъ случаѣ можетъ встрѣтиться лишь урядникъ,—и, повторяю, задремалъ... Ну, конечно, вы и сами понимаете это—видѣлась во снѣ всякая чушь, которая можетъ только присниться петербуржцу: статуя американской свободы съ одиннадцати-дюймовымъ орудіемъ въ торжественно и властно протянутой рукѣ,—важно танцующая danse macabre съ какимъ-то голубымъ человѣкомъ, снился мнѣ какой-то судебный залъ, гдѣ предсѣдатель насмѣшливо посматривалъ на защитника: „а послушаемъ, mon chere, какъ вы помолчите!“—снился мнѣ бѣлый медвѣдь съ бляхой на груди, морская лиса въ собольей шубкѣ—снился залъ сверкающій огнями, гдѣ мужчины, съ клеймомъ какой-то фирмы, бальныя дамы съ жирными бальными плечами и худосочныя дѣвы старательно выдѣлывали па новаго кэкъ-уока—снился великолѣпный бюрократъ-либералъ, который раздавилъ меня до смерти и сказалъ: „pardon, monsieur!“, — снилась вообще такая милая чушь, что самъ Мещерскій ей позавидовалъ бы...

Я проснулся отъ окрика ямщика: „кажись, пріѣхали“. Я вздрогнулъ и съ умиленіемъ сказалъ:

— Ну, слава Богу. Проѣхать по Руси 15 верстъ благополучно, это не каждый день случается...

* * *

Въ раздѣвальной огромнаго дома я освободился отъ своего полярнаго наряда, отдалъ билетъ (его, такъ же какъ и меня, тщательно осмотрѣли) и поднялся во вто-

рой этажъ по холодной каменной лѣстницѣ... На встрѣчу мнѣ неслись звуки гармоній, балалаекъ, дешевыхъ скрипокъ. Я вошелъ въ огромный залъ и ослѣпленный свѣтомъ не могъ сразу ни въ чемъ разобраться. Тамъ на длинныхъ черныхъ столахъ кипѣли огромные самовары,— тамъ окружила кого-то большая толпа и слушала рѣчь или чтеніе. Тамъ опять длинные черные столы, заваленные грудами бутербродовъ, простыми тарелками съ лемтиками лимона и кусками сахара и за столами, около нихъ, вездѣ по, огромному залу, около стѣнъ — стояли, сидѣли или бродили люди, чаще всего въ потасканныхъ пиджакахъ, надѣтыхъ прямо на косоворотки или блузы. Рѣдко попадались сюртуки и крахмальное бѣлье. Сколько было въ толпѣ народа—я не знаю. Но, какъ всегда въ незнакомой массѣ, полной столькихъ невысказанныхъ таинственныхъ думъ и чувствъ, особыхъ настроеній и замысловъ, меня охватила оторопь. Вокругъ себя я слышалъ смѣшанный гулъ мужскихъ и женскихъ голосовъ и отдѣльные выкрики... Я пошелъ на эти выкрики, какъ на огонекъ въ темнотѣ, и смѣшался съ кольцомъ людей, окружавшихъ каѳедру. На каѳедрѣ то и дѣло смѣнялись люди. Каждый прочитывалъ по стихотворенію, по два и сейчасъ же уступалъ мѣсто другому. Меня поразило это пристрастіе рабочихъ къ стихамъ. Мои сосѣди, повидимому, не были нисколько утомлены: они тихо хлопали каждому чтецу и съ прежнимъ прилежаніемъ принимались слушать новаго. Красные, точно вареные раки, чтецы могли быть благодарны: на долю каждаго изъ нихъ выпадала почти равная благодарность. И право, они заслужили ее: они старались сдѣлать все лучшее, что только могли. Сначала я больше смотрѣлъ, чѣмъ слушалъ. Кругомъ все серьезныя лица. Рѣдко старыя, больше утомленныя, еще рѣже—ухарски-молодыя. Я бы даже сказалъ, что утомленіе, какая-то... не подавленность—нѣтъ, а точно у человѣка тяжесть на душѣ, которой нельзя ни за-

быть, ни сбросить, была написана на всѣхъ лицахъ. Ни на одномъ ни капли наивности или простоватости. Скорѣе всего—выработанная долгими годами фабричной жизни сдержанность, недовѣрчивый взглядъ, что-то глубоко въ себѣ затаившій, привычка къ молчанію. Лица уже отшлифованы по городскому: на нихъ сѣрый цвѣтъ, нервность, ясное пониманіе. Ни одной широкой развѣсистой бороды, ни одного румянаго широкаго лица: все какъ бы умалилось, собралось въ себя, сжалось сосредоточенное въ одномъ остромъ, понимающемъ взглядѣ... Я смотрѣлъ на лица и слушалъ стихи. Сколько ихъ и отовсюду! Видно, не было никакой программы. Каждый читалъ ему самое дорогое, милое; кто – изъ Пушкина, изъ Лермонтова, кто изъ Некрасова, Якубовича, Надсона, даже Брюсова. Не мало было своего. Въ этомъ своемъ больше чувствъ, конечно, чѣмъ умѣнья; больше жестовъ, чѣмъ стилистики, но всегда, какъ общее—тоска или „отчаянность“. Мало шаблоннаго „впередъ“, еще меньше спокойной увѣренности въ себѣ, въ будущемъ... Есть и это, но недовѣрчивое, какъ бы со связанными крыльями. Слышны мотивы раздраженія и злобы, но меня удивило—до чего ихъ мало! Да, слишкомъ очевидно, что мы еще не знаемъ этой толпы, не знаемъ, что она надумала и несетъ съ собою... Мнѣ понравилась небольшая, написанная скандированной прозой поэма Мессія. Она начиналась стихами:

Когда же Мессія на землю придетъ:
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ!..

Я не записалъ ни одной строки. Но я помню содержаніе. Ея авторъ, юный и мечтательный, обращается къ грядущему Мессіи съ жалобой: „Мы, рабочіе, наши дѣти и жены и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надру-

гаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше, въ омутъ нищеты, отчаянія и невѣжества. Насъ душитъ деспотизмъ и произволъ нашихъ хозяевъ и мастеровъ. Нѣтъ больше силъ. Насталъ предѣлъ терпѣнію. Мессія, откликнисъ"... „Мессія—насъ много, насъ милліоны безправныхъ, голодныхъ, ожидающихъ тебя людей. Но мы люди по виду только, по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды. Мы, изстрадавшіеся, не смѣемъ заикнуться о себѣ. „Скоты", „бездѣльники", „сволочь"—вотъ все, что слышимъ мы отъ тѣхъ, кто выше насъ. Всякаго изъ насъ, кто рѣшается поднять голосъ въ нашу защиту, бросаютъ въ тюрьму. Глядятъ, какъ на преступленіе, на добрую душу, на доброе сердце, на отзывчивое сердце. Пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго, безправнаго человѣка—значитъ быть стертымъ съ лица земли. „Мессія неужели ты не откликнешься?" Наши дочери и сестры обречены на развратъ. Хозяева, мастера, конторщики не даютъ имъ прохода, а онѣ не смѣютъ отказываться, потому что имъ сразу указываютъ или на кровать, или на ворота фабрики. Наши дѣти, безъ присмотра и полуголодныя, растутъ въ сырыхъ углахъ, въ то время какъ ихъ матери на тяжелой поденщинѣ. „Мессія, откликнись"... „Мы хотимъ немногаго—хотимъ лишь того, чтобы жизнь признала насъ за людей!" Дальше шли нѣсколько странныя или непривычныя для поэмы просьбы о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о рублевой поденщинѣ, объ общей съ хозяевами расцѣнкѣ, о союзахъ. Но въ этой толпѣ и эти строфы не рѣзали уха. Тонъ поэмы, повышаясь, становился настойчивѣе, требовательнѣе. Въ словахъ „приди, Мессія" послышалась не тихая мольба, а что-то другое. Вели-

колѣпнымъ аккордомъ закончилась поэма опять стихами изъ Гейне—его пѣсней ткачей...

Толпа разогрѣлась. Я это чувствовалъ по горячему дыханію людей, опалявшему мою шею, по мелкой золотистой пыли, наполнившей воздухъ. Я отошелъ отъ стихотворной каѳедры и сѣлъ за столъ, чтобы выпить чаю. Мнѣ скоро протянули стаканъ. Противъ меня сидѣло нѣсколько работницъ съ ребятами на рукахъ. Маленькіе „Мараты“ чувствовали себя превосходно. Имъ засунули въ ротъ по толстой баранкѣ, и ихъ выпученные глазенки выражали полное удовольствіе. Никакого конфуза они не проявляли, очевидно, находя, что все происходитъ, какъ слѣдуетъ. Ихъ матери шептались между собой... Не прислушиваясь, я слышалъ отдѣльныя выразительныя реплики: „со вторника — ни-ни...“, „ну, слава тебѣ, Господи“... „Петръ-то зарокъ далъ, на три мѣсяца записался“. „Помогай ему угодникъ“... „штрафъ-то отпросила: ужъ какъ мнѣ эти полтора рубля нужны были... страсть“... Словомъ, общеизвѣстное. Но тяжело было смотрѣть на лица. Истощенныя, сѣрыя, съ подозрительной желтизной, хотя и молодыя еще, съ какимъ-то глубоко-покорнымъ выраженіемъ въ глазахъ, они говорили о душныхъ комнатахъ, о судорожной борьбѣ за жизнь, о томительномъ ожиданіи какой-нибудь бѣды, объ отравѣ непосильной заботы... Я опять услышалъ шопотъ: „пятымъ тяжела“... „Пятымъ?.. Мать пречестная Богородица... такъ что же это будетъ... и что это всѣ мы такія рожливыя“... Съ ужасомъ ожидалось появленіе на землѣ новаго человѣка... И, конечно, съ этой вотъ минуты ужаса началось воспитанія будущаго маленькаго „марата“.

Я пошелъ бродить по залу. Мнѣ давали дорогу. Но никто незнакомый не подходилъ ко мнѣ и не заговаривалъ. Никто не смотрѣлъ на меня какъ на китайца. Я чувствовалъ себя въ хорошемъ обществѣ. Тамъ толпа

прижала въ уголъ, очевидно, популярнаго священника, который что-то горячо объяснялъ ей. Я уловилъ фразу: „да неужто вы думаете, что и этого-то они не поймутъ?!“ Въ другомъ углу ораторъ, опять-таки свой ораторъ, говорилъ рѣчь. Часто повторялись слова: „мастеръ“, „расцѣнка“, „8-часовой день“, „поддержимъ товарищей“...

* * *

Встрѣтившіе меня еще на лѣстницѣ звуки гармоніи и плохихъ скрипокъ стали сильнѣе. Я перешелъ въ другую комнату, гдѣ молодежь танцовала и пѣла. Танцовали что-то модное, нелѣпое, а скрипка визжала какъ маленькая собачка, которой придавили ногу. Но все равно—я усѣлся на стулъ возлѣ стѣны. Принаряженныя дѣвицы мелькали передъ моими глазами. Раскраснѣвшіеся потныя лица выглядѣли оживленно; у той и другой лукаво сверкали глаза; кавалеры были почтительны. Соблюдались „манеры и обхожденіе“. Наряды — самые разнообразные, цвѣтомъ посвѣтлѣе, съ намеками на моду и кокетство. Декольте, конечно, никакого: сюда оно еще не пробралось. Я сидѣлъ, разсѣянно думая о чемъ-то, какъ совершенно неожиданно рядомъ со мной на мягкій стулъ плюхнулась одна изъ танцовавшихъ. Я слегка отодвинулся.

— Здраствуйте, баринъ, — вдругъ заговорила сосѣдка.

— Тише, тише... Какіе тутъ баре! А все-таки здраствуйте и вы!—шутливо отвѣтилъ я.

— Ну, такъ какъ васъ называть!

Я сказалъ.

— А васъ?

— Меня?.. Лелька беззубая,—и она расхохоталась.

Я увидѣлъ передъ собой веселое, улыбающееся личико, свѣтлые улыбающіеся глаза. Моя сосѣдка была-бы совсѣмъ хорошенькой, если-бы не этотъ пустой ротъ.

— Какъ вы меня знаете?—поинтересовался я.

— А вы прошлое лѣто жили тутъ недалеко на дачѣ, какъ разъ мнѣ по дорогѣ на фабрику. Вы еще въ саду у себя сидѣли — помните? — И цѣлый день кушали... Что это всѣ баре цѣлыми днями кушать изволятъ?..

Она опять разсмѣялась.

— Ну, ужъ и цѣлый день!

— А ей-Богу... То чай, то кофей, то мороженое, то то ягоды, то завтракаете, то обѣдаете... опять чай... И все газеты читали... Газеты-то съ закуской — вкусныя?..

— Какъ сказать...

И мы разговорились совсѣмъ по пріятельски. Я разспрашивалъ ее о семьѣ, о порядкахъ на фабрикѣ, о заработкѣ...

— Что-же вы все это записывать будете? — спросила она.

— Можетъ быть, и запишу...

— Ну, — потянула она. — Тутъ вотъ лѣтомъ одинъ тоже все меня распрашивалъ, да записывалъ. Думала влюбился, а онъ сыщикъ оказался... И побили же его!.. „Три версты бегъ, остановиться не могъ“...

Вдругъ она спохватилась, понявъ, что сказала что-то лишнее...

— Вы ужъ простите меня. Я такая безудержная. Мнѣ и мать все говоритъ: „пропадешь ты, непутевая“. А мнѣ что пропадать-то если я и такъ ужъ...

Она недоговорила и стала серьезной...

— Тутъ вотъ, — опять заговорила она, — мы стихъ хорошій пѣли. Не слышали?

— Нѣтъ. Какой-же этотъ хорошій стихъ?

— А какъ-же? Все, что есть, тамъ про насъ и сказано, да еще со смѣшкомъ... Вотъ она—доля-то наша...

— А вы бы прочли мнѣ его.

— Что-же...

Я фабричная дѣвица—

чуть запѣла она,—

Безъ румянъ я сѣролица
А съ румянами красна
Какъ всходящая луна...
Мнѣ фабричной-то дѣвицѣ
Идти замужъ не годится...
Что мнѣ замужемъ и быть?
Чтобъ на фабрику ходить?
Что ни годъ дѣтей носить?
Быть растрепой, не умытой
А подъ праздникъ чтобъ быть битой?..
Полюблю я молодца
Вора нашего, купца.

— Для начала недурно. А дальше что?

— А дальше ничего и нѣту. Потому, что все—то же самое. Куда ни кинешься, ту-же учесть найдешь... Видѣли вы тамъ въ залѣ этихъ нашихъ несчастныхъ?

— Кого это—несчастныхъ?..

— Вотъ замужнихъ-то, что вмѣстѣ съ ребятами цѣлыми днями воютъ и голодаютъ. И житье у нихъ — Господи! На каторгѣ, кажись, лучше...

— А вамъ лучше?—тихо и осторожно спросилъ я.

— По крайности—сама себѣ барыня...

И она горячо стала перечислять мнѣ всѣ прелести своей барской жизни. Получаетъ 25 р. въ мѣсяцъ — „потому что фабрика наша самая что ни есть по окружности лучшая, и кромѣ дѣвицъ никого на нее не берутъ. Другія-то подруги и 12 рублямъ рады“. Работа хотя и долгая (11 час.) но легкая, безъ пыли и безъ грязи. Чего еще... вотъ жакетъ себѣ купила за 11 рублей!.. „Мы тутъ первыя дѣвицы—да, на-кось“...

— Вотъ жизнь треклятая!—совершенно неожиданно закончила она описаніе всѣхъ прелестей, выпавшихъ ей на долю... Что-то злое мелькнуло у нея въ глазахъ и съ той же горячностью стала говорить она о треклятости своей жизни... На 25 руб. ей приходится содержать: мать, отца, себя, сестренку и братишку. Отецъ—пьяница, и „лучше съ нимъ не разговаривай, а подавай

на сотку". „Мать больная, такъ что и стирать не можетъ". За братишку она готова прозаложить голову, что окромя хулигана изъ него ничего не выйдетъ". „Что ни есть лучшая по окружности фабрика", „куда берутъ однѣхъ дѣвицъ, да еще смазливенькихъ"—самая что ни на есть гадость (она даже плюнула). Все начальство — даже самое маленькое — мужчины. Приходишь домой вся исщипанная. Кто проситъ свиданья, а кто и требуетъ. Отказать не всякій разъ можно. А то: „вотъ тебѣ Богъ — вотъ порогъ"... Да еще надругаются и испозорятъ... Даже сволочь сторожъ—и тотъ лѣзетъ. „Обыскивать, говоритъ, приказано, — подлецъ этакій!.." Чуть провинишься—въ контору, а ужъ оттуда не выберешься: „козлы понасажены"...

Она говорила много и долго. Я слушалъ молча.

Что тутъ скажешь?

* * *

Ко мнѣ подошелъ знакомый распорядитель, веселый, милый человѣкъ.

— Вы это что? — шутливо-строго обратился онъ ко мнѣ.—Нашу дѣвицу смущаете?.. А вы, Лелечка, какъ себя до этого довели?

— А вотъ такъ,—отвѣчала Леля.

— Не отвѣтъ, сударыня, Вообще, прошу не забывать, что мы, фабричные, чужого не желаемъ, но и своего не отдадимъ. Такъ что, Лелечка, пожалуйста прошу вонъ.

— А намъ съ Е. А. поговорить надо.

— Вотъ что, — продолжалъ онъ, — пойдемте-ка наверхъ. Тамъ у насъ „старѣйшины" о своихъ дѣлахъ разговоръ имѣютъ. Тутъ анекдотецъ на фабрикѣ случился, и надо его обмозговать. Только, вѣдь вы знаете, какъ я люблю и цѣню всероссійскую интеллигенцію.

Я улыбнулся. Я зналъ, что мой пріятель былъ всегда за то, чтобы интеллигенція не „лѣзла" и не смущала рабочую душу своими безконечными препирательствами.

Онъ признавалъ лишь западныя книги и просилъ переводить ихъ и переводить. Онъ вѣрилъ въ себя, свою среду. Каждый интеллигентъ представлялся ему оппортунистомъ, „готовымъ защищать интересы рабочихъ отъ синдиката нефтепромышленниковъ (или какого тамъ) и получать 6.000 въ годъ за защиту интересовъ этого синдиката". Онъ преувеличивалъ. Но все же факты „оппортунизма" собранные имъ, звучали сурово...

— Ну, вотъ. Особенно старичка попридержать надо. Боюсь я его. Рѣчь идетъ о пустякахъ—какихъ-то часахъ, поденщинѣ, а онъ вмѣшается и сейчасъ о многобожіи или тамъ о гинекократіи. Ужъ вы его за фалду какъ-нибудь...

Съ этими словами мы вошли въ комнату „старѣйшихъ", гдѣ шла тихая, неторопливая бесѣда, гдѣ то и дѣло воцарялось угрюмое молчаніе...

Впрочемъ, всего не разскажешь, да и нельзя разсказать, такъ какъ опять на сценѣ „охрана умовъ". Скажу только, что уѣхалъ я съ вечеринки уже на разсвѣтѣ, ничуть не очарованный, а кое-что уразумѣвшій. И уразумѣлъ я то, что рабочій человѣкъ выросъ и созналъ свое положеніе, что, какъ взрослый и выросшій человѣкъ, онъ долженъ имѣть *слово*,—что въ глубинѣ рабочаго вопроса лежитъ суровая и огромная сила, и весьма невѣжливо и неостроумно поступятъ тѣ, кто не захочетъ съ ней считаться. Здѣсь, быть можетъ, новая жизнь, по крайней мѣрѣ ростки ея новыхъ началъ.

Ein Lied, ein besseres Lied
O, Freunde, will ich euch dichten,
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten...
Wir wollen auf Erden glueklich sein
Und wollen nicht mehr darben...

Съ возгласомъ моего возницы „кажись, пріѣхали!"—я вернулся домой. Это было всего три недѣли тому назадъ... и какъ, какъ могли произойти событія 9—10 января?!

„Красный смѣхъ“ на five o'clock'ѣ.

Александра Аркадьевна самая милая дама, какихъ я только знаю. Больше всего боится она отстать отъ вѣка и больше всего дорожитъ тѣмъ, чтобы быть au courant всего и знать то, чего никто, рѣшительно никто кромѣ нея не знаетъ. Она гордится тѣмъ, что въ ея гостиной говорятъ о самыхъ послѣднихъ событіяхъ, а иногда даже за полчаса до нихъ.

Съ Александрой Аркадьевной видимся мы рѣдко, исключительно въ минуты серьезныхъ событій нашей общественной жизни. Въ такихъ случаяхъ я получаю отъ нея обыкновенно записки всегда страннаго содержанія. Напр.: „Мой другъ! Съ невѣроятными усиліями пріобрѣтена мною замѣчательная рѣдкость. Приходите и вы услышите рѣчь знаменитаго нумизмата Подстаканникова“. Потомъ: „Ради Бога, достаньте мнѣ мужичка, настоящаго русскаго мужичка, pur sang, и приведите на мой five o'clock. Ради Бога, пусть онъ сходитъ въ баню. Прилагаю красную рубаху, плисовыя какъ ихъ тамъ и шапку съ павлиньимъ перомъ.—P. S. Если можно, въ лаптяхъ и трезваго“. Это былъ знаменитый народническій чай, на которомъ мой дворникъ Иванъ великолѣпно разыгралъ роль народа: размашисто крестился, выпилъ 20 стакановъ чая съ блюдечка и даже сказалъ Александрѣ Аркадьевнѣ: „вы наши отцы, а мы, значитъ, вродѣ какъ дѣти“. Очень доволь-

ный своей рубахой, онъ все время потѣлъ и съ удивительнымъ достоинствомъ выслушалъ три реферата: „о средостѣніи“, „о томъ, какъ и чѣмъ можемъ мы уплатить свой долгъ народу“, „о сближеніи народа и интеллигенціи“.—Дальнѣйшая записка Александры Аркадьевны гласила: „Намъ необходимы Красное море и Австралія“. Еще: „Все потрясено, все рушится. Зданію грозитъ паденіе. Сегодня у меня вечеромъ первый земскій уѣздный начальникъ Приходите. Только, ради Бога, ничего о многобожіи. Г. Объѣдало-Перезаложенный этого не выноситъ: сейчасъ же впадаетъ въ безпамятство и начинаетъ драться“. Прошли годы,—опять надушенное письмо: „Приведитя мнѣ, мой дорогой, марксиста, только настоящаго. Иначе я умру. Мнѣ говорили, что настоящіе марксисты всѣ рыжіе. Если всѣ рыжіе разобраны по рукамъ, то, ради Бога, хоть блондина“. Представьте себѣ восторгъ Александры Аркадьевны, когда марксистъ оказался огненно-краснымъ и весь вечеръ говорилъ о томъ, что „соціальный вопросъ есть вопросъ желудка прежде всего“. Записки Александры Аркадьевны, то падали на меня градомъ, то замолкали на долгіе годы. Въ послѣдніе дни онѣ особенно участились. „Нельзя ли на моей домашней сценѣ поставить стачку“? Или: Приходите сейчасъ же и объясните, что такое забастовка“? „Хулигана мнѣ, хулигана, живого или мертваго“ *). „Во имя святыхъ правъ дружбы, приведите завтра рабочаго. Посылаю болотные сапоги и шелковую голубую блузу. Насчетъ „какъ ихъ тамъ“ не знаю ничего. Говорятъ, что они ихъ не носятъ, à l'ecossais. Вотъ еще 10 рублей – пусть опохмѣлится... Это нужно“. По этой запискѣ я заключилъ, что рабочіе и рабочій вопросъ рѣшительно вошли въ моду. Я опять обратился за содѣйствіемъ дворника Ивана (не

*) Это было въ тѣ дни, когда подъ именемъ ницшеанства у насъ процвѣтало хулиганство.

желая впутывать рабочаго въ эту свѣтскую ерунду), который при видѣ шелковой блузы и десяти рублей впалъ въ экстазъ и заявилъ, что „не только мастеровщину какую, а самого князя Пожарскаго изобразитъ за милую душу“!

* * *

Александра Аркадьевна встрѣтила меня тревожнымъ вопросомъ: „ну что? гдѣ онъ? будетъ“? „Тсс...—таинственно прошепталъ я.—Онъ теперь опохмѣляется и непремѣнно придетъ“. Я взялся за стаканъ чая и осмотрѣлся. Все старое, знакомое, привычное, не смотря на новыхъ людей. Въ дни народничества Александра Аркадьевны въ ея гостиной можно было встрѣтить не только дворника Ивана, но и какого-нибудь старца изъ бродягъ съ веригами на тѣлѣ, полупудовымъ колпакомъ на головѣ и острымъ взглядомъ. Въ дни возстановленія основъ преобладали бюрократическія физіономіи съ характернымъ запахомъ геморроя и обычною рѣчью, что культурность страны измѣряется количествомъ сыщиковъ. Въ дни марксизма—здѣсь пыхтѣли московскія купчихи и читали свои стихи московскіе купцы. Теперь было что-то шумное, разнообразное. Выдѣлялось нѣсколько фраковъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Два нашихъ извѣстныхъ публициста сидѣли другъ противъ друга съ засунутыми въ карманъ руками и обмѣнивались такими взглядами, какъ гусаки готовые вступить въ битву. Александра Аркадьевна бросала въ ихъ сторону тревожные взгляды и наконецъ усадила между ними извѣстнаго проповѣдника, напутствуя его словами: „блаженны миротворцы“. Сынъ Александры Аркадьевны милый мальчикъ, студентъ сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ и упивался „Краснымъ смѣхомъ“ Л. Андреева, не обращая вниманія на гостей. Загостившійся въ Петербургѣ по дѣлу какой-то балетной дѣвицы земецъ былъ очень печаленъ и очевидно мечталъ о новой ссудѣ. Немного на-

пуганная блескомъ электричества, шуршаніемъ шелка и торжественностью фраковъ скромная и тихая учительница изъ воскресной школы для рабочихъ все больше овладѣвала собою и на ея губахъ зазмѣилась саркастическая улыбка. Состоявшій при Александрѣ Аркадьевнѣ за послѣднее время чиновникомъ особыхъ порученій совсѣмъ юный „розовый негодяй“ обходилъ гостей, знакомилъ ихъ другъ съ другомъ и сообщалъ послѣднюю сенсанціонную новость о движеніи сектантовъ. Все шло, какъ слѣдуетъ. Говорили обо всемъ, перепрыгивая съ предмета на предметъ. Рѣшали вопросъ, при какомъ освѣщеніи красивѣе г-жа Дунканъ. Какой-то профессоръ, всегда бывшій въ отпуску при какихъ бы то ни было безпорядкахъ, началъ было цѣлую рѣчь словами: „какъ извѣстно, большой знатокъ и любитель женскаго тѣла покойный императоръ Неронъ всегда разсматривалъ женское тѣло въ огромный изумрудъ. Изъ эпохи раскрашенныхъ статуй сохранился обломокъ лѣвой ноги Венеры зелено-краснова-таго цвѣта. Одинъ изъ отцовъ церкви“... Его прервали. Раздались увѣренныя слова „Мы еще не понимаемъ великой и таинственной силы русскаго раскола и сектанства. Въ теченіе вѣковъ русскій таилъ и накапливалъ здѣсь свои... я бы хотѣлъ сказать мысли, но скажу—думы. И глубина ихъ не измѣрима“... Хозяйка по разсѣянности вдругъ спросила его: „Неужели число жертвъ 9—10 января достигаетъ такой ужасной цифры?.. Нѣтъ—нѣтъ этого не можетъ быть“! Учительница пустила въ это время подписной листъ въ „пользу пострадавшихъ“. Всѣ крякнувъ лѣзли въ карманъ и давали по золотому. „Это мы сами, сами во всемъ виноваты—раздался повышенной голосъ одного изъ студентовъ, заспорившаго о чемъ-то горячо съ товарищемъ. Мы сами во всемъ себя дескредитируемъ. Помните, какъ въ 19-мъ № „Искры“ авторъ передовицы утверждаетъ, что слова Струве должны быть выжжены ка-

ленымъ желѣзомъ у него на лбу? А эта вѣчная вражда между эсъ-эрами (соціалистами-революціонерами) и соціалъ-демократами? Не говорю уже объ „экономистахъ“... А распря между Плехановымъ и Ленинымъ. А послѣднія недавнія стычки изъ-за приходо-расходныхъ суммъ?.. Ну, не виноваты ли мы, что рабочіе тамъ и здѣсь смотрятъ на насъ, какъ на сыщиковъ, что большинство изъ насъ переодѣвается уже въ штатское, спасая шкуру свою, цѣлуютъ руку Гапону и ищутъ вдохновенія подъ его эпитрахилью“?.. Эти слова звучали страстно и молодо для five o'clock'a. Хозяйка быстро обратилась къ обществу съ вопросомъ: „Ахъ этотъ Гапонъ. Онъ меня интригуетъ. Одни говорятъ, что онъ фанатикъ, другіе, что провокаторъ. Разсказываютъ объ этой грязной его исторіи... ну тамъ въ училищѣ... Александръ Сергѣевичъ его превосходно знаетъ еще по духовной академіи и увѣряетъ, что онъ и тогда временами схимничалъ, временами кощунствовалъ?! Гдѣ онъ? что онъ? ахъ какъ это меня интригуетъ“... Учительница воскресной школы при этихъ словахъ вынула изъ своего ридикюльчика конвертъ съ пачкой писемъ и съ той же улыбкой, съ какой она слушала разсужденія о тѣлѣ Дунканъ или потомъ смотрѣла на гостей, вынимавшихъ золотые пятаки изъ кошельковъ, сказала: „Я могу прочесть вамъ письма Гапона. Они объяснятъ многое“. Гости почему-то взглянули на дверь, гдѣ, однако, не было ни одного коннаго полицейскаго, хозяйка чуть поблѣднѣла и вздрогнувшимъ голосомъ шепнула мнѣ: „Mon cher, нельзя ли все это предотвратить? Сдѣлайте умоляю васъ“... Я отвѣчалъ роковымъ голосомъ: „Этого предотвратить нельзя“...

* * *

Учительница читала дѣловито и сухо. Кое-какія противорѣчія она разъясняла на словахъ. При фразахъ: „Нашъ долгъ, великій нравственный долгъ передъ русскимъ народомъ немедленно и сегодня довести до

свѣдѣнія... или: „я, рабочіе и многіе тысячи народа мирно, съ вѣрой въ доброе къ намъ расположеніе рѣшили безповоротно, и пр.—Александра Аркадьевна крѣпко жала мою руку и спрашивала: „вѣдь насъ повѣсятъ, да?“—„Это ужъ само собой разумѣется—отвѣчалъ я,—а васъ еще въ суздальскій монастырь отправятъ на покаяніе“. Во всякомъ случаѣ всѣ облегченно вздохнули, когда кончилось чтеніе.

— Зубатовщина!—пренебрежительно сказалъ какой-то юрисконсультъ.

— Христіанскій соціализмъ,— осторожно замѣтилъ профессоръ, находившій, что во время забастовокъ ужасно хорошо лѣчить за границей почки.

— Это Ламенэ, русскій Ламенэ, но еще im Werden, въ произрастаніи—увѣренно сказалъ молодой присяжный повѣренный, хитроумно отстаивавшій интересы синдиката въ одной газетѣ и интересы рабочихъ въ одномъ журналѣ. Да, это Ламенэ... Когда я былъ въ Парижѣ, я спеціально и долго занимался изученіемъ этого любопытнаго человѣка...

— А не устройства мазутнаго синдиката?—злобно прошепталъ его сосѣдъ...

— Я бы сказалъ даже замѣчательнаго человѣка, истиннаго трибуна только что просыпающейся массы. Сколько архаическаго было въ его рясѣ и сколько новаго въ его миссіонерской дѣятельности среди рабочихъ. Все, что онъ говорилъ—это элементарно. Это проповѣдь любви и дружбы, проповѣдь справедливости и товарищества... Тамъ гдѣ онъ своимъ сильнымъ, честнымъ языкомъ говоритъ объ одиночествѣ современнаго человѣка, возстаетъ противъ разрозненности...

— Онъ никогда не проповѣдуетъ синдиката—еще злѣе прошепталъ сосѣдъ..

— И вмѣстѣ съ нимъ,—продолжалъ синдикатчикъ, я поддерживаю ту мысль, что надо избѣгать насилія и

помнить, что безъ любви, безъ взаимнаго довѣрія мы ничего не добьемся...

На нѣсколько минутъ вспыхнула оживленная бесѣда, такая, какъ это всегда бываетъ у русскихъ, съ недоконченными фразами, неудачными остротами и съ непременнымъ желаніемъ всѣхъ и каждаго во что бы ни стало острить. Кто-то сказалъ Александрѣ Аркадьевнѣ, что надо устроить даровую столовую. Она ухватилась за эту мысль и стала развивать цѣлый планъ. Ей помогали, составляли примѣрныя меню, гдѣ непремѣнно фигулировала пресловутая рыба тюрбо. Спорили о маркѣ шампанскаго; нѣкоторые даже серьезно, чтобы показать все свое знакомство съ этимъ вопросомъ.

— Но самое главное, господа! Какъ будемъ мы отличать истинно бѣдныхъ рабочихъ отъ симулянтовъ?— спросилъ юрисконсультъ.

Александра Аркадьевна затосковала. Я предложилъ ей рентгеновскіе лучи. Александра Аркадьевна закричала: да, да...

— Ну, это слишкомъ... темно что-то...—серьезно и важно проговорилъ юрисконсультъ.—Достаточно полицейскаго удостовѣренія, что такой-то голодалъ двѣ недѣли... Причемъ умершихъ отъ голода не кормить.

— Но... банкетъ, банкетъ при открытіи! Съ рѣчами объ земскомъ соборѣ, конституціи, свободѣ печати, свободѣ стачекъ... Никита Петровичъ, у васъ готова резолюція?

Молодой представитель мазутнаго синдиката гордо отвѣтилъ:

— У меня всегда готово 100 резолюцій впередъ...

— На всѣ случаи жизни?

Послышался сердитый голосъ коммерсанта, у котораго было разбито стеколъ на 2 руб. 74 коп. и легко раненъ въ лѣвую ляшку магазинный котъ... „Подлецы эти рабочіе и ничего больше. Пьяницы. Чуть грошъ— несутъ въ кабакъ. А, между тѣмъ, кладя въ сберега-

тельную кассу по пятаку съ рубля, они бы черезъ 25 лѣтъ могли составить себѣ ренту по 48 рублей въ годъ... Это у меня точно вычислено для ткачей. А потомъ это крысиное размноженіе!

— Вамъ же фабрикантамъ выгоднѣе, благо на рынкѣ въ любой моментъ неограниченное число рукъ...

— Ну, мы ихъ теперь разсортируемъ...

— Отношеніе труда и капитала основаны на свободѣ договора и никому—ни государству, ни печати до этого дѣла нѣтъ...

— Старо... батенька... Во всѣхъ европахъ иначе разсуждаютъ.

— Что намъ Европа... драть надо...

— Да воцарится между вами миръ и братолюбіе,— сказалъ, блестя своими острыми глазками студентъ духовной академіи. Нужны бѣдные дабы богатые могли, благодѣтельствуя онымъ, спасти душу свою. И когда это спасеніе стоитъ трешницу въ мѣсяцъ, то чего же вы желаете?—весело спросилъ онъ коммерсанта.

* * *

Такъ мы болтали, болтали, болтали... Лились слова, шалили голосовые центры, мягко и ровно блестѣло электричество, искрилось шампанское въ маленькихъ бокальчикахъ. Тамъ и здѣсь видны были довольныя, слегка отяжелѣвшія лица,—глаза, подернутые чувственной дымкой, расширенные зрачки. Земецъ, разрѣшившій наконецъ, задачу объ одиннадцатой ссудѣ подъ пустошь, предложилъ кекъ-уокъ, но его шутливо отвергли въ виду „тяжелаго положенія отечества“... Учительница съ тракта ужъ не скрывала своего презрѣнія и давала рѣзкія реплики. На нихъ никто не обижался, слушали ихъ даже съ удовольствіемъ: въ нихъ было что-то острое, раздражающее... Движенія женщинъ стали лѣнивѣе, мягче... Этихъ полныхъ, красивыхъ женщинъ тянуло на кушетку, на длинное кресло и онѣ, прихлебывая шампанское, жадно нюхали цвѣты гвоздики,

какъ будто тоже охмѣлевшія, кроваво-красныя, жадно развернувшія свои лепестки.

Я случайно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ сынъ Александры Аркадьевны, и увидѣлъ блѣдное искривленное лицо юноши, почти мальчика. На него никто не обращалъ пока вниманія. Всѣ знали его странности, причуды, истеричность его натуры... Каждый разъ онъ выкидывалъ какую-нибудь штуку, приводившую въ ужасъ его мать. Но теперь никто не думалъ ни о какихъ штукахъ Жоржа...

И вдругъ, Жоржъ поднялся съ своего стула, съ трескомъ опрокинулъ маленькій столикъ и быстрыми невѣрными шагами подошелъ къ намъ. Въ его рукѣ была небольшая зеленая книжка и онъ разсматривалъ ее передъ каждымъ изъ насъ и задыхающимся голосомъ спрашивалъ каждаго изъ насъ: „нѣтъ, вы читали это? нѣтъ, вы это читали?..“. „Вотъ оно, вотъ—сказалъ онъ, внезапно останавливаясь.—Вотъ оно страшное, о чемъ вы не думаете... Вотъ“... И нервно перелистывая страницы, онъ сталъ читать: „...обвивались какъ змѣи... Онъ видѣлъ, какъ проволока, обрубленная съ одного конца, рѣзнула воздухъ и обвила трехъ солдатъ... Колючки рвали мундиры, вонзались въ тѣло и солдаты съ крикомъ, бѣшено кружились и двое волокли за собою третьяго, который былъ уже мертвъ. Потомъ остался въ живыхъ одинъ и онъ отпихивалъ отъ себя двухъ мертвецовъ, а тѣ волоклись, кружились, переваливаясь одинъ черезъ другого и вдругъ всѣ стали неподвижны“... „Вы понимаете—нервно и визгливо продолжалъ Жоржъ,—что здѣсь вотъ у Андреева все такое... Здѣсь всѣ страницы липкія отъ крови;—здѣсь каждая страница живая и смѣется кровавымъ краснымъ смѣхомъ... Вотъ еще... слушайте, слушайте... (и онъ нетерпѣливо ударилъ кулакомъ по столу, не слыша, какъ барахталась и визжала Александра Аркадьевна на груди юрисконсульта, ловко и неторопливо распускавшаго ей шнурки, какъ бы

изслѣдуя нѣчто очень интересное)... слушайте: „...одни точно со слѣпу обрывались въ глубокія воронкообразныя ямы и повисали животами на острыхъ кольяхъ, дергаясь и танцуя, какъ игрушечные паяцы; ихъ придавливали новыя тѣла и скоро вся яма до краевъ превращалась въ копошащуюся груду окровавленныхъ и мертвыхъ тѣлъ. Отовсюду снизу тянулись руки и пальцы на нихъ судорожно сокращались, хватая все, и кто попадалъ въ эту западню, тотъ не могъ уже выбраться назадъ: сотни пальцевъ крѣпкихъ и слѣпыхъ, какъ клешни, сжимали ноги, цѣплялись за одежду, валили человѣка на себя, вонзались въ глаза и душили". „Ну, что вы сытые черти, слышите вы этотъ красный смѣхъ человѣческой крови?.. Вѣдь это тамъ далеко—скажете вы... за десять тысячъ верстъ... Врете... Красный смѣхъ, змѣиныя проволоки, волчьи ямы—все это тутъ рядомъ съ нами и красный смѣхъ крови, сѣрый смѣхъ нищеты—это наша жизнь"... (Въ это время розовый негодяй успѣлъ подсунуть Жоржу стаканъ съ бромомъ и онъ немного успокоился...). „Я былъ, — продолжалъ онъ,—эти два дня въ рабочихъ кварталахъ... Это ужасъ, что тамъ дѣлается. Я не говорю уже о дружинахъ палочниковъ, которые пьяные, свирѣпые, наглые, расхаживаютъ по улицамъ и бьютъ каждаго, кто имъ не понравится... Тамъ идетъ сортировка рабочихъ. Несчастные, усмиренные, съ синевой подъ глазами—отъ голода, господа, отъ голода — они цѣлыми часами топчутся у воротъ заводовъ и фабрикъ и просятъ принять ихъ на ту же работу. Я ходилъ по домамъ, я видѣлъ голодныхъ ребятъ, уже не просящихъ хлѣба, а только стонущихъ... Я видѣлъ комнаты, набитыя голыми людьми, копошащимися подъ грудой тряпокъ и рогожи... Я видѣлъ неподвижный, какъ будто застывшій взглядъ голоднаго человѣка... И вы въ эту минуту ѣдите и пьете... Пойдемте туда... Пойдемте туда... Нельзя такъ кощунствовать въ эти великія таинственныя минуты быть

можетъ исцѣленія, быть можетъ гибели Россіи... Вѣдь мы разорены до тла, вѣдь намъ нечѣмъ больше жить... Что война... Она страшна... но страшнѣе ея — вѣчный голодъ народа, это презрѣніе къ труду, это преслѣдованіе рабочаго человѣка... за то, что онъ работаетъ и кормитъ всѣхъ насъ... Я говорю вамъ, что мы плаваемъ на лодкѣ въ морѣ нищеты... Нищета страшнѣе войны. Она идетъ на насъ съ болѣзнями, вырожденіемъ, безнадежностью... Она—страшнѣе войны. И тотъ трудъ, который вы держите въ голодѣ, холодѣ и безправіи, обращая его носителя въ раба—вотъ что погубитъ...

Онъ не успѣлъ кончить, какъ въ прихожей раздался настоящій трезвонъ. Дамы взвизгнули. Всѣ поблѣднѣли. Представитель синдиката быстро полѣзъ подъ столъ. Учительница съ тракта ловко пересыпала мнѣ въ карманъ собранныя деньги съ спокойнымъ шопотомъ: „у васъ не отберутъ“... Какъ дробь зашуршали испуганные голоса: „полиція, полиція“... Въ прихожей шумѣли, кричали; боролись. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ тревожнаго ожиданія въ дверяхъ показался мой Иванъ въ синей шелковой блузѣ. Онъ былъ пьянъ, какъ сто тысячъ сапожниковъ. Дико вращая глазами, съ нелѣпыми, но грозными жестами онъ кричалъ:

— Все могу... Я князь Пожарный... Урра!..

Five o'clock былъ сорванъ...

Петербургская барышня.

(ИЗЪ СТОЛИЧНЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ).

Теперь въ модѣ англійскій языкъ,—поэтому ее зовутъ Кэтъ или Китти, поэтому она говоритъ больше всего по-англійски, разъѣзжаетъ повсюду съ своей англичанкой миссъ Перкинсъ, и ея лошади въ англійской упряжкѣ. Ей—19 лѣтъ. Она—княжна, послѣдняя представительница знатнаго и виднаго въ исторіи татарскаго рода; богата, хотя не очень; прекрасно выдержана: со всѣми обращается ласково, обходительно, и пожалуй, даже со всѣми одинаково. Она некрасива, но мила; ея глаза, впрочемъ, мнѣ очень нравятся: они большіе, сѣрые и немного наглые.

Ея мать—княгиня, величественная женщина лѣтъ 45-ти, постоянно хвораетъ. У ней много сложныхъ бобѣзней, которыя требуютъ упорнаго, непрекращающагося никогда лѣченія у спеціалистовъ, непремѣнно молодыхъ и красивыхъ. Княгиня очень набожна, занимается благотворительностью, генеалогіей своего рода, тоже очень знатнаго, но уже не татарскаго, а литовскаго. Старикъ князь рѣшительно ни во что не вмѣшивается и, выйдя въ отставку, пристрастился къ шашкамъ. Партнеровъ онъ себѣ нанимаетъ по 25 руб. въ мѣсяцъ за три часа игры. Такихъ партнеровъ у него 4. Игра въ шашки во всѣ времена года начинается ежедневно въ 9 часовъ утра и оканчивается

въ 11. Въ одиннадцать князь складываетъ шапки, цѣлуетъ у княгини руку и со словами: „вы княгиня, меня извините: я очень усталъ сегодня“—идетъ спать.

Княгиня очень несчастна. Во-первыхъ, потому что она больна. Во-вторыхъ, потому что ей надо выдать замужъ свою Кэтъ и непремѣнно за дипломата, въ третьихъ, потому что молодой врачъ-спеціалистъ, приносившій ей наиболѣе пользы, только что уѣхалъ куда-то въ Индію или Китай изучать или холеру или бубонную чуму.

— Молодые люди неблагодарны!—говоритъ по этому поводу княгиня и вздыхаетъ.

Я вздыхаю вмѣстѣ съ ней, хотя рѣшительно не знаю, какая связь между неблагодарностью и командировкой на холеру.

Присутствующая при этомъ Кэтъ смотритъ на мать своими невинными, наглыми глазами и говоритъ:

— Бѣдная мама. Какъ же теперь твое лѣченіе?..

— Что же дѣлать, Кэтъ... Молодые люди такъ неблагодарны — опять вздыхаетъ княгиня... Mon ami— обращается она ко мнѣ—займемся генеалогіей...

Надо вамъ сказать, что княгинѣ я помогаю въ ея генеалогическихъ изысканіяхъ, а съ Кэтъ мы занимаемся исторіей литературы. Это послѣднее занятіе Кэтъ выдумала себѣ сама. Княгиня не протестовала, потому что, во-первыхъ, мнѣ она довѣряла безусловно, какъ старому знакомому и человѣку интересующемуся генеалогіей, а во-вторыхъ—ей понравилась мысль, что Кэтъ будетъ сама разговаривать о литературѣ... Этого послѣдняго я, конечно, и не обѣщалъ, но такъ оно вышло какъ-то само собой.

* * *

На разговорахъ,—или какъ ихъ называетъ княгиня, „лекціяхъ“ русской литературы мы съ Кэтъ читаемъ и болтаемъ... Присутствуетъ только миссъ. Но и миссъ нисколько не мѣшаетъ намъ болтать о чемъ угодно,

потому что каждый разъ я приношу ей изъ редакціи номеръ „Таймса“ въ два фунта вѣсомъ, въ которомъ она немедленно же и утопаетъ.

— Совсѣмъ чучело съ газетой въ рукахъ—ворчливо говоритъ Кэтъ, смотря на прямую, палкообразную фигуру миссъ.

— Кэтъ, мы къ ней несправедливы.., Это милое и несчастное существо.

— Согласна. Только зачѣмъ она всегда при мнѣ?.. Она мнѣ надоѣла.

— Кэтъ, такъ нужно въ высшихъ цѣляхъ: чтобы вы вышли замужъ за дипломата. Дипломаты же, какъ извѣстно, любятъ, чтобы ихъ невѣсты до замужества не разставались съ англичанками.

— А все-же я отъ нея скоро отдѣлаюсь...

— Напрасно. Это достойное существо.

Миссъ дѣйствительно достойное существо. Ко мнѣ она благоволитъ за то, что каждый разъ я разговариваю съ ней 5—10 минутъ, за то еще, что я называю Англію великой страной, за то, наконецъ, что я ношу ей „Таимсъ“ безъ помарокъ... Она въ свою очередь не знаетъ, какъ угодить мнѣ, и хвалитъ Россію.

— Это очень большое государство, ваша Россія,— говоритъ она.

— Обширнѣйшее въ мірѣ, миссъ,—говорю я.

— И очень... прекрасное...

— Не совсѣмъ, однако...

— Россіи предстоитъ великая будущность...

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ... Впрочемъ, принимая во вниманіе...

— Только я не понимаю, почему моя газета, которую я выписываю изъ Англіи, приходитъ всегда съ помарками...

— Умомъ, миссъ, Россіи не понять. Это еще Тютчевъ сказалъ. Но полагаю, что васъ берегутъ...

— И такъ запачкано, что какъ ни стараюсь, ничего разобрать не могу.

— Что говорить: запачкано *чисто*...

Съ Кэтъ мы занимаемся безъ всякой программы. Сегодня Пушкинымъ, завтра—Горькимъ, послѣ-завтра—Мопассаномъ или Чеховымъ. Пушкина она знаетъ по Чайковскому и Даргомыжскому, почему и восторгается больше Собиновымъ, чѣмъ Пушкинымъ.

— Это стыдно, Кэтъ! Вообразите себѣ, что вамъ придется представлять Россію въ иноземномъ государствѣ, не признающемъ ея величія... Право, Пушкинъ вамъ очень, очень пригодится для пропаганды русскаго имени.

— Вы мнѣ надоѣли съ своимъ представительствомъ. Если я не спорю съ мамой относительно дипломата, то еще не значитъ, что я согласна. Возможно, что я влюблюсь въ босяка, или поступлю на медицинскіе курсы, или пойду въ пѣвицы.

— Не пугайте, Кэтъ, я не изъ пугливыхъ... Займемся Пушкинымъ...

Мы начинаемъ заниматься Пушкинымъ, и я читаю Евгенія Онѣгина. Потомъ мы разговариваемъ о Татьянѣ.

Я произношу маленькую рѣчь во вкусѣ Достоевскаго. Говорю о святости чувства долга. Подчеркиваю знаменитыя слова: „я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна“. Удивляюсь мужественному терпѣнію русской женщины. Продолжаю романъ и разсказываю Кэтъ, какъ Татьяна, оставшись, наконецъ, одна, бросается на колѣни передъ образомъ, молится и встаетъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, чуждымъ земной суеты... Она страдаетъ, но терпитъ. Ей невыносимо больно, но она молчитъ. Съ Евгеніемъ она не видится больше никогда. Ей разсказываютъ, что тотъ уѣхалъ въ Персію—она ни слова. Даже краска на лицѣ не выдаетъ ея волненія. Ей разсказываютъ, еще, что Евгеній вернулся

на родину, опять поселился у себя въ имѣніи и завелъ балетъ и гаремъ. Тяжкій вздохъ и горячая молитва за любимаго человѣка служатъ съ ея стороны единственнымъ отвѣтомъ на призывъ жизни. Мужъ ея въ это время окончательно старѣетъ. Неизлѣчимая болѣзнь приковываетъ его къ постели. Онъ стонетъ, охаетъ, кряхтитъ, кашляетъ, брюзжитъ, жалуется, упрекаетъ, ревнуетъ цѣлыми днями. Татьяна ухаживаетъ за нимъ цѣлыми днями, и это въ теченіе 24 лѣтъ. Бѣдная, сколько она вынесла!... Сѣдина уже серебритъ ея голову. Наконецъ, мужъ умираетъ. Услышавъ объ этомъ Евгеній, тоже сѣдой и очень волочащій лѣвую ногу, мчится на фельдъегерскихъ въ Петербургъ, и со словами: „теперь—ты моя!“—входитъ въ гостиную къ Татьянѣ. Но та и здѣсь остается непреклонной. Она хочетъ остаться вѣрной памяти мужа. Ничто не можетъ измѣнить ея намѣренія и она остатокъ жизни отдаетъ благотворительности.

Когда я взглянулъ на Кэттъ, ея лицо выражало самую неподдѣльную скуку...

— Что съ вами, Китти?—спросилъ я.

— Я тутъ ровно ничего не понимаю. Скажите, неужели нельзя было все это проще?

— То-есть, какъ проще?

— Ахъ, Господи, никто меня не понимаетъ... Ну, проще,—и все. Такъ, чтобы и Татьянѣ, и Евгенію, и старому было хорошо. Вѣдь Татьяна могла же это устроить...

— Кэтъ, что вы говорите?

— Я вообще не понимаю всѣхъ этихъ романовъ... Сколько разговоровъ, сколько фразъ! Кричатъ, бѣснуются, ну, право, какъ сумасшедшіе... Я давно рѣшила, что въ моей жизни не будетъ ничего подобнаго... Что захочу—то и сдѣлаю безъ словъ, безъ криковъ, безъ надрыва... Чтобы всѣмъ было хорошо и весело. А ваша Татьяна—посмотрите. Сама страдаетъ, заста-

вляетъ страдать Евгенія, котораго любитъ, конечно, и мужа, если тотъ не дуракъ. Всѣмъ скверно, тяжело, отвратительно, всѣ готовы застрѣлиться, а вы говорите: „святая“!... Это все надрывомъ, а я хочу жить просто, совсѣмъ просто...

— Но, Кэтъ, это невозможно...

— Почему это невозможно? Не понимаю. Ваша Татьяна скучная. Ханжа и ничего больше... Не живетъ сама и мѣшаетъ жить другимъ. Какъ красивая женщина, она должна знать, что ее любятъ всѣ мужчины; ну, конечно, она тоже, въ душѣ, любитъ всѣхъ мужчинъ...

— Кэтъ, Кэтъ!.. Послушайте-ка, что по этому поводу говоритъ Достоевскій.

Я сталъ читать ей Достоевскаго. Но Кэтъ не слушала, а ея невинные, наглые глаза были устремлены куда-то вдаль...

* * *

Кэтъ какъ-то разговорилась и разсказала мнѣ свой заграничный романъ. Глупенькій романъ восемнадцатилѣтней дѣвушки, находившейся подъ надзоромъ „ma tante“ и миссъ, но когда я слушалъ его,—мнѣ все казалось, что Кэтъ что-то недоговариваетъ и что-то отъ меня прячетъ. Но я не допытывался.

Романъ, оказывается, произошелъ съ какимъ-то прогорѣвшимъ барономъ, человѣкомъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, доживавшимъ свои дни въ той же самой гостиницѣ-виллѣ, въ какой скучала и Кэтъ съ своей теткой и своей миссъ. Прежде всего, разумѣется, познакомились. Баронъ цѣлые дни проводилъ въ креслѣ на балконѣ, вспоминая прежніе подвиги. Онъ много разсказывалъ Кэтъ о своихъ путешествіяхъ сначала, о своихъ любовныхъ приключеніяхъ потомъ Она его слушала, или читала ему новые журналы. Ей было очень его жаль, и она просиживала рядомъ съ нимъ цѣлые часы. Баронъ зналъ, что ему остается жить

очень недолго, и ухватился за Кэтъ, какъ за послѣднюю приманку жизни. Онъ звалъ ее „ma petite“ и ревновалъ, если она долго не приходила къ нему на балконъ. Онъ говорилъ ей о любви, говорилъ ей о томъ, что этотъ лучшій даръ небесъ, благодаря невѣжеству и трусости людей, приноситъ этимъ послѣднимъ одно лишь страданіе и скуку. По самому существу своему она требуетъ безусловной свободы; въ ней нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, одно лишь настоящее, а между тѣмъ, тысячи соображеній, приличій, резоновъ опутываютъ, какъ паутина, чувство влюбленныхъ, обезсиливаютъ и обезцвѣчиваютъ—его, вводя въ рамки обыденнаго существованія. Очень часто любовь заканчивается бракомъ, при мысли о которомъ можно только зѣвать, и вслѣдъ за вѣнчаніемъ наступаютъ унылые дни, когда чувство замѣняется привычкой, искренность—лицемѣріемъ, порывъ — разсчетомъ. Еще чаще вспыхнувшая любовь остается неудовлетворенной, потому что современный человѣкъ до такой степени привыкъ все разсчитывать и взвѣшивать, что опасности и рискъ, соединенные съ служеніемъ свободному чувству, внушаютъ ему робость, и онъ трусливо отступаетъ послѣ первой же попытки или даже до нея. Большинству людей приходится умирать съ сознаніемъ, что они не любили въ жизни, хотя могли-бы любить, и въ ихъ предсмертную минуту эти поцѣлуи и объятія, отъ которыхъ они такъ трусливо отстранились раньше, кажутся имъ тѣмъ же, чѣмъ стаканъ холодной воды умирающему отъ жажды. Но главная вина влюбленныхъ въ томъ, что и они сами, подчиняясь внушеніямъ окружающей обстановки, начинаютъ смотрѣть другъ на друга, какъ на собственность, стѣснять свободу, ревновать. Этимъ они показываютъ величайшую неблагодарность къ природѣ. Та, на ихъ же собственномъ примѣрѣ, только-что показала имъ, что только свободное чувство приноситъ счастье, а они сами торопятся сейчасъ же на-

ложить на него цѣпи. Это величайшее преступленіе, которое можетъ только совершить человѣкъ. Ни прошлое, ни будущее не существуетъ для любви, какъ не существуетъ для нея ни законовъ, ни обычаевъ — существуетъ только настоящее.

— Однако, вашъ баронъ...—сказалъ я.

— Ахъ, онъ очень хорошо говорилъ и очень искренне...

— Вѣрю, Кэтъ, и все же всѣмъ этимъ прогорѣвшимъ баронамъ я запретилъ бы останавливаться въ отеляхъ, гдѣ живутъ молодыя барышни...

— Потомъ, — продолжала Кэтъ, — онъ предложилъ мнѣ руководить моимъ чтеніемъ и далъ мнѣ Марселя Прево.

— Не „Demi vierges“ ли?

— Да...

— Вашего барона слѣдовало бы сбросить съ вершины Юнгъ-Фрау въ пропасть и непремѣнно внизъ головой.

— Я многаго не поняла въ этой книгѣ. Вообще она мнѣ не понравилась, потому что и тамъ съ какимъ-то надрывомъ, съ криками, проклятіями, револьверами. Я думаю, что надо проще, гораздо проще.

— Какъ, еще проще, Кэтъ?

— Ну, да...

Я взглянулъ на нее и сразу же встрѣтилъ открытый взглядъ ея прозрачныхъ глазъ. Тамъ гдѣ-то въ далекой глубинѣ темнымъ пятнышкомъ чернѣла недоговоренная мысль. Но на поверхности все было прозрачно, невинно, лазурно...

— Баронъ, — заговорила опять Кэтъ, — просилъ у меня свиданія въ уединенномъ мѣстѣ. Мнѣ было очень-очень трудно исполнить его желаніе, потому что всѣ кругомъ противъ свиданій молодыхъ дѣвушекъ...

— Съ баронами въ уединенномъ мѣстѣ... — договорилъ я.

— Да. Но все же наканунѣ отъѣзда мы улучили удобную минуту и ушли съ нимъ высоко-высоко на гору, откуда открывается чудный видъ на Юнгъ-Фрау, и тамъ сѣли прямо на траву у придорожнаго креста. Тутъ я должна сказать правду, баронъ былъ очень глупъ...

Кэтъ глубоко вздохнула, какъ бы сожалѣя о глупости барона.

— Очень, очень глупъ, — повторила она. — Во-первыхъ, онъ цѣловалъ такъ сильно, что я потомъ едва затерла пятна на щекахъ пудрой, потомъ онъ заклиналъ меня любить его всю жизнь и никогда больше никого не любить... Онъ грозилъ даже, что будетъ приходить ко мнѣ изъ могилы... Во-вторыхъ, — я отъ него убѣжала...

— Слава Богу, Кэтъ!..

— Не знаю, но въ эту минуту я почувствовала, что онъ идетъ противъ своихъ словъ и сейчасъ же хочетъ посадить меня въ клѣтку. Мнѣ стало скучно и страшно. Я совсѣмъ не хочу повторенія пройденнаго,—того, что пишется во всѣхъ романахъ, не хочу любви, которая приноситъ или зѣвоту, или страданіе. Я хочу любить просто и радостно, хочу, чтобы и меня такъ же любили...

— Посмотримъ, что скажетъ на этотъ счетъ вашъ дипломатъ, — проворчалъ я...

— Не знаю, будетъ ли онъ когда, „мой дипломатъ“— задумчиво проговорила Кэтъ. — Мнѣ кажется, что его никогда не будетъ, хотя на этотъ счетъ я никогда не спорю съ maman... „Мой дипломатъ“ могъ быть раньше, когда женщина сидѣла взаперти, занимаясь семьей, хозяйствомъ или свѣтомъ. Но вѣдь это время прошло. Тамъ, за границей, я урывками слышала рѣчи на женскомъ конгрессѣ... Я изъ нихъ и поняла только одно, что стараго не вернешь... „Мой дипломатъ“, которому я могу измѣнить таясь, робѣя и скрываясь—это очень,

очень старая штука. Я совсѣмъ никому не хочу измѣнять, никого не хочу обманывать въ c'est du sale — и поэтому-то мнѣ совсѣмъ не нужно возлѣ себя человѣка, который имѣетъ право контролировать мои чувства, устраивать мнѣ сцены ревности и слѣдить за мной, какъ будто я обязана кому отчетомъ. Я хочу любить, когда и какъ любится... просто...

— Охъ, Кэтъ, смотрите, не любитъ наша жизнь этой простоты...

— Ну да, конечно, тутъ тысячи предразсудковъ, которые обыкновенно побѣждаются ложью и лицемѣріемъ. Но вотъ какъ разъ это-то мнѣ и не нравится. Это грязно, не правда ли?

— Конечно, но...

— У васъ все „но“, „однако“ и „охъ“... Замолчите... Я стану его женой, буду признавать надъ собой только его права, гасить въ себѣ ради его спокойствія искорки новыхъ влеченій. Какъ это смѣшно... Вѣдь, въ сущности, этого даже и нѣтъ совсѣмъ... такъ только говорится... Вы бывали на морскихъ купаньяхъ?

— Былъ.

— Ну вотъ, я вамъ поясню этимъ примѣромъ. Тамъ вѣдь всѣ почти совсѣмъ раздѣтые, и мужчины, и женщины. Осматриваютъ другъ друга и въ лорнеты, и въ бинокли. У кого слишкомъ глухой костюмъ, у того, значитъ, какой-нибудь некрасивый недостатокъ. И вотъ всѣ другъ друга видятъ... ужъ я не знаю, какъ. Знаете, когда на меня наводили стекла, мнѣ всегда казалось, что какою-то своей частью я уже принадлежу кому-то, что послѣ этого быть женой только одного я уже не могу... Вы понимаете, что тамъ на купаньяхъ, какъ будто всѣ мужья и всѣ — жены, и нельзя разобрать, почему одинъ мужъ побольше съ правами и преимуществами, а другой мужъ поменьше...

Женскій конгрессъ... морскія купанья. Я недоумѣвалъ и видѣлъ лишь, что какая-то настойчивая мысль

живетъ въ этой головкѣ съ прозрачными глазами и просится въ жизнь...

— Развѣ нельзя любить двухъ-трехъ сразу? — неожиданно спросила меня Кэтъ.

Я хотѣлъ было отвѣчать, но подошла миссъ съ часами въ рукахъ и, протягивая мнѣ № газеты, проговорила:

— Very interesting... Thank you. Kitti, five o clock abready...

* * *

Я засталъ какъ-то Китти усталой и скучной. Она сидѣла одна въ комнатѣ и была очевидно не въ духѣ. Какая-то раскрытая книга лежала возлѣ нея на столикѣ, но она ея не читала.

— Только что получила извѣстіе, что баронъ умеръ,— сказала она.

— Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ...—отвѣтилъ я.

Кэтъ взглянула на меня съ упрекомъ.

— Для меня онъ все же кое-что значилъ. Правда, на послѣднемъ свиданіи онъ былъ какой-то странный, но все же...

— Оставимъ барона... Скоро уѣзжаете?..

— Какъ всегда... Сначала въ Крымъ, потомъ за границу, потомъ опять въ Петербургъ... Удивительно: я еще такъ молода, а живу уже „какъ всегда“ и „какъ всѣ“... Скучно...

Она вопросительно взглянула на меня, какъ бы ожидая совѣта. Но я давно уже далъ себѣ слово никогда не давать совѣтовъ скучающимъ барышнямъ и молчалъ...

— Говорятъ: развлекайтесь. Чѣмъ? Собирать коллекцію открытыхъ писемъ? Рисовать по фарфору? Поступить на курсы?..

— Пожалуй, это не совсѣмъ то же самое.

— Для меня это то же самое, потому что никакого влеченія къ наукѣ у меня нѣтъ, а заработокъ мнѣ не

нуженъ... Вотъ я и лежу на кушеткѣ... Знаете, мнѣ порою страшно...

— Чего?..

— А вотъ, что вся жизнь пройдетъ „какъ всегда“ и какъ у всѣхъ... Порою мнѣ кажется, что я уже начинаю соглашаться со всѣми проектами maman на счетъ меня... Ну, пусть отыщетъ своего дипломата, ну, пусть выдастъ меня замужъ, ну, пусть начнется вся эта скучная канитель... Въ такія минуты, какъ сейчасъ, со мной можно сдѣлать, что угодно. Я готова согласиться на все...

— Новые пути, Кэтъ, вообще рискованы и опасны,— замѣтилъ я благоразумно...

— Знаю, знаю,—замахала она руками.—Но вѣдь это жаль, если изъ моихъ маленькихъ мыслей и мечтаній ровно ничего не выйдетъ. Я ихъ набирала понемногу, холила ихъ, любила ихъ, а придется быть и жить какъ всѣ... Не хочу...

Въ комнатѣ промелькнула для чего-то миссъ, поздоровалась и опять исчезла.

— Ахъ, эта миссъ!—раздраженно сказала Кэтъ...— Если бы только вы знали, какъ она тяготитъ меня, какъ я ее ненавижу и какъ, въ концѣ концовъ, мнѣ было бы трудно обойтись безъ нея. Она всегда при мнѣ, надоѣдаетъ ужасно, но я не знаю, сумѣю ли я выйти безъ нея на улицу... Что это такое...

— У каждаго человѣка, Кэтъ, своя миссъ, а иногда цѣлый эскадронъ этихъ миссъ, неотступно слѣдующихъ за нимъ... У каждаго, Кэтъ, бродятъ мысли о новыхъ путяхъ, о „своемъ“ словѣ, своей жизни, а въ результатѣ выходитъ „какъ всегда и какъ всѣ“... Самое печальное зрѣлище всемірной исторіи и обыденной жизни, если говорить высокимъ слогомъ... Сколько молодыхъ парочекъ видѣлъ я, Кэтъ, которыя наканунѣ свадьбы давали себѣ слово устроиться по новому, безъ этой пошлости мелко-мѣщанской обстановки, безъ этой рас-

пущенности обыкновенной семьи... Они мечтали о своемъ счастьѣ, объ отдѣльныхъ комнатахъ для мужа и семьи, о вѣчной влюбленности, о товарищескихъ отношеніяхъ... И что же?.. Черезъ годъ или два все было у нихъ какъ у всѣхъ: жена ревновала къ горничной, а мужъ устраивалъ сцены за лишній рубль, истраченный на столъ... Въ минуты же духовнаго единенія они мечтали о новой мягкой мебели для гостиной и шелковыхъ портьерахъ...

— Но я не хочу такъ, не хочу... Право, я разсержусь и устрою что-нибудь дикое... убѣгу куда-нибудь, сама брошусь на шею безногому барону...

— Не разсердитесь... Не устроите... Не убѣжите... Не броситесь, — хотѣлъ было я сказать Кэтъ. Но не сказалъ ничего. Мнѣ было жаль моей милой петербургской барышни съ ея невинно-наглыми мечтами, ея маленькими развратными мыслями... Она набрала ихъ ихъ книгъ, изъ разговоровъ, изъ лекцій на конгрессахъ, изъ впечатлѣній отъ морскихъ купаній—больше всего изъ этихъ послѣднихъ, и какія бы онѣ ни были, онѣ все же ея... Но и съ ними—она чувствуетъ—надо разставаться. Невинно-наглыя мечты и мысли будутъ раздавлены, убиты и завянутъ сами собой... Быть можетъ даже они смѣнятся страстнымъ желаніемъ, чтобы жизнь „какъ у всѣхъ“ наступила какъ можно скорѣе и Кэтъ будетъ радоваться ревности своего дипломата и потихоньку, крадучись, измѣнять ему. Жизнь совершитъ новое преступленіе, новое насиліе надъ человѣкомъ и пойдетъ дальше своей дорогой, внушая новые порывы и стремленія и осмѣивая ихъ... Ей-то что...

— Ну, скажите что-нибудь,—просила Кэтъ...

— Конечно,—началъ я...

И какъ я былъ радъ, когда на этомъ „конечно“ въ комнату вплыла величественная княгиня съ очевиднымъ намѣреніемъ начать долгій разговоръ о неблагодарности молодыхъ людей и необходимости для Кэтъ выйти замужъ та дипломата.

Въ старомъ гнѣздѣ.

...На верандѣ большого дома они сидѣли и разговаривали. Она, разумѣется, полулежала на кушеткѣ, а онъ—сидя у стола за стаканомъ недопитаго чая и безбожно дымя папиросой. Она—эффектная дама лѣтъ 37 и послѣдняя представительница рода Метлициныхъ, онъ—студентъ очень юный, горячій и милый, взятый въ домъ для научныхъ экскурсій съ дѣтьми.

Они сидѣли и разговаривали при мерцаніи звѣздъ, оба здоровые и сильные, опьяненные ароматомъ цвѣтовъ, фруктоваго сада, взаимной близостью, прохладой іюльской ночи, своей свободой... и какое имъ было дѣло до тѣхъ угрюмыхъ философовъ, которые утверждаютъ, что такая обстановка не предвѣщаетъ ничего добраго?

Онъ — слишкомъ юный — робокъ; она, слишкомъ опытная, не торопилась даже съ предисловіемъ. Онъ подбадривалъ себя рѣзкими словами и сужденіями и думалъ, что злитъ этого красиваго эффектнаго „звѣря“. Она насмѣшливо и небрежно бросала свои замѣчанія, прерывая ими его страстныя хотя и безсвязныя рѣчи.

Когда она „нанимала его, онъ, волнуясь, краснѣя и ероша волосы, сказалъ:

— Теперь я въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ долженъ ознакомить васъ съ своимъ соціально-политическимъ міросозерцаніемъ...

— Это ваше личное дѣло, и я васъ не спрашиваю о немъ.

— Нѣтъ-съ, позвольте... Само собою разумѣется, что если я къ вамъ иду въ наемъ, такъ я постараюсь не огорашивать вашихъ предразсудковъ. А все же заявляю, что, въ виду практическихъ и неустранимыхъ потребностей настоящаго дня, — я соціалъ-демократъ; но въ то же время я глубоко проникнутъ индивидуалистическимъ ученіемъ Ницше и теоретическаго анархизма вообще... Ну, да... И вотъ задача переживаемой мною стадіи развитія заключается въ томъ, чтобы...

— Право—это ваше дѣло...

— Позвольте-съ... Задача моя въ томъ-съ, чтобы научно примирить государственную организацію труда съ величайшей свободой личности, путемъ примѣненія принциповъ такъ называемой соціалъ-анархіи... Да-съ...

Всю эту тираду онъ выпалилъ сразу, опустивши глаза внизъ, къ своей бумажной манжеткѣ, на которой, кстати сказать, тирада была написана анилиномъ, почему и не замѣтилъ, какой веселый огонекъ загорѣлся въ ея взглядѣ. Но она отвѣтила совершенно спокойно:

— Это очень интересно. Но меня совершенно устраиваетъ, если ваша грандіозная задача не помѣшаетъ вамъ научить моихъ дѣтей отличать березу отъ ели и дѣлать коллекціи.

— Коли нечего жрать, такъ и не этому научишь...

— Ахъ, Боже мой, я васъ прошу только этому. А что жрать вы у насъ не будете, а просто кушать—это я вамъ ручаюсь.

Они сошлись тогда, при первомъ своемъ свиданіи, на этомъ. А теперь, черезъ мѣсяцъ, сошлись еще ближе, оба здоровые и сильные, онъ—повторяющій себѣ ежеминутно: „а мнѣ на эту самую бабу наплевать“, она—слегка раздраженная и взволнованная его рѣчами, его

вызывающимъ видомъ, его юнымъ задоромъ и блескомъ его глазъ...

Но имъ хорошо было рядомъ другъ съ другомъ, и они надолго зисидѣлись на верандѣ въ эту тихую іюльскую ночь, при мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ...

* * *

Они разговаривали.

...И вотъ—докторально говорилъ онъ -первымъ необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія человѣчества, которому, какъ вы знаете, грозитъ вырожденіе—является обезпеченіе общей сытости... Это вопросъ ближайшей очереди. Все, что не ведетъ прямо или косвенно къ его рѣшенію, не стоитъ ничего. Свобода голоднаго и необезпеченнаго человѣка—призракъ, его „равноправность"—иллюзія или преступный обманъ. Всякую конституцію надо перевести на реальный языкъ хлѣба, права и гарантированной возможности добывать этотъ хлѣбъ, права и гарантированной возможности защищать это самое право „добывать" при наивозможно легкихъ условіяхъ разумѣется...

Она потянулась и зѣвнула.

— Чтобы вы были сыты?—переспросила она.—Фи! Какая же будетъ скучища.

— А среди голодныхъ веселѣе?.. Если бы видѣли настоящій голодъ...

— Котораго вы одинаково не видѣли... Ну, хорошо, всѣ сыты, обуты, одѣты. У каждой семьи отдѣльный домъ съ садикомъ. Домъ изъ четырехъ комнатъ: спальня, гостинная, столовая, дѣтская. За обѣдомъ каждый день мясо. Проработавъ шесть часовъ на общественной или союзной фабрикѣ, отецъ возвращается къ обѣду домой. Послѣ третьяго блюда кофе. Затѣмъ старшая дочь садится за фортепьяно и играетъ: „Маргарита, кто тебя обидѣлъ"... Ну, а дальше?..

— Не такъ все это пошло, не такъ... Это лишь первый камень общечеловѣческаго мира и общечеловѣче-

скаго творчества... Вы спрашиваете, что дальше? Дальше прекратится, наконецъ, эта позорная борьба человѣка съ человѣкомъ изъ-за куска хлѣба... Эти голодные старики и дѣти... Эти здоровые люди, не находящіе работы...

— Прекратится борьба человѣка съ человѣкомъ! Какой же вы пай-мальчикъ. Какъ будто люди поѣдаютъ другъ друга только изъ-за куска хлѣба!..

— Изъ-за чего же?

— Ну дайте вы всѣмъ „хлѣбъ равенства“ и повѣрьте, что они перегрызутъ другъ другу горло... Изъ-за славы, напримѣръ. Вы и не знаете еще, сколько въ каждомъ изъ насъ дурномъ, хорошемъ, умномъ глупомъ—безразлично—таится тщеславія, самолюбія, жажды власти. И повѣрьте, когда будутъ просторъ и время для борьбы, для споровъ, для политиканства, когда талантъ, ловкость, удача, случайно выпадающіе на долю человѣка, замѣнятъ собой происхожденіе или богатство—тоже случайныя,—борьба будетъ также ожесточенна и съ тѣмъ же насиліемъ. Какъ иначе? Борьба нужна. Человѣческій родъ инстинктивно ищетъ ее, потому что хочетъ жить и знаетъ, что безъ нея умретъ отъ плѣсени.

Она остановилась, потомъ прибавила:

— Вы меня испортили... Я начинаю говорить длинно.

— Тогда я стану говорить коротко и скажу вамъ только, что при разумно поставленномъ воспитаніи...

— Слыхали. Ну, пусть. Всѣ станутъ паиньки, станутъ любить другъ друга или, по меньшей мѣрѣ, относиться по-товарищески. И все же это поведетъ лишь къ замѣнѣ одной формы борьбы другой...

— Какой же?..

— Ахъ Боже мой... Какъ я могу все знать? Ну изъза хорошенькихъ женщинъ, что ли, изъ-за дюжины женщинъ, наконецъ. А можетъ быть и изъ-за мужчинъ, красивыхъ, здоровыхъ, сильныхъ мужчинъ.

Она лукаво прищурила глаза...

— Тьфу, какія гадости вы говорите...

Онъ вскочилъ и пробѣжался по балкону. Потомъ остановился и, смотря на нее въ упоръ, сказалъ серьезно

— Вы тысячу разъ не правы. Человѣчество побѣдитъ нищету и голодъ и знаете почему..?

— Ну?

— Потому что они, голодающіе, не хотятъ больше. голодать. Понимаете?

Она поняла его еще лучше, чѣмъ онъ думалъ. То злое, раздраженное чувство, которое она всегда питала къ толпѣ, къ массѣ, выходцамъ, сверкнуло въ ея глазахъ. Она затушила ихъ сейчасъ же и, смѣясь, сказала:

— Ну, мы ихъ накормимъ.

— Они не хотятъ и этого...

— Посмотримъ...

* * *

На утро супругъ прислалъ телеграмму. „Сообщаю съ сокрушеніемъ, что немедленно прибыть не могу. Командированъ на Востокъ. Прошу пребывать въ страхѣ Божьемъ. Цѣлую“.

Она небрежно отбросила телеграмму въ сторону Предыдущая гласила то же самое, только поѣздка на Востокъ была замѣнена поѣздкой на Западъ. Она давно уже знала, что Востокъ значитъ Омонъ, Западъ—Яръ и не волновалась. Къ тому же, когда супругъ дѣйствительно прибывалъ домой, то непремѣнно привозилъ кучу рецептовъ отъ всѣхъ медицинскихъ знаменитостей, и смыслъ которыхъ былъ, впрочемъ, одинъ и тотъ же: воздержаніе. Поэтому, какъ супругъ, собственно онъ не представлялъ значительнаго интереса.

Онъ самъ признавался, что функціи его были другія. И эти другія функціи онъ исполнялъ не только сносно, но и вполнѣ удовлетворительно. Убѣжденный гастрономъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ добавленій къ

знаменитому „Cuisinier royal“, чѣмъ пріобрѣлъ немалую извѣстность какъ въ гастрономическихъ, такъ и вообще вліятельныхъ административныхъ сферахъ. Его проектъ приспособить „Cuisinier royal“—эту квинтъ-эссенцію французской кухни— къ русскимъ нравамъ, обычаямъ, а также историческимъ и доисторическимъ основамъ исконнаго русскаго быта обратилъ даже на себя вниманіе одного министра, который и попросилъ его составить по этому поводу докладную записку. Записка оказалась очень удачной, такъ какъ философія ея заключалась въ отрицаніи прямыхъ заимствованій съ Запада и указаніе на необходимость перерабатывать ихъ коллективнымъ разумомъ земскихъ уѣздныхъ начальниковъ. Это понравилось. Была назначена даже комиссія для разсмотрѣнія Cuisinier royal по параграфамъ. Эта комиссія засѣдала уже 16 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Метелицынъ пользовался разными даяніями и неожиданнѣйшими командировками.

Естественно, при такихъ условіяхъ, что телеграмма супруга очень мало огорчила Софью Павловну, и она вышла къ утреннему чаю, какъ всегда, здоровая, блестящая, сытая собой и всѣмъ окружающимъ.

Первое, что она увидѣла, — это угрюмую физіономію юноши.

Бѣдный юноша! Онъ не спалъ всю ночь. Онъ до самаго утра ворочался съ боку на бокъ, показывая себѣ тысячу кулаковъ въ носъ, называя себя разными бранными словами, изъ которыхъ дуракъ, идіотъ и скотина были слабѣйшими. Минутами онъ представлялся уже себѣ безнадежно опозореннымъ—едва ли не приговореннымъ къ гражданской смерти. „Отчего вчера онъ такъ плохо и неудачно защищалъ свое положеніе, что голодныхъ не должно быть больше на землѣ, хотя вся его соціалъ-анархическая система зиждилась какъ разъ на этомъ адамантовомъ основаніи?.. И онъ далъ чуть ли не насмѣятся надъ собой этой дурищѣ съ ея лучистыми

глазами. А быть можетъ, она и, правда, смѣялась?“ При этой мысли онъ краснѣлъ, какъ кумачъ, и чувствовалъ такую нудность не только въ душѣ, но и по всему тѣлу, что готовъ былъ ходить на головѣ. Тысячи самыхъ блестящихъ аргументовъ и горячихъ рѣчей приходили ему въ голову, но всякій разъ, какъ онъ пробовалъ записать ихъ, передъ нимъ вставало смѣющееся лицо Софьи Павловны и на бѣлой бумагѣ не выходило ничего, кромѣ измызганныхъ фразъ: „die Socialfrage ist die Magenfrage“ или „какъ всякому извѣстно, у человѣка есть желудокъ, который для своего насыщенія, а также для плодотворной и общественно полезной работы требуетъ бѣлковъ... жировъ... воды... золы... углеводовъ... углеродовъ... чорта и дьявола“... Впрочемъ, даже и это выходило неразборчиво. Бѣдный! Онъ забылъ, что есть тысячи вопросовъ „первозданно“ предрѣшенныхъ уже самимъ организмомъ, заниматься которыми и блестяще разрѣшать которые значитъ только расписываться въ собственной глупости, что есть вопросы нужные и, разрѣшимые только для самого человѣка или нужные—и разрѣшимые лишь общей волей, общимъ стремленіемъ людей, а не ложкой. Организмъ хочетъ сытости, умъ хочетъ цѣльнаго міровоззрѣнія, личность хочетъ свободы, а общество гармоніи. И въ этомъ „хочетъ“—та напряженная воля, та страсть, конецъ которыхъ или въ побѣдѣ или въ смерти. Но—все равно, онъ былъ адски недоволенъ собой и даже мысль: „а, какое мнѣ дѣло до этой царевококшайской Венеры“? не приносила ему утѣшенія.

Онъ былъ золъ и угрюмъ и на обычнолюбезный привѣтъ Софьи Павловны „здравствуйте“ едва не отвѣтилъ: „сытый чертъ“! При этомъ онъ, разумѣется, опрокинулъ стаканъ чая со сливками, облилъ имъ свою сосѣдку—Лелю, старшую дочь Софьи Павловны, обварилъ пару любимыхъ мопсовъ, чей визгъ поднялъ тамбуръ-мажорный лай водолаза, отъ котораго въ далекомъ стойлѣ

преждевременно разрѣшилась отъ бремени испуганная породистая корова, а новорожденный теленокъ чихалъ послѣ такого „impromptu“—три мѣсяца, три недѣли и три дня. Юноша хотѣлъ было бѣжать отъ скандала въ лѣсъ, но сразу возненавидѣвшіе его мопсы бросились за нимъ слѣдомъ, удержали на мѣстѣ преступленія и нещадно изгрызли его панталоны.

По мановенію Софьи Павловны все сразу какимъ-то чудомъ пришло въ порядокъ и чай продолжался.

* * *

Во всемъ умная, всегда разсчетливая и здравомыслящая Софья Павловна не теряла даромъ даже утренняго чая и любила устраивать во время его маленькіе уроки религіи и морали (un peu de mythologie, un peu de la morale). Послѣднее время эти уроки приняли отчасти даже полемическій характеръ, потому что, по мнѣнію Софьи Павловны, въ головѣ ея старшей дочери Лели стали бродить какія-то новыя идеи.

Сегодня, несмотря на печальное недоразумѣніе съ мопсами, все пошло по старому.

— Леля,—строго сказала Софья Павловна.

— Oui maman...

— Опять ситцевая блузка? Впрочемъ, твое дѣло... Я хотѣла тебѣ сообщить, что получила письмо изъ Карлсбада отъ Ольги Александровны. Она пишетъ мнѣ, что ея дочь просватана за Петеньку Половинкина. Помнишь—студентъ?

— Oui maman,—отвѣчала Леля и простодушно прибавила: - бѣдная Тата!

— Бѣдная? Это что значитъ?

— Но вѣдь ей только 17 лѣтъ.

— 17 лѣтъ,—возмутилась Софья Павловна...—Не въ тридцать же пять выходить замужъ, какъ всѣ эти курсистки-купчихи.

— Я хотѣла сказать,—поправилась Леля,—что Тата совсѣмъ не хотѣла выходить замужъ.

Не хотѣла, не хотѣла! Вы всѣ не хотите и всѣхъ васъ куда-то тянетъ: то на Дальній Востокъ, то на драматическіе курсы. А конецъ все тотъ же—замужество.

Леля опустила глаза.

— Петенька,—продолжала Софья Павловна,—только что кончилъ университетъ. Свадьба будетъ осенью. Цѣлый годъ молодые проведутъ въ своемъ имѣньи, гдѣ ознакомятся съ бытомъ деревни и собственнымъ хозяйствомъ и черезъ годъ Петенька получаетъ мѣсто земскаго начальника. Правда, время теперь смутное, но все же мнѣ кажется, что такое начало обѣщаетъ карьеру.

— И царствіе небесное,—дерзко перебилъ ее юноша, у котораго все еще кипѣло на душѣ.

— Володя,—прикрикнула Софья Павловна на своего старшаго сынишку, который въ это время занимался тѣмъ, что показывалъ мопсу языкъ и кукишъ. Володя, сколько разъ я повторяла тебѣ, что когда старшіе говорятъ, младшіе должны слушать и не перебивать ихъ...

— Да я, мама, ей Богу, ничего... Мнѣ тутъ мопса кукишъ показываетъ, а ты бранишься.

И Володя расплакался отъ невыносимой обиды.

– Ступай въ свою комнату и встань подъ образа на четверть часа...

— И мопсу поставь, а то ему все можно, а мнѣ ничего...

Новый инцидентъ былъ улаженъ такимъ образомъ еще быстрѣе. Вздохнувъ и бросивъ на юношу строгій взглядъ, Софья Павловна принялась за краткое изложеніе своей философіи брака.

По ея мнѣнію, въ сословномъ духѣ, правильно понятомъ,—сила дворянина, предки котораго своей кровью собрали и сплотили отечество. Но сословный духъ поколебленъ въ своей прямотѣ и гордости вторженіемъ разночинно-купеческихъ элементовъ и ихъ идей въ дворянскую среду. Дворяне пропрвѣдуютъ представительство и конституцію, не понимая, что они работаютъ

сами противъ себя. Этому броженію, какъ червь подтачивающему дворянство, — надо положить конецъ. Группа истинныхъ дворянъ уже выработала программу. Это, прежде всего, отрицаніе смѣшанныхъ браковъ и разнаго рода мезальянсовъ. Надо сосредоточиться и собраться внутри себя... Это—дальше, ранніе браки, чтобы неистощенные родители, сохранившіе свое цѣломудріе до вѣнца, дали здоровое и мужественное поколѣніе.

Софья Павловна даже расчувствовалась...

— C'est rigoureux tout ça,—сказала она.—Мы, дворяне, какъ и вся наша бѣдная родина, въ осадномъ положеніи. Оно оправдываетъ многое, даже все. Грѣшно, конечно, идти наперекоръ личному чувству, которое тянетъ порою нашего брата и къ поповичу, и къ разнымъ parvenu, но историческая задача сословія выше этого и пребываетъ неизмѣнной... Леля, поняла?..

— Si, maman.

— Что ты скажешь на это?

— Rien, maman.

— Но ты согласна со мною...

Съ прежнимъ простодушіемъ Леля отвѣтила:

— Non, maman...

Софья Павловна только сверкнула глазами.

* * *

Послѣ столькихъ инцидентовъ за утреннимъ чаемъ нашъ бѣдный юноша рѣшилъ, что ему остается только повѣситься. Экскурсію съ младенцами онъ провелъ отвратительно: березу назвалъ дубиной, жука—идіотомъ. Но завтракъ, къ его удивленію, прошелъ благополучно; обѣдъ—еще лучше того, а послѣ ужина величественная Софья Павловна по обыкновенію сказала ему:

— Останьтесь. Потолкуемъ.

Они опять засидѣлись до глубокой ночи. Сначала дѣло не налаживалось и онъ выслушалъ даже замѣчаніе:

— Сегодня вы вѣли себя, какъ мальчишка...

Онъ густо покраснѣлъ.

— Кайтесь. Цѣлуйте руку. А затѣмъ, принимая во вниманіе ваше глупое поведеніе и вашу крайнюю молодость, разрѣшаю себѣ звать васъ мой милый мальчикъ...

Они разговорились опять на вѣчную тему міровой исторіи—о сытыхъ и голодныхъ. Ее тянуло къ этой темѣ любопытство передъ завтрашнимъ днемъ, какой-то смутный страхъ и злое раздраженіе передъ призракомъ чего-то... Его... Но онъ былъ твердо убѣжденъ, что кромѣ этого вопроса не существуетъ другого, а есть только, какъ онъ выражался, околесицы...

— Бѣдность, борьба, пороки и угрызенія ихъ,— говорила она,—все это нужно какъ ферментъ, какъ бродило, которое вызываетъ стоны слабыхъ, кровожадную радость сильныхъ, христіанское самоотреченіе, искусство, науку.. Все зло и страданіе—бичи Божьи и этими бичами насъ, людей гонятъ къ высшей жизни, къ созданію высшаго типа... Впрочемъ, я не хочу обижать васъ... Я видѣла, вы сегодня долго сидѣли, читали, думали... О чемъ?..

Онъ опять покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и, подкупленный ея ласковымъ голосомъ, весело расхохотался.

— Я занимался сегодня бухгалтеріей...

— Чѣмъ?..

— Бухгалтеріей... Я подсчитывалъ, сколько людей безспорно достаточные берутъ съ горячо-любимаго отечества и сколько отдаютъ ему настоящихъ цѣнностей...

Она поморщилась.

— Неужели это интересно?

— А, право, ничего.

— Ну, зачѣмъ вамъ это?..

— Видите, тутъ цѣлая философія.

И онъ сталъ говорить ей о философіи „экономіи силъ“, объ инстинктивномъ стремленіи ума человѣчес-

каго вырабатывать общія понятія, образовывать системы, науку, чтобы облегчить работу памяти и пониманія и даже возможность разобраться и ріентироваться въ безконечной массѣ и безконечномъ разнообразіи жизненныхъ явленій. Тому же служитъ искусство, создавая свои типы, приковывая наше вниманіе къ сильнымъ людямъ, настоящимъ талантамъ или геніямъ, въ біеніи сердца которыхъ слышно біеніе тысячъ и милліоновъ сердецъ. Все отрывочное, непонятое, отдѣльное—раздражаетъ и является источникомъ настоящаго страданія. Оттого-то люди всегда такъ страстно искали религіи или религій, которыя бы объясняли имъ все, всѣхъ и каждаго ставили бы на свое мѣсто, все и каждое подчиняли общему началу... Но въ общественной жизни, самомъ сложномъ проявленіи человѣка, господствуетъ принципъ разбросанности, розни, разъединенія. Единство получается лишь искусственно, путемъ устрашенія —палкой просто, палкой, обмокнутой въ чернильницу, или обѣими палками вмѣстѣ. Это выводитъ изъ себя присущую намъ жажду гармоніи или высшей справедливости...

— Зачѣмъ же вамъ доходы достаточныхъ людей?

— А... Съ этого и надо начинать... Надо, чтобы каждый былъ на своемъ мѣстѣ, чтобы всякій получалъ сообразно съ своимъ трудомъ и заслугами...

— И?...

— Для начала: масса будетъ сыта... Согласитесь сами, это трудящаяся масса, которая голодаетъ—это... дисгармонично...

У него на языкѣ вертѣлось другое слово, но онъ былъ настроенъ сегодня мягко и нѣжно...

— Масса, масса,—сказала Софья Павловна,—это ваши начало и конецъ. Массау—крощенный звѣрь. Спуститѣ его съ цѣпи, и онъ растерзаетъ не только Мадонну Рафаэля, но и самого Рафаэля!

— И пусть. Что ей Рафаэль, если она способна создать тысячи Рафаэлей?

— Ну... Что же, вы очень любите эту массу?

— Не знаю... Я чувствую себя какъ-то близко, сродни ей. А любить?—Конечно, нѣтъ. Не люблю. Любовь—это старая заповѣдь... Но жизнь общества—это прежде всего жизнь массы. Простая истина, которой мы нехотимъ признать...

И онъ разговорился, какъ никогда. Онъ повторялъ старыя мысли, старыя слова, которыя когда-то назывались святыми мѣстами и святыми словами,—а теперь стали для насъ просто грозной необходимостью. Смѣшно и нелѣпо думать, что можно воздвигать какъ-нибудь прочное зданіе, питать какіе-нибудь грандіозные замыслы, когда трудящаяся масса не знаетъ ничего, кромѣ нищеты и страданія, когда жилища рабочаго люда представляютъ собой клоповникъ и клоаку, и тотъ, кто работаетъ, то и дѣло пухнетъ съ голоду. Когда подорвана жизнь массы, ея вѣра въ трудъ,—подорвана жизнь вообще. И такъ оно дальше тянуться не можетъ. Народъ просыпается, тамъ и здѣсь онъ уже проснулся и что-же? ребенокъ ли передъ вами, или глупецъ? Вѣковая мудрость живетъ въ народѣ и эта мудрость куплена страданіями, скорбью, тоской—той высшей школой, которую знаютъ люди. Тамъ масса. получила свое образованіе и не намъ гордиться передъ ней отточенными афоризмами своихъ книжонокъ. Удивляются, что масса въ извѣстномъ состояніи такъ легко воспринимаетъ новыя идеи, такъ быстро создаетъ себѣ кумировъ, чтобы завтра же бросить эти новыя идеи и разбить всѣ свои кумиры. Но что тутъ удивительнаго? Развѣ можно сказать народу что нибудь такое, что онъ не зналъ раньше, развѣ все нами сказанное ему не плохой переводъ на нашъ бѣдный привилегированный языкъ его мудрости и его горя? И онъ быстро воспринимаетъ свое, хотя быстрѣе бро-

саетъ онъ плохіе переводы, дожидаясь настоящаго слова... Мы ходили въ народъ и опять идемъ къ нему. Мы ходили и отошли разчоарованные: насъ не поняли. Но народъ никогда не пойметъ человѣка, который живетъ на чей-то другой счетъ, а не на счетъ свой работы,—онъ никогда не пойметъ ученія, гдѣ говорится, что можно жить на счетъ чужого труда, чужого счастья...

... Быть можетъ, юноша былъ хорошъ въ эту минуту. Быть можетъ, дѣйствовала тутъ эта проклятая іюльская ночь, такъ роскошно и беззастѣнчиво отдыхавшая отъ зноя въ сладкой истомѣ своей. Но когда онъ взглянулъ на Софью Павловну, онъ остановился. какъ вкопанный. Она, очевидно, не слышала его словъ, но она звала его къ себѣ, звала своими лучистыми расширенными глазами, своимъ быстрымъ, неровнымъ дыханіемъ, своей протянутой рукой... И тоже неподвижная, она какъ будто пододвигалась къ нему все ближе и онъ уже чувствовалъ на себѣ ея дыханіе и тепло.

Такой моментъ!..

Что-то ударило ему въ голову. Красныя колеса завертѣлись передъ глазами, колѣна дрожали и подгибались... и совершенно неожиданно для себя и для всѣхъ онъ бросился съ веранды къ себѣ наверхъ, стуча каблуками, спотыкаясь, опрокидывая стулья...

Онъ уже былъ у дверей своей комнаты, когда чья-то. маленькая рука схватила его руку и онъ услышалъ:

—Да, да... я согласна съ вами... Я все слышала... Нельзя жить за счетъ чужого труда и чужого счастья... Хорошій вы.

Это была Леля.

II.

На другой день послѣ описаннаго были именины Софьи Павловны. Она вышла къ утреннему чаю вся въ бѣломъ, сіяющая и торжественная. По заведенному этикету, всѣ чада и домочадцы, а также вся челядь, выстроенные въ длинную кильватерную колонну, ожидали ее съ посильными поздравленіями. Послышались восклицанія: „Барыня ты наша... красавица, заступница“... Кто-то буркнулъ „выжига“, не нарушивъ однако величія момента. Конторскій писецъ изъ семинаристовъ затянулъ: „исполати, деспота“! Раньше хмурая погода внезапно прояснилась. Брызнуло солнце. Вообще все какъ слѣдуетъ

Леля первая преподнесла листъ бумаги, сложеннный въ четверть, и застѣнчиво сказала:

— Это моя резол... петиція, maman!

— Думаю, что петиція, а резолюцію, надѣюсь позволишь положить мнѣ?

Володя, подражавшій въ всемъ своему брату—корнету, заявилъ:

— Я свою кобылу научилъ кэкъ-уоку...

— Ты хочешъ сказать, что твоя „Бьюти“ умѣетъ танцовать кэкъ-уокъ?...

— Ну, вотъ, да еще какъ ловко! Я тебѣ вечеромъ покажу...

Очень растрогали маленькія Тата и Ляля. Онѣ выбрали наилучшія картъ-посталькн—одна съ коровкой, другая съ козочкой—и написали на нихъ съ невинной безграмотностью и массой кляксовъ самое важное и значительное изъ того, что знали изъ Лафонтеновыхъ басень.

Софья Павловна отъ души расцѣловала дѣтей. Одинаково милостиво приняла она поздравленія управляющаго и его ежедневную рапортичку, начинавшуюся

словами: „Задержано на грибахъ: ребятъ—5, бабъ Авдотій—3, Матренъ—2, Акулина—1, а также по потрявной части: поросятъ—“1.

Явилось съ поздравленіемъ всѣ мѣстное духовенство, штатное, и заштатное. Принесли чудотворную икону съ хоругвями Приплелись калѣки, странники, странницы и монашки... Отслужили молебенъ. Повели батюшку закусывать, дьякона пить водку. Съ шикомъ подкатилъ земскій начальникъ.

— Madame... На секунду... Прямо съ передовыхъ позицій. Вотъ депеша вашего супруга:

Депеша путано и неясно гласила: „Судьбы вышнія неисповѣдимы. Поздравляю дорогую именинницу. Жена, дѣти—на колѣни и молитесь!“

Повторяю: все шло, какъ слѣдуетъ. Только юноша до такой степени демонстративно держалъ себя въ сторонѣ, что Софья Павловна не могла не замѣтить ему мимоходомъ: „Какъ жаль, что у васъ нѣтъ при себѣ фотографическаго аппарата“.

* * *

Пріѣхалъ и рѣдкій гость—знатный дядюшака. Даже въ этотъ высокоторжественный день пріѣздъ дядюшки былъ своего рода торжествомъ. Софьѣ Павловна сразу со всѣхъ сторонъ свѣта доложили, что изволили прибыть и, поцѣловать дѣтей, прослѣдовали въ столовую“. Софья Павловна сейчасъ же вышла навстрѣчу, расцѣловалась, расчувствовалась и произнесла нѣсколько теплыхъ словъ о прочности семейныхъ узъ и о пріятности такой прочности. Дядюшка выслушалъ и одобрилъ.

— Это ты, племянница, вѣрно,—сказалъ онъ.—Ибо мы въ осадномъ положеніи. Только съ тобою—„я потомъ. А пока дай мнѣ повитійствовать съ священнослужителемъ.

— Итакъ, батюшка,—обратился онъ къ послѣднему,—сокрушаетесь?..

— И даже, достолюбезный боляринъ, по двумъ пунктамъ. Ибо ждалъ утѣшенія отъ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, а замѣстъ онаго читаю статью: „То-ли узримъ?“... Далѣе сего въ штатской прессѣ натолкнулся на статью нѣкоего быстроумнаго господина Рцы, который предлагалъ господину микадо перейти въ православіе. Возликовалъ было духомъ, но и до сей поры отъ господина микадо удовлетворительнаго отвѣта нѣтъ. Говорятъ, что и не будетъ. По сему пропасть попрежнему зіяетъ передъ глазами...

— Итакъ, сокрушаетесь?

— Сокрушаюсь.

— Ну, и сокрушайтесь!..

Старикъ круто повернулся къ земскому начальнику.

— Съ передовыхъ?

— Даже изъ развѣдки, Платонъ Платоновичъ.

— Бой былъ?

— Пока случайныя стычки. Готовимся къ обходу лѣваго фланга.

— Это гдѣ Заманиловка?

— Никакъ. Мы перетянулись теперь на другой фронтъ. Такъ-что со стороны Недоѣловой. Предстоитъ переходъ черезъ рѣку Сухую. Налаживаемъ понтоны.

— Черти... Васъ бы въ Манчжурію.

Старикъ нахмурился, выпилъ стаканъ водки, закусилъ понюшкой балыка и сказалъ:

— Полагаю, что, какъ ни нелѣпо все это—пошло бы на пользу и доброе и злое нашихъ дней, кабы не палки въ колесахъ вродѣ моихъ собесѣдниковъ. Ну — да посмотримъ. Какъ тамъ ни мудри—одно ясно, что обовшивѣла наша матушка-Русь. Обовшивѣла отъ приказныхъ, хамовъ, взяточниковъ, отъ собственной грязи, невѣжества, нищеты. Всюду и безправіе, и безлошадность. Встряхнуться надо...

Замѣтивъ устремленный на него взглядъ юноши, который сидѣлъ въ сторонѣ, не желая знакомиться

первымъ, старикъ степенно всталъ и, протянулъ руку, поздоровался и представился:

— Пріятно будетъ побесѣдовать съ молодежью. Пододвигайтесь-ка. Ну, вотъ, говорю я, что встряхнуться надо, обновиться, а не то вѣдь и жить нечѣмъ. Какъ полагаете?

Юноша небрежно проговорилъ такое слово, отъ котораго батюшку, по его собственному признанію, какъ бы нагого посадило въ муравьиную кучу. Но старикъ только поднялъ брови.

— Слыхалъ это слово. Цѣлые двадцать лѣтъ кряду слышалъ его чуть ли даже не ежедневно. Но вѣдь это все переводъ съ французскаго, да нѣмецкаго, а душа по себѣ тоскуетъ и по своему, по русскому.

— Ибо сказано: властямъ вашимъ повинуйтесь—покоряйтесь...—вмѣшался батюшка.

— Не изъ той главы хватилъ, духовенство... Ну, вотъ, гдѣ же это свое то наше позаложено и позапрятано? Или очнуться все еще не можемъ отъ сна, или и впрямь мы никчемный и ненужный народъ, который пойдетъ на удобреніе другимъ? Такъ еще Гегель увѣрялъ... Мы-то гдѣ? Вотъ что спрашиваю?...

— Самоваръ, и тотъ китайцы выдумали,—сказалъ юноша.

Онъ не дразнилъ, да ему и не хотѣлось дразнить страннаго старика. Напротивъ того, онъ имъ заинтересовался. Огромнаго роста, благообразный — старорусскимъ чуть-чуть иконописнымъ благообразіемъ, одѣтый въ долгополый кафтанъ, широчайшій охабень и высокую до-петровскую шапку, что дѣлало его похожимъ не то на персіянина, не то на аѳонскаго монаха, старикъ производилъ странное впечатлѣніе чего-то доисторическаго или, какъ выразился про себя юноша—допотопнаго. Вся губернія его знала, привыкла къ нему. Одни говорили: вельможничаетъ, другіе—чудачитъ, третьи — съ жиру бѣсится. Самъ онъ ничего не

говорилъ. Жизнь велъ нелѣпую, по его словамъ—даже дикую. То запоемъ читалъ книги и писалъ, то запоемъ пилъ водку, то запоемъ-же подвижничалъ, читая акаѳисты и ирмосы. Очень гордился тѣмъ, что полвѣка тому назадъ Константинъ Аксаковъ качалъ его на колѣнахъ и что лицами они были схожи. Это сходство онъ распространилъ и на одежду. Ненавидѣлъ Петербургъ и приказныхъ всей аксаковской ненавистью.

Платонъ Платоновичъ удалился въ деревню и принялся за свою нелѣпую жизнь, не желая быть на посылкахъ у приказныхъ, ни въ земствѣ, ни въ иныхъ мѣстахъ...

* * *

... — А что тамъ самоваръ, квасъ, святая пятница или какъ тамъ,—отвѣчалъ онъ юношѣ,—не въ нихъ дѣло. Тутъ община, артель, міръ, мірской разумъ, расколъ, секты, тутъ баринъ, проклинающій свое барство, тутъ земля и земледѣльческій трудъ, какъ источникъ религіозно-нравственнаго чувства и вдохновенія... Вотъ оно — наше... Только высказать-то всего этого мы не умѣемъ, какъ слѣдуетъ, а ужъ сдѣлать что-нибудь изъ этого—и подавно. Приказный во все впутается.

Земскій при этихъ словахъ чихнулъ, но не сказалъ ничего...

— А не быльемъ ли поросли всѣ эти артели и общины, расколы и секты? И почему это наше? Какъ будто Западъ не пережилъ того же глубже во сто разъ и опредѣленнѣе?..

Насчетъ глубины—не знаю. Когда человѣкъ живьемъ сжигаетъ себя въ срубѣ, или живьемъ зарываетъ въ землю, или тридцать лѣтъ сидитъ въ монастырскомъ погребѣ все съ тѣмъ же „не пріемлю“ на устахъ, какъ наши еретики,—какой тутъ еще глубины надо. А вотъ насчетъ опредѣленности вѣрно. Мало ея... Но народъ тутъ не при чемъ. Это ужъ наша вина.

И онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Искусства развращенія жизни у насъ хоть отбавляй. А вотъ насчетъ созиданія...

— Единственное искусство аристократовъ въ томъ, что они умѣли родиться на своемъ мѣстѣ,—замѣтилъ юноша.

Старикъ еще хватилъ водки. Онъ пилъ и не пьянѣлъ. Его тяжелая, рыхлая и разбросанная натура собиралась и сосредоточивалась только подъ вліяніемъ алкоголя. Тогда онъ доходилъ, по собственнымъ словамъ, до свирѣпыхъ мыслей...

— Насчетъ упраздненія дворянства — наслышанъ. Только для меня все это туманъ надъ рѣкой. Скажу одно: основаній не вижу. На землѣ только и есть у насъ, что баринъ, да мужикъ. Что они порѣшатъ, то и будетъ. А тамъ все какія-то междометія да дѣепричастія... И все, что сдѣлано у насъ—сдѣлано бариномъ да мужикомъ...

— Голодъ сдѣланъ, нищета сдѣлана,—мрачно сказалъ юноша.

— А гдѣ ихъ нѣтъ? Въ любое мѣсто на глобусѣ пойдите и найдете ихъ. Тамъ больше, тамъ меньше; тамъ на законномъ, тамъ на беззаконномъ основаніи... А все то же самое... Эхъ, юноша, цѣню я вашу молодость и увѣренность въ себѣ, цѣню и злобность нѣкоторую вашу... Только отъ чужихъ словъ, если они не продажныя и не льстивыя — ушей не затыкайте. Вотъ старика послушайте...

— Давно живу. Еще Константинъ Сергѣевичъ меня на колѣнахъ держалъ. И такъ мнѣ все просто кажется вокругъ себя, что понять не могу, откуда эти всѣ споры на тысячу сто лѣтъ? Правило у меня самое легкое: бери отъ жизни все, что она тебѣ даетъ; борись за все, что считаешь своимъ—вѣру, честь, личность, домишко, поросенка. Но стыдъ и совѣсть имѣй. Жизни не навязывайся, какъ старый хрѣнъ. Сила есть—бери и властвуй. Если сила твоя настоящая—одолѣешь. Тутъ простая ариѳ-

метика. Нѣтъ силы — уходи вонъ, отстранись, умри. Только не лги ты, ради Бога, не подличай, борись за себя честно и прямо, а не съ врагомъ, по рукамъ и ногамъ связаннымъ. А разговаривай и спорь только съ тѣмъ, у кого ротъ не заклиненъ.

Мы, дворяне, не сами себя выдумали. Можетъ быть, чортъ выдумалъ,—съ него и спрашивайте, но что тамъ ни говори — мы есть, живы и жить хотимъ. Слышу я теперь то и дѣло среди своихъ: „Мы передовое, мы первое, мы привилегированное сословіе“. Согласенъ. Объ одномъ прошу: покажи фундаментъ. Проченъ онъ у тебя или лишь на бумагѣ значится? Хочешь быть первымъ—будь. Земля у тебя родитъ? Умъ есть? Смекалка есть? Умѣешь другимъ вѣрный путь указать? Есть благородство, честь, чтобы уваженіе внушить къ себѣ и повести за собой людей, да не на веревочкѣ, а по доброй ихъ волѣ? Есть-ли для этого слова убѣдительныя, замыслы широкіе, сердце щедрое и смѣлое, ну да и деньжонокъ на путевые расходы — вотъ ты и первый. А если ты весь прогнилъ, если сердце у тебя дряблое, а наглость безмѣрная—тогда извини: не пойду за тобой, веди, коли можешь, на веревочкѣ, да смотри хорошенько, чтобы не оборвалась... Оборвется—на себя и пеняй... Всѣми этими тамъ субсидіями, льготами, шестыми закладными, протекціей, самохвальствомъ—жизни создать нельзя. Кутузку тамъ, канцелярію—ну, пожалуй, а жизнь... нѣтъ. Она вольная. Какъ рѣка. Дождется своей весны, разольется это на сто верстъ кругомъ, все снесетъ, перемѣшаетъ, перетопитъ. Устоитъ только прочное. Устоитъ только то, чему надо устоять, въ чемъ силы для этого есть. А субсидіи да льготы—это не настоящее. Ни на казенные прогоны, ни на закладные листы дворянскаго банка въ храмъ славы не въѣдешь. Субсидіи да льготы — это чужой хлѣбъ, отъ котораго сытъ не будешь,—либо подачка, что душу грязнитъ и умаляетъ...

Вотъ теперь день судный насталъ для всѣхъ — отъ перваго до послѣдняго. Ну... Вы первые, говорю я, впередъ. Покажите, что въ васъ есть и что вы можете на алтарь отечества, кромѣ закладной, положить! Нечего на предковъ ссылаться. Покойнички спятъ себѣ и никого не тревожатъ. Не тревожьте и ихъ: сами объявитесь со всѣмъ нутромъ вашимъ, со всѣми потрохами вашими, силой настоящей или претензіями... Вотъ...

Старикъ говорилъ громко, съ воодушевленіемъ, и громъ его голоса властно подчинялъ себѣ...

Помолчали минутку.

— Ну-да, конечно, — сказалъ юноша, — съ исторіи спрашивать нечего. За свои грѣхи она расплатилась или расплатится. И насчетъ удѣльнаго вѣса человѣка согласенъ съ вами. Каждая способность, каждая сила должны быть на своихъ мѣстахъ и если получать мзду — то соотвѣтствующую. Не понимаю только, при чемъ тутъ дворянство, передовое сословіе, мощи генералъ-аншефовъ, въ Бозѣ почившихъ при блаженной памяти Аннѣ Ивановнѣ... Требованіе, чтобы общественное положеніе человѣка соотвѣтствовало его истинному удѣльному вѣсу — элементарно и должно быть предъявлено къ каждому гражданину.

— Что же, по вашему, высшая сословная мудрость теперь — это отказъ отъ всякой сословности?

— За неимѣніемъ лучшаго,—пожалуй...

Старикъ прищурился. Лукавые огоньки пробѣжали по его глазамъ. Онъ разсмѣялся и сказалъ съ великолѣпной, безпечной щедростью барина 40-ыхъ годовъ:

— А нехай его; пусть такъ оно и будетъ... И впрямь, можетъ быть, слишкомъ ужъ робки и благоразумны люди. Природа вонъ она никакихъ землетрясеній и потоповъ не боится и знай себѣ раскидывается своими силами и ростками во всѣ стороны... И ничего—живетъ...

* * *

Къ вечеру дядюшка разошелся во всю ширь. Рѣшилъ во что бы то ни стало довести нелѣпость до дикости, а дикость—до конца. Съ этой цѣлью отправился въ одно маленькое, захолустное имѣньице свое, верстъ за 10, устраивать „борьбу“. Чтобъ непремѣнно на обѣ лопатки. Захватилъ съ собой всѣхъ, кого могъ. Юношу усадилъ къ себѣ въ коляску и, какъ тотъ ни отвертывался, успѣлъ-таки напоить его до того, что тотъ увидѣлъ вращеніе земли, движеніе растеній и астральный призракъ каждаго человѣка рядомъ съ нимъ. Поѣхала и Софья Павловна...

Какъ и что было дальше — юноша совсѣмъ не помнитъ... Да и было ли что-нибудь—онъ не знаетъ. Какъ будто видѣлъ что-то и что-то слышалъ, а какъ будто ничего не видѣлъ и не слыхалъ. Звенѣло въ ушахъ: „валяй, поднимай, прижми“,— но какъ, что и кого — непонятно. Сознаніе было совсѣмъ черное или мутно-сѣрое, тяжелое. Иногда точно молніи свѣта прорѣзывали его и опять наступалъ мракъ. Въ фигурахъ и событіяхъ, освѣщенныхъ молніями, онъ совершенно не могъ разобраться. Онъ ничего не помнилъ, а если что и выплывало потомъ на поверхность памяти — то очевидныя нелѣпости. Будто ему вдругъ стало совсѣмъ хорошо, свѣжо, запахло сѣномъ. Кто-то теплый и ласковый ухаживалъ за нимъ, гладилъ ему волосы и говорилъ ему „мой милый мальчикъ“... Будто онъ приподнялся, взглянулъ, узналъ что-то знакомое и опять оборвался въ пропасть тяжелаго сна. Будто опять проснулся, весь обласканный, согрѣтый, съ чьими-то губами впившимися въ его губы. Будто хотѣлъ закричать при этомъ „караулъ!“—но раздумалъ и не закричалъ... Будто лежалъ въ какой-то сладкой истомѣ и капризно спрашивалъ: „Это вы, Софья Павловна? — скажите“. Будто слышалъ смѣхъ, такой лукавый, довольный, тихій... Будто потомъ солнце брызнуло лучами и опять все провалилось въ пропасть.

III.

Какъ бы то ни было, проснувшись на другое утро, юноша увидѣлъ себя на своей кровати, въ своей комнатѣ. Какъ это случилось — онъ не зналъ, но понялъ, что инцидентъ исчерпанъ благополучно. Спустившись внизъ, онъ услышалъ большую новость, что Софья Павловна получила утромъ какое-то письмо и сейчасъ-же уѣхала въ Москву. Часть челяди говорила: „къ мужу“, другая: „знаемъ мы этихъ мужей!“ Отсутствіе хозяйки чувствовалось во всемъ. Леля уѣхала одна кататься на лодкѣ; Володя клялся и божился, что не можетъ отвѣчать урокъ англійскаго языка иначе, какъ стоя на рукахъ, внизъ головой, чѣмъ довелъ свою миссъ до истерики; Тата и Ляля забрались въ людскую и объѣлись квасу съ рѣдькой и лукомъ; конторщики играли въ шашки, потомъ спорили о Цусимѣ, наконецъ, принялись за водку; — три бабы Авдотьи безнаказанно собирали грибы въ самомъ паркѣ; жена управляющаго связала мужа веревками и положила сушиться на чердакъ; коровы и овцы со скотнаго двора появились на верандѣ и даже въ гостиной. Видя все это безобразіе — юноша махнулъ безнадежно рукой и отправился на рѣку, гдѣ, разумѣется, нашелъ Лелю, которой ужасно какъ давно и ужасно какъ страшно надо было раскрыть свою душу...

* * *

Леля только что плакала. Это было неудивительно, такъ какъ и она тоже получила сегодня утромъ непріятное письмо — отъ любимой своей подруги Нелли. Нелли сообщала, что за это время вынесла очень многое; что нога, которую она сломала весной, поправилась плохо и она навсегда останется хромой; что за долгую болѣзнь она — Нелли,—много передумала насчетъ себя и всего окружающаго и рѣшила, что такъ дальше

жить нельзя. Потомъ она вспомнила, какъ прошла зима, какъ ѣздила она съ Лелей по визитамъ, на балы, на катокъ, на благотворительные базары, какъ шили онѣ платьица на бѣдныхъ дѣтей, какъ вездѣ и повсюду неизбѣжно встрѣчались онѣ съ намѣченными женихами, какъ всегда почему-то онѣ совершенно случайно оставались наединѣ съ этими послѣдними и какъ все это въ концѣ концовъ было пусто, скучно, ничтожно! „Теперь я рѣшительно заявила мамѣ, что не хочу идти замужъ,—писала Нелли...—Мама и вся семья страшно огорчены мною, думаютъ, что я хочу имъ быть чужой, не умѣю любить, не понимаю своего долга... Но я знаю уже, что жить только для мамы и для семьи я не должна и что имѣю право искать своей жизни. Преступно зря тратить годъ за годомъ, и что бы тамъ ни было, я испытаю себя на другой дорогѣ и пойду на курсы".

Леля всплакнула. Ей жаль было ноги, которая такъ плохо срослась; жаль было Нелли, наслушавшуюся стольких упрековъ; жаль было себя, которой очевидно предстоитъ то же самое. Но все равно. Будь что будетъ. Она тоже поѣдетъ на курсы и при томъ на самые настоящіе—на медицинскіе—и станетъ рѣзать по покойнику въ день хотя бы...

— Да ничего особеннаго не случится,—успокаивалъ ее юноша.—Ну, пойдете на курсы. Ну, станете рѣзать покойника. Что тутъ? Покойники—они смирные...

— Да, вамъ, мужчинамъ, хорошо. Вамъ все можно. А намъ дѣвушкамъ, особенно дѣвушкамъ изъ общества—каждый шагъ достается цѣною...

— Не жизни, конечно, т. е. единственно чѣмъ стоитъ дорожить,—а пары мокрыхъ отъ слезъ носовыхъ платковъ. Ей-Богу, не такъ страшно. Родители нынче мягкіе, чувствуютъ, что и подъ ними что-то непрочно: поворчатъ, поахаютъ, погрызутъ и согласятся. Потомъ, спросите себя, чему насъ учитъ исторія...

Тутъ слова юноши полились, какъ тропическій дождь.

Сдѣлавъ краткій очеркъ происхожденія вселенной по Лапласу и слегка коснувшись гипотезы туманныхъ пятенъ, онъ естественно перешелъ къ восточнымъ деспотіямъ, неодобрительно отозвался объ Навуходоносорѣ и, указавъ, что рабство женщинъ было одной изъ причинъ ихъ паденія,—заключилъ отсюда, что стремленіе женщины къ свободѣ и равноправности — одинъ изъ потоковъ міровой эволюціи, противъ котораго папы и мамы ничего не попишутъ... Все стремится къ гармоніи. Гармонія достижима лишь при свободѣ и равноправности; рабство и подчиненность дисгармоничны, такъ какъ вызываютъ протестъ и жажду господства. О различіи между мужчиной и женщиной смѣшно и говорить. Никакого различія нѣтъ. Корсетъ и юбка только предразсудокъ...

Слушая его, Леля отерла свои слезы. Потомъ они вернулись домой, и, переодѣваясь къ обѣду, Леля долго думала, какой предразсудокъ — голубой или зеленый надѣть ей на себя...

* * *

Ахъ, эти темныя, теплыя ночи, эта черная рѣзьба деревьевъ на померкшемъ небѣ, этотъ тихій шелестъ прибрежнаго тростника!.. Какъ неудержимо все это манитъ въ паркъ на свѣжій воздухъ изъ душной комнаты, какъ жаль въ этой обстановкѣ мириться съ обыденнымъ и привычнымъ, какъ легко забываются тутъ всякія; „надо“, „мамаша приказывали“... Обаяніе какой-то другой, неизвѣстной и незнакомой жизни, внѣ рамокъ ежедневныхъ условностей—становится неотразимымъ. Шопотомъ странныхъ рѣчей, отзвукомъ далекаго шума и пѣсенъ, неясными, но зовущими къ себѣ образами наполняютъ душу эти темныя, теплыя ночи и темная рѣзьба деревьевъ на померкшемъ небѣ. И хорошо все это. Если бы не знать, не чувствовать, что есть другая жизнь—лица людей стали бы безнадежно сѣрыми отъ скуки, а глаза ихъ—оловянными.

Предоставленные самимъ себѣ, юноша и Леля гуляли и разговаривали. Все между ними было наивно и чисто и вполнѣ соотвѣтствовало предположенію Софьи Павловны, что юноша—совсѣмъ не мужчина, а только радикалъ. Если онъ говорилъ о чемъ Лелѣ, то развѣ о „предстоящихъ намъ задачахъ“, и часто даже пугалъ этимъ дѣвушку, которая находила, что этихъ предстоящихъ намъ задачъ гораздо больше, чѣмъ у Малинина и Буренина.

— Вся жизнь просыпается,—говорилъ онъ.—И благо тому, кто живетъ въ такое время. Онъ видитъ передъ собой другое небо и другую землю, которыми исторія не часто балуетъ человѣчество. Гордый порывъ къ свободѣ овладѣлъ людьми, маленькія дѣти и вчера безмолвные рабы заговорили о своихъ правахъ... Навстрѣчу этому... или въ пропасть, въ могилу, въ смерть. Колебаній никакихъ. Люди, масса—знаютъ, чего они хотятъ. Они купили это знаніе вѣками тоски, смиренія и страданій. Это лучшая школа. Оттого-то масса, разъ она проснулась, всегда впереди и наша книжная мудрость едва ковыляетъ за нею...

Не вѣрятъ въ человѣка, боятся его! Это все старое, прошлое, плѣсень того затхлаго погреба, въ которомъ мы сидѣли. Нельзя вѣрить рабу. Рабъ лукавъ, трусливъ; ложь и предательство — его убѣжище, самозащита. Нельзя вѣрить и господину, такъ какъ онъ тоже рабъ, вѣчно обуянный страхомъ за свою силу и власть. Можно вѣрить только тому, въ комъ проснулось сознаніе своей силы, свободы и достоинства. Этотъ не обманетъ и не предастъ: великая гордость человѣка не дастъ пойти по такой дорогѣ.

Вамъ, дѣвица, предстоитъ великая роль и великое дѣло. Великое, разумѣется, только для васъ, потому что какъ я, какъ вы — только брызги огромнаго потока. Но пусть и въ брызгахъ свѣтитъ солнце. Вы тревожитесь о смыслѣ или лучше — о безсмыслицѣ

своей жизни. Вамъ смѣшна и противна ярмарка невѣсть и тщеславной суеты. Повѣрьте въ себя. Это не трудно теперь, когда вся жизнь твердитъ, что человѣкъ можетъ и долженъ вѣрить въ себя. Вы постигли самое главное: всѣ ваши ярмарки и вся ваша суета, вся, наконецъ, ваша жизнь дѣвицы изъ общества—все это на чужой счетъ... Постигши это, вы постигли уже девять десятыхъ всей мудрости человѣческой... Паразитизмъ, грабежъ, насиліе, эксплоатація закованнаго въ цѣпи голода и холода человѣка—вотъ онъ „звѣрь изъ бездны“ нашихъ дней... И въ бездну этого звѣря!..

Леля слушала, какъ большая, кутаясь въ шаль. И она мечтала о великой роли и о великомъ дѣлѣ. И ей было пріятно, что она постигла самое важное—вѣчно попираемую и вѣчно возрождающуюся заповѣдь человѣческой жизни, что каждому по дѣламъ его...

По часамъ разговаривали они, то и дѣло засиживаясь до глубокой ночи. И однажды ихъ потянуло въ самую глубь парка. Они долго шли по длиннымъ аллеямъ, потомъ по тропинкамъ. Было темно, только звѣзды лукаво и торопливо мерцали. Они перебѣжали большую поляну, перескочили черезъ ровъ и вышли на большую дорогу, едва освѣщенную блѣднымъ серпомъ уже потухавшей луны. Истома и усталось овладѣли ими. Они, какъ странники, усѣлись на краю этой большой, тянувшейся извилистой лентой дороги.

Имъ было хорошо. Они молчали и не думали ни о чемъ. Они сидѣли на почтительный аршинъ другъ отъ друга, едва слѣдя за неясными, уже дремлющими образами своихъ молодыхъ мыслей. Они сидѣли такъ долго, неподвижные и молчаливые, довольные тѣмъ, что они молоды, что они одни, что они такъ близко другъ отъ друга. Потянуло холодомъ приближавшагося разсвѣта. Колыхнулся туманъ надъ рѣчкой, чуть слышно зашептали листья...

Ихъ потянуло еще ближе другъ къ другу. Но они

не шелохнулись. Только легкая краска вступила имъ въ лица. Смутно и тяжело знали они, что они не могутъ, не смѣютъ шелохнуться. Между ними стояли предразсудки и вкоренявшіе ихъ вѣка крови и насилій, заставившіе, наконецъ, человѣка стыдиться своей природы и бояться своего влеченія.

Но, не смѣя ничего, боясь всего— они не трогались съ мѣста, прикованные къ нему могучей силой пола.

Это было какое-то оцѣпененіе . . . . . .

. . . . . .

— Леля, дѣтка,—неожиданно раздался надъ ними твердый и ласковый голосъ Софьи Павловны, возвращавшейся со станціи.—Ты опять такъ поздно гуляешь...

Они вздрогнули и смотрѣли передъ собой широкораскрытыми, непонимающими глазами.

— Иди ко мнѣ, милая, иди,—тѣмъ же тономъ повторила Софья Павловна.

Леля двинулась къ коляскѣ съ опущенными головой и руками, точно связанная.

— Иди... иди... иди...

Настойчивыя, властныя нотки зазвучали въ этихъ словахъ. Леля подчинялась имъ и шла...

— Иди...

Софья Павловна протянула ей руку, помогла войти въ коляску, и крѣпко-крѣпко захлопнула дверцы...

— Ну, вотъ...

Софья Павловна тихо и властно обняла дочь и наклонила ея голову къ себѣ на грудь.

Лошади помчались...

Рабочіе люди и новая идея.

I.

Вы, читатель, вѣроятно, будете удивлены, а быть можетъ, даже улыбнетесь, если я вамъ скажу, что искренно считаю себя пролетаріемъ, хотя вмѣстѣ съ этимъ получаю приличныя деньги за свою работу, читаю не только Ницше, но и Саръ-Пеладана, люблю слушать Шаляпина, хожу на театральныя новинки и прочелъ съ удовольствіемъ 5 — 6 стихотвореній Брюсова изъ 500—600 написанныхъ имъ. Больше даже: все внѣшнее пролетаріевъ не находитъ мѣста въ моей обстановкѣ, письма свои я начинаю глупыми словами; „многоуважаемый“ (ая) или „милостивый государь“ (ыня) вмѣсто „товарищъ“; одѣваюсь я въ обыкновенный сюртукъ. Все равно, какъ въ дни молодости, меня не прельщала красная косоворотка, вервіями подпоясанная, такъ теперь не прельщаетъ синяя блуза и сапоги смазные. Но идея рабочаго сословія представляется мнѣ великой и мудрой: съ страстнымъ вниманіемъ слѣжу я за броженіемъ ея въ современныхъ государствахъ, за ея удачами и неудачами (NB.—послѣднихъ, конечно, гораздо больше). Что это за идея, я выясню ниже. Пока замѣчу, что для меня она никакъ не укладывается въ формулу: все прошлое, настоящее и будущее человѣчество есть только его экономическая эволюція. Эта формула (осо-

бенно при нашемъ злоупотребленіи ею) достойна лишь попугаевъ. Но идея рабочаго сословія (такъ называемый научный соціализмъ), взятая въ ея философскомъ проявленіи, ея общественномъ идеалѣ, ея собственной эстетикѣ и морали, представляется мнѣ величайшею изъ всѣхъ современныхъ идей, исполненной силы, трагизма и вдохновенія. Такъ я и буду ее разсматривать, передавая вамъ все надуманное и выстраданное нами въ нашемъ рабочемъ кварталѣ подъ огненное зарево раскаленнаго желѣза, подъ грохотъ машинъ, подъ звуки фабричныхъ стуковъ, зовущихъ все на тотъ же каторжный трудъ... Я хочу ввести васъ въ преддверіе таинственнаго будущаго.

Рабочій пролетарій—живой символъ рабочей идеи, и въ его жизни ея трагизмъ, ея величіе, ея ферментъ нашли себѣ превосходное воплощеніе. Спѣшу отмѣтить, какъ хорошо отмѣтилъ этотъ трагизмъ даже г. Брюсовъ, хотя давно уже прозвучалъ надъ нимъ суровый приговоръ „декадентъ и пустозвонъ“. Это показываетъ лишь то, что важная идея какъ-то бокомъ можетъ захватить искривленное дарованіе и хотя на мгновеніе выпрямить его. Вотъ стихи Брюсова:

Каменщикъ, каменщикъ въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? кому?
— Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ:—
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

* * *

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты и не твой братъ богатый,
Незачѣмъ вамъ воровать.

* * *

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?

— Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій,—
Тѣмъ наша доля полна.

* * *

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
Эй берегись, подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи! *).

Это, разумѣется, лишь одна изъ трагическихъ сторонъ рабочей идеи. Но ихъ много, и, вѣроятно, благодаря этому „идея“ заставляетъ такъ сильно бродить современную мысль. И чтобы доказать это броженіе, мнѣ нечего говорить не только о Брюсовѣ, но даже о Жоресѣ и Бебелѣ. Достаточно назвать Горькаго. Въ его поэзіи—пафосъ идеи (какъ выразился бы Бѣлинскій) достигъ пока высшаго своего воплощенія, у него нѣтъ скорбныхъ и жалостливыхъ нотъ Гуда, нѣтъ слащавости Фрейлиграта, сантиментальности Некрасова (напр., „Пожелаемъ тому доброй ночи“), нѣтъ ужаса и растерянности, наполняющихъ „Ткачей“ Гауптмана, нѣтъ суровыхъ, но слишкомъ оторванныхъ отъ жизни угрозъ, гейневскихъ „Ткачей“,—но есть гордость, не склоняющаяся ни передъ кѣмъ, есть глубокое сознаніе своихъ правъ, есть проклятія всѣмъ и ненависть ко всему, что создаетъ „трагедію труда“. И посмотрите, какъ расшевелилъ онъ насъ, лѣнивыхъ и равнодушныхъ, выросшихъ въ тяжелые годы, подъ вѣчной угнетающей угрозой.

Но что заставило интеллигентную мысль послѣднихъ 10-ти лѣтъ, вырощенную и выхоленную землей — этой

---

*) В. Брюсовъ „Urbi et orbi“ 118. Въ томъ же сборникѣ есть двѣ недурныхъ фабричныхъ пѣсни. Впрочемъ, это скорѣе поддѣлка, чѣмъ настоящее.

нищей матерью-кормилицей – насъ всѣхъ такъ страстно прилѣпиться къ пролетаріату и идеѣ пролетаріата? Теперь, когда юноша идетъ по улицѣ и встрѣчаетъ рабочаго, онъ привѣтствуетъ его словами „vivat proletariat“. И этому всего десять лѣтъ. Это—волна, вдругъ на насъ нахлынувшая, это—мысль, вдругъ насъ осѣнившая.

Откуда?

Мало-мальски начитанный въ этой области человѣкъ насчитаетъ вамъ, конечно, тысячи источниковъ. Но я полагаю, что все перечислить — значитъ ничего не сказать! Поэтому ограничусь однимъ лишь указаніемъ, что въ извѣстную минуту идея пролетаріата оказалась единственнымъ исходомъ и опорой для растерявшейся русской мысли. Послѣ годовъ тоски, скуки, цинизма и равнодушія тамъ, гдѣ-то вдали блеснула надежда, какое-то великое рѣшеніе (—а мы всегда искали великихъ рѣшеній), явилась мысль, могучая по своей организующей силѣ! И люди поняли снова, что у нихъ есть нѣчто единое и общее, изъ-за чего стоитъ жить и умирать. Наша молодежь, еще вчера занятая или своими бѣлыми подкладками, или пріисканіемъ уроковъ, напрасно искавшая живой воды въ статьяхъ давно все сказавшаго Михайловскаго, воспрянула духомъ. Какъ всегда, ей понадобились герои, люди сильные духомъ и мыслью. Ихъ не было еще. Удовлетворились на время суррогатами, такими, какъ Бельтовъ, Ильинъ, Стародумъ, потомъ Н—ъ, Т—ій и т. д. Питались настоящей лебедой, взрощенной въ Россіи, и настоящимъ хлѣбомъ изъ Германіи, а скоро и Франціи.

Вы помните, конечно, длинный рядъ горячихъ засѣданій вольно-экономическаго общества. Мнѣ они всегда казались сумбурными. Сложные огромные вопросы рѣшались возбужденнымъ приговоромъ сотенъ стоявшихъ другъ у друга на плечахъ людей, протестующими возгласами, страстными восклицаніями. Длин-

ныя рѣчи изъ однѣхъ цитатъ, взятыхъ изъ тяжелыхъ и пыльныхъ статистическихъ сборниковъ, покрывались аплодисментами, какихъ не всегда слышитъ Шаляпинъ. Въ сферахъ административныхъ и голубыхъ гостиныхъ заговорили и зашептали о клубѣ якобинцевъ. Но для всякаго спокойнаго наблюдателя было ясно, что здѣсь дѣло не въ статистикѣ и даже не якобинствѣ (разсужденія и дебаты почти что не переходили на почву дѣйствительности), а дѣло здѣсь въ новой, жестокой схваткѣ стараго и новаго, дѣло въ томъ, что сотни этихъ возбужденныхъ студентовъ и дѣвушекъ, утерявшихъ концы и начала, страстно ищутъ новой вѣры, новыхъ боговъ. Ибо старые боги „земля, народъ, община“ ушли изъ ихъ сердца... Голодъ 91—92 годовъ былъ еще на памяти у всѣхъ и, вспоминая о немъ, говорили о смерти крестьянской, земледѣльческой Россіи и возмущались тѣмъ — „какъ народъ все это терпитъ“.

Новая идея, хотя побѣда ея даже въ краткихъ ей выраженіяхъ была очевидна съ самаго начала, выдержала, однако, упрямую борьбу. Покойный Михайловскій боролся съ нею 12 лѣтъ. Почтенный г. Гриневичъ звалъ назадъ, къ мужику, въ крестьянское царство и очень горячился. Плевался Скабичевскій. Ужасно бѣгалъ и хлопоталъ о примиреніи новоявленныхъ мужиковъ съ „новоявленными“ народниками В. Воронцовъ. Всѣмъ любезный С. Н. Кривенко разсказывалъ о томъ, какіе хорошіе мужички живутъ въ Рязанской губерніи, но что и тамбовскіе не хуже. Давно бросившій литературу М. А—чъ лѣниво отмахивался и отъ марксистовъ, и отъ народниковъ, повторяя свое возлюбленное—„все это давно сказано у Добролюбова, а языкъ у него—музыка. И т. д., и т. д.

Была буря, Sturm und Drang, ибо была борьба стараго и новаго, было исканіе новой вѣры и новыхъ боговъ. Боролись между собой земля и фабрика, старая

и милая земледѣльческая Русь съ Россіей, уже втянувшейся въ міровое капиталистическое производство. Интеллигенція (по-просту городской пролетаріатъ съ извѣстнымъ образованіемъ) сразу поняла, что въ идеѣ пролетаріата ея опора. Она увидѣла, что у нея нѣтъ ни обезпеченнаго завтрашняго дня, ни даже койки подъ старость, что вопросы заработной платы, конкуренціи, рынка, организаціи союзовъ далѣе — вопросы чисто политическаго свойства, при рѣшеніи которыхъ только и возможны союзы и организаціи, въ такой же степени ея вопросы, какъ и простого рабочаго. Никакой связи съ землей и мужикомъ уже не было, и проснувшійся идеализмъ вмѣстѣ съ личнымъ интересомъ *) потянулъ въ рабочую идею **).

Новая идея явилась къ намъ въ самой неразработанной, лишенной всякаго философскаго фундамента, упрощенной до босячества формѣ экономическаго матеріализма. „Нѣтъ вопроса кромѣ рабочаго вопроса, и Марксъ пророкъ его“—такъ клялись по всѣмъ угламъ. Петра Струве называли Петромъ Непогрѣшимымъ. Полемическій задоръ г. Бельтова съ такими выходками, какъ: „встаньте, г. Михайловскій! садитесь, г. Михайловскій“, радовалъ послѣ беззубой, тягучей и едва ли не вегетаріанской публицистики вымиравшаго народничества. Крылатыя словечки въ родѣ: „пойдемъ на выучку капитализма“, „русскій мужикъ долженъ вывариться въ фабричномъ котлѣ“, кулакъ—прогрессивное явленіе, ибо, разоряя крестьянина, онъ принуждаетъ его идти въ городъ“,—„vivat proletariat et pereat agrariarismus“ и т. п. летали по воздуху, какъ мухи лѣтомъ. Явились сотни марксистовъ, не читавшихъ Маркса или въ лучшемъ случаѣ ограничившихся VI главой перваго тома. Цѣна этого перваго тома (переведен-

*) Огромная сила, когда тотъ и другой органически связаны.
**) Т. е. научный соціализмъ Маркса, Лассаля, Энгельса и т. д.

наго еще Лопатинымъ) одно время поднялась до 50—60 рублей! Мусорщики-букинисты радовались. „Самъ“ Струве принялся за переводъ Маркса, замѣняя вездѣ слово „стоимость“ „цѣнностью“. Я помню цѣлые вечера, проведенные въ спорахъ: „насколько и почему сіе важно“. Кромѣ книгъ объ экономическомъ матеріализмѣ, никто ничего не хотѣлъ читать. Для его пропаганды основывались цѣлыя издательства. „Толстовщину“ сняло, какъ рукой. Вл. С. Соловьевъ сошелъ на нѣтъ (теперь онъ возрождается). Кажется, г. Богучарскій додумался до мысли, что все несчастіе Герцена, вся его тоска объясняется „легко и просто“ его незнакомствомъ съ Марксомъ и вообще съ научнымъ соціализмомъ. Россія оказалась промышленной страной. Мужикъ въ ней— только печальнымъ недоразумѣніемъ. Писали статьи, что, доживи Бѣлинскій до нашихъ дней, онъ былъ бы марксистомъ. Доказывали, что строить фабрики — прогрессивно. Не знали, какъ думать: все ли объяснять стихійнымъ ходомъ экономической эволюціи *), или предоставить кое-что на дѣло личности и разума?.. И среди этого шума и гама, этой туманности, гдѣ было смѣшано умное и нелѣпое, ничтожное и прекрасное,— раздалась могучая марсельеза Горькаго...

Была страсть, было увлеченіе, была борьба. И не смотря на нелѣпую форму идеи—она одолѣла.

„Соціализмъ—это глупость, наше дѣло—земля“,— говоритъ Толстой. Мнѣ кажется, что все же онъ могъ бы выразиться повѣжливѣе. Корни современнаго соціализма—въ ученіи Руссо, а портретъ послѣдняго Толстой носилъ когда то въ медальонѣ у себя на груди. И теперь любовь къ Руссо въ немъ не угасла и „Profession du vicaire savoyard“ онъ считаетъ своимъ симво-

*) Evolution èconomique spontanée.

ломъ вѣры. Другой человѣкъ, которому Толстой отводитъ второе мѣсто по вліянію на русскую мысль—Герценъ *), былъ истиннымъ основателемъ русскаго народническаго соціализма. Такъ что, повторяю, слѣдовало выразиться повѣжливѣе.

Но—все равно, такъ какъ Толстому можно простить многое за многое, сдѣланное имъ. Тѣмъ болѣе, что формула „наше дѣло—земля"—не выдумана и не взята ни откуда на прокатъ. Она наша, родная, въ ней сосредоточились лучшія страницы любви и ненависти нашей литературы... Земля, мужикъ, артель, община, міръ, народъ!..—Не полны-ли эти слова таинственнаго очарованія для русскаго слуха, не тѣ ли они „рѣчи", чье значенье „темно и ничтожно, но имъ безъ волненья внимать невозможно"?

Не жили-ли ими лучшіе люди еще 25—30 л. тому назадъ, не за нихъ ли шли они на все?.. И конечно, идея пролетаріата въ своемъ торжествующемъ шествіи прежде всего встрѣтилась съ идеей земли, старообрядчество со штундой, городъ съ деревней? Не только, конечно, съ идеей земли, но и съ ея переживаніями, съ собранной вѣками силой ея внушенія... И борьба, повторяю, была великая (хотя ни у кого не хватало словъ, чтобы выразить это величіе, но оно чувствовалось), тѣмъ болѣе, что наша идея земли тоже соціалистическая... Нѣтъ больше вражды, какъ между братьями.

Позвольте, отойти на нѣсколько минутъ въ прошлое и вспомнить кое-что, нужное для моихъ выводовъ. Не стану уже говорить объ ученіи раскольниковъ, что „антихристово одержаніе являетъ быти... егда описалъ (т. е. переписалъ) всѣхъ человѣкъ... имъ же размеживъ землю, лѣса и воды... Егда-бо по

---

*) Первое мѣсто Пушкину 18 проц., Герцену—10 проц. Это вычисленіе самого Толстого. См. Сергѣенко „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой".

описи раздроби народъ и землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣлилъ кому много, кому мало, кому же и ничего же давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ“ *)... Опускаю все это но вотъ характерныя строки, навѣянныя голосомъ земли Герцену:

Онъ говоритъ въ письмѣ къ Мишле: „Вы утверждаете, что Россіи не существуетъ, что русскіе не люди, что они лишены нравственнаго смысла...

„Если вы разумѣете Россію оффиціальную, византійско-нѣмецкую бюрократію, то вамъ и книги въ руки. Но... вы говорите о самомъ народѣ“...

Дальше Герценъ даетъ такую характеристику русскому мужику:

„Русскій крестьянинъ, при своемъ отвращеніи къ личной поземельной собственности, при своей беззаботной и лѣнивой природѣ, мало по малу и незамѣтно запутался въ сѣти нѣмецкой бюрократіи и помѣщичьей власти“. Но въ дѣйствительности онъ не признаетъ ихъ и только не противодѣйствуетъ ихъ насилію. Только въ отношеніи общины и ея членовъ признаетъ онъ свои права и обязанности. Внѣ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи“. (Идетъ панегирикъ общинѣ). „Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ чиновничьей цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла вѣка: она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ „(т. V, стр. 191—195). Дальше: „Великое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила рабственности общинной; какое злосчастье, что она осталась внѣ всѣхъ политическихъ

*) См. Юзовъ „Интеллигенція и народъ“, стр. 136.

движеній... Человѣкъ будущаго въ Россіи—мужикъ, точно такъ-же, какъ во Франціи—работникъ“ (V, 199). Герценъ переходитъ къ артели и казачеству: артель, по его мнѣнію, лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ къ соціализму, о чемъ мы столько разъ говорили... Артель—соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами... Въ концѣ концовъ: „Народъ русскій ничего не пріобрѣлъ со времени Владиміра и кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ—хановъ, подъ византійскимъ—чиновниковъ, подъ нѣмецкимъ—коллегій и канцелярій, подъ суринамскимъ—помѣщиковъ, онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ и мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднее?“ [1]).

Я извиняюсь за многочисленность цитатъ. Но вѣдь здѣсь цѣлая программа. Здѣсь наша любовь и ненависть, вѣра, надежда и наша тоска. Измѣненныя въ словахъ, особенно по части средствъ и путей, осуществленныя мысли Герцена жили 30 лѣтъ, ихъ повторилъ потомъ Толстой. Развѣ не то же самое говорили М. Михайловъ, Н. Чернышевскій, М. Бакунинъ, П. Лавровъ, всѣ наши народники и пр., развѣ не слышите вы здѣсь голоса земли, голоса земледѣльческаго народа? Пусть все это прикрашено, писано на страницахъ съ золотымъ обрѣзомъ,—все равно. Мы этимъ жили. Даже такой человѣкъ, какъ Лавровъ, котораго такъ часто и торопливо винили въ космополитизмѣ, писалъ (въ 70-хъ годахъ): „Для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ смыслѣ, указанномъ общими

[1]) Писано въ 1851—53 гг.

задачами нашего времени (т. е. въ направленіи соціализма), есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ".

Да, несомнѣнно, велико было очарованіе матери земли, внушеніе ржаного поля, общины, крестьянскаго труда. Вѣдь этотъ послѣдній и не назывался иначе, какъ праведнымъ. Ему пѣли гимны, считали святымъ, признавая его тяготу. И въ то же время на глазахъ у всѣхъ мужикъ терялъ свой типъ, свое лицо, преобразуясь въ міроѣда или въ батрака оборванца. И въ то же время мать-земля засыпалась песками съ востока, сохла безъ лѣсовъ со своими обмелѣвшими рѣками, а ржаное поле поѣдалось кузькой, саранчой, винокурами и административными опекунами разныхъ категорій.

Идея четвертаго сословія встрѣтилась съ идеей земли уже въ періодъ ея разложенія. Народничество держалось, но только силой традиціи. Правда, г. Михайловскій еще стоялъ „на славномъ посту" и „на стражѣ". Но сторожить ему приходилось лишь архивы со старыми журнальными статьями и цейхгаузъ съ давно истлѣвшими народническими косоворотками. Правда и то, что Толстой все еще звалъ къ землѣ (онъ и теперь, нѣтъ-нѣтъ, да позоветъ туда) и проповѣдывалъ „любить ближняго до седьмого пота". Но его мысль все дальше уходила на путь анархизма (теоретическаго), ограниченнаго вѣрой въ Бога, какъ идеалъ совершенства,—его же ученики и послѣдователи разбѣжались изъ интеллигентныхъ скитовъ, и кто изъ нихъ поступилъ въ акцизъ, кто занялся душепримирительнымъ книгоиздательствомъ. Право, когда на Рязанскомъ вокзалѣ въ Москвѣ я увидѣлъ одного изъ такихъ книгоиздателей, еще вчера носившаго толстовскую „форму" и яраго вегетаріанца, одѣтымъ въ сюртукъ и уничтожившимъ въ четверть часа рыбную селянку и пару

бифштексовъ,—я сказалъ въ душѣ: „finis tolstovianeae, а можетъ быть—чему нибудь и большему“.

Народничеству наступалъ конецъ. Новая идея даже въ нелѣпой формѣ своей оказалась сильнѣе. Эта нелѣпая форма была, быть можетъ, нужна, чтобы перегнуть палку въ другой конецъ. Очевидно, одинаково несостоятельно говорить—„наше дѣло—земля“, какъ и „наше дѣло—фабрика“. Наше дѣло не земля и не фабрика. Наше дѣло—жизнь. Я бы сказалъ—творчество жизни. Наше дѣло—наука и искусство, работа во имя разума. А гдѣ происходитъ эта работа—на землѣ или въ водѣ, или воздухѣ, или въ лабораторіи—не все ли равно?

Новая идея побѣдила. Въ ея основѣ лежала наука—знаніе (хотя бы несовершенное) вмѣсто прежняго выдѣленія себя и всего русскаго въ какую-то особую категорію бытія и мысли. („У насъ—нутро“ или: „умомъ Россіи не понять,—въ Россію можно только вѣрить“ и т. д.).

Новая идея побѣдила. Она выросла въ городѣ. Она пропитана запахомъ его трубъ, она впитала въ себя его суровость, нервность, жажду лучшаго и жажду новаго. Интеллигентный пролетаріатъ не могъ не стать на ея сторону.

Она смѣнила собою идею земли, земледѣльческаго коммунизма, имѣющаго въ основѣ общину. Она хочетъ не братства, не любви, а свободной, товарищеской организаціи. Она хочетъ справедливости, и прежде всего той, которая давала бы работнику все заработанное имъ.

Она хочетъ союзовъ и организацій, основанныхъ на общемъ интересѣ и общей цѣли. Союзы и организаціи могутъ существовать лишь при правопорядкѣ, и этотъ правопорядокъ—ея первое требованіе.

Какая у ней своя вѣра, какой у ней катехизисъ и апокалипсисъ—увидимъ послѣ.

II.

... Теперь только лѣнивый не пишетъ о рабочемъ вопросѣ. Но отъ большинства прочитанныхъ статей получается только разстройство представленій... Видно, что редакціи охотно платятъ за все это бумагомаранье пятакъ, но проку пока мало, слишкомъ даже мало. Случилось тоже, что съ японской войной. Она для огромнаго большинства оказалась неожиданностью. Японцевъ звали япошками и макаками, рисовали картины и писали статьи на тему о томъ, какъ русскій яликъ потопилъ японскій броненосецъ, а русскій казакъ разбилъ нагайкой не то одну, не то 14 японскихъ дивизій... Уѣзжавшіе на войну офицеры вѣжливо принимали отъ дамъ списокъ предметовъ особенно дешевыхъ въ Токіо. Кто-то назвалъ войну „военной экзекуціей". Кто-то рѣшилъ вопросъ о томъ, стоитъ ли намъ брать на себя такую обузу, какъ управленіе Японіей... А теперь: макаки превратились въ гигантовъ. Совершенно тоже съ рабочими и рабочимъ вопросомъ... „200 нагаекъ на всю эту мастеровщину... Ну, десятокъ другой залповъ и, глядишь, опять

Царей и царствъ земныхъ отрада
Божественная тишина..."

Такъ разсуждали. А что вышло? Гг. бюрократы будутъ (т. е. предположимъ, что будутъ) засѣдать рядомъ съ рабочими. Какой-нибудь статскій совѣтникъ уже видитъ во снѣ, какъ онъ будетъ обмѣниваться мнѣніями съ какимъ-нибудь Петромъ Алексѣевымъ. Мастеровщина стала вдругъ сословіемъ. Словомъ, и этотъ рабочій вопросъ для насъ внезапность.

Мы не знали японцевъ; не знали въ скрытой ихъ культурѣ могучей и бодрой энергіи. Мы думали закидать ихъ шапками. Мы не знаемъ рабочихъ. Это огром-

ная таинственная масса милліоновъ людей, стихійно и быстро организующаяся. Съ 1896 года организація пошла страстно и нетерпѣливо. Тамъ очень много людей настолько интеллигентныхъ, что если они захотятъ только разговаривать, то я побаиваюсь за нашихъ „сумчатыхъ коллежскихъ и статскихъ“ и совѣтую имъ прочесть, хотя бы копеечную брошюрку проф. Карышева о трудѣ и капиталѣ. А съ уставомъ о „судебной и департаментской волокитѣ“ ровно ничего не подѣлаешь. Цѣлое стадо губернскихъ и титулярныхъ ничего не подѣлаетъ... И вотъ, не зная, не желая знать о рабочихъ, цѣлыя десять лѣтъ вычеркивая слово „рабочій“ какъ нецензурное, а — „рабочій вопросъ“, какъ революціонное — мы, опять таки подъ свистъ цензурныхъ нагаекъ, съ какой-то наглостью и легкомысліемъ приступаемъ къ рѣшенію рабочаго вопроса.

Меня удивили слова одного бюрократа, сказанныя имъ какому-то репортеру:

— Я полагаю,—сказалъ П. Х.,—что политическая тенденція навѣяна извнѣ и чужда тяжелотрудящейся рабочей массѣ. Одна изъ ближайшихъ задачъ, стоящихъ на очереди—это отвлеченіе рабочихъ отъ политики; другіе же вопросы не должны быть для нихъ закрыты, такъ какъ право всякаго — защищать свои интересы, но, конечно, безъ насилія надъ другими, такъ сказать, въ правовыхъ рамкахъ.

Я совершенно не понимаю этихъ словъ. Тутъ что-то изъ оффиціальныхъ телеграммъ генералъ-лейтенанта Сахарова. Какъ же примирить „отвлеченіе рабочихъ отъ политики“ и защиту своихъ интересовъ въ правовыхъ рамкахъ? Вѣдь правовыя рамки и суть политика, потому что выступаетъ вопросъ о гарантіи. Кто же дальше не знаетъ, что политическія тенденціи среди рабочихъ сильны и грозно проявились уже въ 1901 году Господи, мы опять хотимъ кого-то закидать шапками. Охъ,

православные, не остаться бы намъ безъ шапокъ совсѣмъ.

Мы не знаемъ и не понимаемъ нашихъ рабочихъ. Мы думаемъ только объ успокоеніи умовъ, а не о той бодрой и свободной жизни, которую предписываетъ теперь намъ исторія, грозя иначе гибелью... Ибо мысль, не нашедшая себѣ распространенія, творчество — выхода въ жизнь, народъ—свободы—умираютъ. Тутъ десятки настроеній. Тутъ господствующая идея „лучше голодать мѣсяцъ, чѣмъ умирать съ голоду и съ обиды всю жизнь. Тутъ есть глубина, есть вдохновеніе, и я удивлю васъ, если скажу, что никто такъ мало не думаетъ о хлѣбѣ насущномъ, какъ теперь въ Россіи рабочій... Мнѣ это трудно доказать. Надо это видѣть своими глазами и своими ушами. Но вотъ прочтите хоть эти письма:

III.

Письмо 1-ое. 1905 г. 28 янв. С.-Петербургъ

Многоуважаемый неизвѣстный N. Не могу найти словъ, чтобы имѣть возможность выразить вамъ чувство благодарности, которую вы вполнѣ заслуживаете, обличая въ своей статьѣ двуличныхъ негодяевъ и оправдывая тѣхъ, которыхъ негодяи считаютъ бунтовщиками и преступниками. Прошу удѣлить нѣсколько минутъ вашего вниманія и вамъ будетъ ясно, что я правъ. Вождь русскихъ рабочихъ о. Георгій, *) со дня открытія (1904 г. 11 апрѣля) собранія русскихъ фабрикъ и заводовъ рабочихъ, стремясь къ объединенію всѣхъ рабочихъ въ одно цѣлое безъ различія профессій, постоянно исторгалъ разнаго рода неурядицы и недоразумѣнія изъ-за личныхъ счетовъ; онъ поставилъ на очередь рабочій вопросъ и разъ навсегда убѣдилъ рабочихъ,

*) О. Гапонъ.

что сплоченная рабочая масса во-едино—есть сила, при помощи которой рабочій вопросъ разрѣшится естественнымъ образомъ и скоро, и просто. Потому всѣ самосознательные серьезные рабочіе, не обращая вниманія ни на какія правдоподобныя кривотолкованія, пришли къ убѣжденію, что о. Георгій есть первый геніальный основатель рабочаго вопроса въ Россіи и первый посредникъ между тружениками честнаго умственнаго труда и физическаго. Этого и исторія не выкинетъ. Объ упраздненіи личнаго „я“ въ общественныхъ интересахъ и о безкорыстномъ веденіи дѣла напоминалъ о. Георгій каждому, вновь вступавшему члену на какую-либо должность, и другими истинно-христіанскими примѣрами быстро привлекалъ всѣхъ въ наше общество и какъ цементомъ связывалъ истинно-братскою любовью. Которые, слыша все вышеописанное — слышали, и смотря — видѣли, тѣ и теперь остались при томъ же убѣжденіи; но для слѣпцовъ погромъ 9 января сыгралъ неблаговидную роль: между ними, какъ точно гады ползучіе, стали умножаться съ быстротою молніи невѣроятныя гнусныя легенды по адресу о. Георгія и всѣхъ вблизи его стоящихъ. Не могу подумать безъ удивленія, какъ это ловко удается безнравственнымъ людишкамъ безупречно честныхъ людей превратить въ общественномъ мнѣніи въ негодяевъ, преступниковъ и т. д., и невольно съ грустнымъ впечатлѣніемъ приходишь къ убѣжденію, что на святой Руси (не могу себѣ объяснить почему называютъ святой) сила на правдѣ верхомъ ѣздитъ. Теперь, осмотрѣвшись кругомъ, всѣхъ причастныхъ къ рабочимъ интересамъ дѣлю на три категоріи. Люди первой и второй категоріи суть: обидчики и угнетатели,—первые сознательные, а вторые безсознательные. А третья категорія суть борцы за правду и защитники невинно-пострадавшихъ отъ вышеупомянутыхъ недоброжелателей. Потомки первыхъ услышатъ или прочитаютъ поступки своихъ предковъ,

будутъ проклинать день своего рожденія. По адресу вторыхъ повторю слова Христа Спасителя: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“. Третьимъ шлю отъ всей глубины своей души искреннюю благодарность и желаю имъ отъ всего сердца успѣшно склонить къ убѣжденію всѣхъ, что рабочій человѣкъ—тоже человѣкъ. Пробейте безправнымъ окно къ свѣту, къ чистому и здоровому воздуху, и они вздохнутъ полной грудью!.. Остаюсь съ глубокимъ почтеніемъ ко всѣмъ истинно интеллигентнымъ и солидарнымъ сотрудникамъ.

Письмо 2-ое.

Глубокоуважаемый мой товарищъ!

Что вы со мною сдѣлали? Я хочу поблагодарить васъ за книгу, за надпись на ней и за то, что называете меня товарищемъ—и не могу.

Уродливое воспитаніе исказило всѣ мои способности. Оказывается, что учиться можно всю жизнь, а прививается только то, что посѣяно во время.

Въ нашемъ обществѣ читали книгу проф. Озерова о солидарности. Слушали внимательно, и большинство хорошо понимало всю необходимость солидарности для блага общественной жизни, и все-таки, при всемъ своемъ искреннемъ пожеланіи, перевоспитать себя не могли, оставались мелочными (Горьковскими мѣщанами). За рѣдкими исключеніями.

Но вы взгляните въ ихъ прошлое и вамъ ясно будетъ, что ихъ или миновала чаша порабощенія и невѣжества съ молоду даже съ дѣтства, или они обладаютъ отъ природы крѣпкимъ духомъ и умомъ. Но я хочу сказать не о тѣхъ счастливчикахъ (добрый имъ путь), а о себѣ и подобныхъ мнѣ неудачникахъ. Жизнь течетъ, а разумъ съ годами, мало по малу, усматриваетъ въ ней истину, создаетъ убѣжденіе, но дурныя рабскія привычки, въѣвшіяся въ плоть и кровь мѣшаютъ примѣнить убѣжденіе къ жизни. Вотъ эта-то про-

пасть и раздѣляетъ ваше интеллигентное общество отъ нашего. Плоды рабства въ насъ, но откуда же берется сѣмя и кѣмъ оно въ насъ сѣется? Родителей или старшихъ по возрасту судить нельзя, они такое же получили воспитаніе. Я всю вину сваливаю на школу. Не подумайте, мой любезный товарищъ, что я противъ школы, нѣтъ, я возмущенъ ея убогой программой. Я убѣжденъ, что и вы съ ея программой хорошо знакомы, но позвольте мнѣ оговориться, мнѣ только хочется подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями. Вѣдь такихъ близкихъ къ сердцу товарищей, какъ вы, у меня нѣтъ и не было. Сличу вамъ два разнохарактерныхъ факта, которые невольно наталкиваютъ на мысль поискать корень зла.

Года три тому назадъ я жилъ въ Гельсингфорсѣ, и случилось мнѣ тамъ видѣть, какъ нѣсколько подвыпившихъ русскихъ напали съ бранью на финскаго студента; увидя это хамбусы (хулиганы) не дали въ обиду ученаго, заступились за него и проводили его до дому. Въ Петербургѣ по чьему-то приказанію дворники, немилосердно, даже съ какимъ-то усердіемъ тоже били студента (не на животъ, а на смерть) и вокругъ стоящая публика равнодушно смотрѣла, потомъ подошелъ другой дворникъ отъ сосѣдняго дома, увидѣвъ жертву невѣжества произнесъ: „а, это студентъ, бей его мятежника“!.. Сколько тутъ чувствуется ненависти къ ученому классу, и откудова она взялась. Вѣдь финскій хамбусъ тоже не грамотнѣе нашего дворника, да еще въ добавокъ полупогибшій человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, а уваженіе имѣетъ къ наукѣ. Должно быть во время зерно добра брошено въ сердце. Теперь приведу другіе два факта, ясно указывающіе на безполезность труда сѣятелей, сѣющихъ доброе зерно въ озлобленное сердце. Часто напримѣръ, можно слушать проповѣди и читать книжки о томъ, что сквернословить грѣхъ, въ особенности по-матерно. (Опять я оговорюсь,

много я занимаю бумаги и время у васъ своею бездарностью, но прошу васъ, любезный мой товарищъ, не осудите меня строго и запаситесь терпѣніемъ). Но спросите вы у этихъ ораторовъ, отчего у насъ это такъ сильно прививается и отчего матернаго слова въ другихъ странахъ нѣтъ. Они вамъ отвѣтятъ: мы отъ татаръ унаслѣдовали. Значитъ тутъ-де не наша вина, а если спросить ихъ: да вѣдь татаръ мы уже 4 вѣка не знаемъ, а матерныя слова такъ усердно передаемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вотъ на это ни одинъ проповѣдникъ не обмолвился, и православный людъ, помимо своей воли, въ силу привычки, подкрашиваетъ свою рѣчь матернымъ словомъ.

Теперь загляну въ свое дѣтство. Когда я учился въ уѣздной школѣ, то я, какъ и всѣ прочіе ученики, не могъ знать, что въ насъ сѣютъ добро или зло, а только закрѣплялъ въ своей памяти, а теперь нахожу небезполезнымъ раскусить нѣсколько зернышекъ и посмоковать ихъ: въ одномъ со мною классѣ учился товарищъ Вороновъ, сынъ бѣдныхъ родителей, умный и ловкій мальчикъ. Пришлось ему какъ-то разъ спросить у законоучителя, изъ Ветхаго Завѣта: „Такъ какъ вы, батюшка, говорите, что евреи до столпотворенія вавилонскаго имѣли одно нарѣчіе послѣ же разрушенія вавилонской башни евреи заговорили на разныхъ языкахъ и разошлись по всей землѣ, такъ значитъ и нашъ русскій языкъ получилъ тамъ же свое начало“.—„Да“.—„Такъ отчего же наша русская исторія сохранилась только за 1 тысячу лѣтъ съ небольшимъ, вѣдь писать то еще при Моисеѣ умѣли...“ Но вмѣсто разумнаго отвѣта наивный ребенокъ услыхалъ слѣдующее: Законоучитель обратился съ слѣдующимъ удручающимъ пророчествомъ къ ученикамъ всего класса: „дѣти, не берите примѣра съ этого сорванца (указывая на Воронова), и не дружитесь съ нимъ; ему дорога или въ тюрьму, или въ каторгу

руду копать, какъ выростетъ большой". Конечно, всѣ ученики съ наивнымъ любопытствомъ стали разсматривать будущаго каторжника. А гласъ пророка не умолкалъ, „вотъ вамъ ставлю въ примѣръ Ушакова (сынъ купца, чуть-чуть поглупѣе теленка), все ихнее семейство служитъ примѣромъ городу, благословеніе Господне на домъ ихъ" и т. д. Подумаешь, точно виноватъ сынъ бѣдняка, что ему Богъ побольше ума далъ, чѣмъ Ушакову. Вотъ гдѣ сѣется вражда къ уму. А что переиспытали родители, когда ихъ сынъ разсказалъ имъ свою будущность, посудите сами.

Но вѣдь не всѣ же насъ злу учили, такъ поразсмотримъ добрыя зерна. Пятую заповѣдь намъ поясняютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Богъ повелѣваетъ повиноваться и почитать кромѣ отца и матери, Государя, пастырей и учителей духовныхъ, благодѣтелей начальниковъ и старшихъ возрастомъ. Исполняющіе унаслѣдуютъ счастье и долголѣтье. Отецъ родной, отецъ царь, отцы начальники и благодѣтели—все отцы, а мать только родная одна, а я ея съ 7 лѣтъ лишился, значитъ я вправѣ не уважать матерей. Неужели же женщина будучи матерью только отъ дѣтей достойна уваженія? Вѣдь вотъ напримѣръ — цари... ихъ въ своей странѣ почитаетъ народъ, и за границу поѣдутъ и тамъ ихъ примутъ съ почестью. Отчего же въ дѣтяхъ не развиваютъ почтенія къ каждой женщинѣ, ставшей матерью. Я вполнѣ убѣжденъ не пришлось бы ни книгъ печатать, ни проповѣдей говорить о материномъ словѣ. Вѣдь вотъ въ каждомъ мужичкѣ есть любовь и страхъ къ Богу, такъ и не надо проповѣдывать, чтобы Бога не ругали, потому что самъ сознаетъ величіе Бога. А развѣ трудная обязанность матери не достойна уваженія?

Затѣмъ велятъ уважать пастырей и учителей духовныхъ; почему же только духовныхъ учителей? Неужели только потому, что они сѣютъ презрѣніе къ умнымъ маль-

чикамъ. Отчего же свѣтскіе учителя не заслуживаютъ уваженія. Вотъ гдѣ сѣютъ невниманіе къ ученому классу и ихъ творчеству. Хотя бы словечкомъ объ нихъ обмолвились, тогда не сказалъ бы дворникъ по адресу студента „а, эвта скубентъ, бей его бунтовщика“.

Затѣмъ уважать и повиноваться благодѣтелямъ. Я ихъ, по совѣсти скажу, съ ростовщиками на одну скамью сажаю, одного поля ягода: возьмите вы у ростовщика взаймы и онъ васъ не побезпокоитъ до тѣхъ поръ, пока вы не перестанете аккуратно платить проценты, и только тогда отберетъ ваше имущество. Благодѣтели же съ того момента, какъ сдѣлаютъ вамъ благодѣяніе, отнимаютъ у васъ часть воли, какъ свою собственность и вы въ его глазахъ жалкій рабъ; конечно есть и истинные благодѣтели, но ихъ у насъ на Руси немного, да если вы еще сравните, что для человѣка дороже воля, (какъ даръ Божій), чѣмъ имущество, то пожалуй другой благодѣтель и ростовщика не стоитъ.

„Повинуйся старшимъ по возрасту“. Я, по выходѣ изъ ученья, всегда имѣлъ пристрастіе заниматься чтеніемъ, музыкой, театромъ и другими разумными развлеченіями и церковь усердно посѣщалъ и, все-же постоянно былъ осмѣянъ строгими подмастерьями, вполнѣ невѣжественными холопами, и такъ какъ мое положеніе зависѣло отъ нихъ, то, въ силу необходимости, долженъ былъ съ ними пропивать свой заработокъ, а свои излюбленныя удовольствія исполнялъ украдкой. Ну можно ли тутъ повиноваться заповѣдямъ, коль скоро они идутъ въ разрѣзъ съ совѣстью и разсудкомъ? Грѣшное дѣло, шелъ и иду помимо заповѣди. Господи, сколько въ разныхъ правдоподобныхъ кривотолкованіяхъ порабощенія, попиранія личности, ума и совѣсти! Посмотришь на ликъ Спасителя и увидишь въ его чертахъ любовь, истину, мудрость, кротость. Но ничуть нѣтъ ни рабства, ни подхалимства.

Откуда же къ намъ столько навѣяно этихъ пошлыхъ привычекъ. Неужели все и будутъ на чорта сваливать. Вотъ теперь кричатъ кругомъ, что всѣ безпорядки дѣлаются врагами Россіи и богоотступниками. А кто же насѣялъ въ насъ эту вражду? Не свои ли они плоды пожинаютъ. Вѣры въ религію ни на волосъ во мнѣ не умалилось, но, по совѣсти скажу, уваженіе къ духовенству изсякло до основанія и едва ли когда вернется. Эгоизмъ и скептицизмъ, какъ двѣ сильныя мускулистыя руки, сбросили насъ въ болото невѣжества, нужды и болѣзни и поработили насъ. Скажи Господи поработителямъ нашимъ устами честныхъ, что мы имъ братья... Жизнь течетъ, а разумъ мало по малу усматриваетъ въ ней истину; совѣсть же, убѣдившись въ ней, примѣняетъ къ жизни. Вотъ вамъ мои убѣжденія:

1) Уважай всѣ религіи, ибо ни у одного народа нѣтъ смѣшного Бога, но въ свою религію глубоко вѣрь и крѣпко исполняй завѣтъ Христа; но только никогда не смѣшивай церковь съ священнослужителями и служителями церкви, которые въ силу слабостей человѣческихъ и въ силу личныхъ и косвенныхъ интересовъ иногда далеко не соотвѣтствуютъ своему высокому назначенію.

2) Глубоко уважай всякую нравственную женщину, ставшую матерью безъ различія религіи, національности, сословія, ума, средствъ. Даже будь то не брачная. Всякая женщина будучи матерью, и вполнѣ соблюдая свой тяжелый нравственный трудъ и физическій—достойна уваженія. Но дай должное предпочтеніе своей родной матери.

3) Уважай благодѣтелей, не посягающихъ на твою волю, а если можешь, то обойдись безъ нихъ, если хоть сколько-нибудь цѣнишь неприкосновенность своей совѣсти.

4) Уважай и повинуйся выше тебя стоящихъ на-

чальниковъ и руководителей, если только они умѣло и справедливо ведутъ дѣло.

5) Читай все, но къ сердцу принимай только истину и глубоко уважай борцевъ за нее.

6) Развивай любовь постоянно къ природѣ, наукѣ и искусству.

7) Уважай всѣхъ безъ различія націй и религій, и служи всѣмъ ради правды, но не для кого не жертвуй свободой своей личности и совѣсти, даже и ради правды.

Теперь воображаю, какъ я вамъ наскучилъ своимъ плаксивымъ, неуклюжимъ письмомъ. Да не на то досадно, ну хоть бы въ концѣ то письма отблагодарить бы васъ, какъ слѣдуетъ быть и того нѣтъ,—въ душѣ благословляю вашъ ко мнѣ порывъ, а на бумагѣ ничего не могу изложить при всемъ своемъ искреннемъ желаніи. Одинъ только стонъ и озлобленность.

Прошу извинить. Съ глубокимъ почтеніемъ остаюсь благодарный вамъ

1905 годъ. Февраль, 10-е число.

Письмо 3-ье.

IV.

(Изъ письма въ редакцію).

Помѣщаемое ниже письмо рабочаго заинтересовало насъ, главнымъ образомъ, своимъ бодрымъ духомъ и стремленіемъ работать на благо родины, подчасъ выражающимся въ довольно наивныхъ формахъ, но очень цѣннымъ во время непрекращающихся забастовокъ.

„Обидно и больно слышать упреки русскому рабочему отъ лицъ, которые стоятъ близко къ рабочимъ въ заводахъ и фабрикахъ. Нѣкоторые инженеры авторитетно и свысока говорятъ съ мастеровыми, когда они требуютъ или даже просятъ объ улучшеніи своего

быта, указывая на примѣры западныхъ государствъ и Америки:—„русскій до этого не доросъ, русскій рабочій лѣнивъ и недобросовѣстно относится къ работѣ“ и т. д.

Я, какъ русскій рабочій, утверждаю, что русскій рабочій по своему усердію къ дѣлу и знанію его (по своему ремеслу), по смекалкѣ и способности ничѣмъ не уступаетъ ни бельгійцу, ни англичанину, ни американцу. Меня спросятъ: „чѣмъ я это докажу“? Отъ имени русскихъ рабочихъ предлагаю всѣмъ, восхваляющимъ заграничныхъ рабочихъ,—выписать изъ Бельгіи, Англіи, Америки, Германіи и Франціи мастеровыхъ; мы, русскіе рабочіе, выберемъ изъ своей среды такое же количество рабочихъ: плотниковъ, столяровъ, котельщиковъ, клепальщиковъ, кузнецовъ, слесарей, литейщиковъ и модельщиковъ, зададимъ одинаковую работу, поставимъ въ равныя условія, тогда и посмотримъ.

Русскій рабочій трудолюбивъ до самопожертвованія; онъ, въ случаѣ надобности, будетъ работать 18 часовъ въ сутки, былъ бы достойно оплаченъ его трудъ; онъ послушенъ и исполнителенъ до рабства. Но на эти неоцѣненныя качества русскаго рабочаго не обращаютъ вниманія, не хотятъ протерѣть себѣ глаза, чтобы увидѣть это и честно воспользоваться этими качествами. Чтобы рабочій добросовѣстно и усердно отнесся къ поручаемой ему работѣ, надо въ полной мѣрѣ оцѣнить и вознаградить его трудъ, заинтересовать его матеріально и нравственно такъ, чтобы онъ дорожилъ своимъ мѣстомъ и заработкомъ. Повѣрьте, что при такомъ порядкѣ недобросовѣстности мѣста не будетъ. Работодателямъ не слѣдуетъ ограничивать способности мастеровыхъ опредѣленнымъ заработкомъ, этимъ будетъ дана возможность опредѣлить кратчайшій срокъ выполненія данной работы и обнаружить самыхъ способныхъ работниковъ. Чего можно ожидать отъ рабо-

чихъ и мастеровыхъ СПБ. порта, Галернаго острова, адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ, Кронштадтскаго порта, Кронштадтскаго пароходнаго завода, Севастопольскаго и Николаевскаго портовъ, гдѣ мастеровой за рубль оплачивается полтиной. Въ бытность адмирала В. П. Верховскаго начальникомъ главнаго управленія судостроенія и снабженій, въ 1897 г., было выработано и утверждено морскимъ министерствомъ слѣдующее правило: „Мастеровые, желающіе поступить въ заводы и порты морского вѣдомства, подлежатъ испытанію отъ 1 дня до 2-хъ недѣль и имъ назначается плата отъ 85 коп., а особо-способнымъ и знающимъ свое дѣло до 1 р. 50 к. въ день".

Какой мастеровой будетъ внимательно и съ полной добросовѣстностью относиться къ дѣлу при такихъ условіяхъ? На заводы морского вѣдомства поступаютъ только такіе мастеровые, которые, въ виду безработицы, мѣсяцами ходятъ безъ дѣла и поступаютъ не для работы, а чтобы не умереть отъ голода. Кромѣ цѣховой платы разрѣшалось выработать до 25% на цѣховой рубль на задѣльныхъ работахъ, т. е. кто по цѣху получаетъ 1 руб. въ день, то можетъ выработать по произвольной расцѣнкѣ работы указателя или мастера, то и не дополучаетъ (за 1 р. получаетъ 75 к.).

Развѣ это порядокъ? Эти правила отнимаютъ желаніе къ труду, способность, убиваютъ совѣсть и сознаніе обязанности добросовѣстно выполнить порученную работу. Вотъ почему такъ худо строятся суда въ этихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ наши русскіе мастеровые заражаются лѣнью, неспособностью и недобросовѣстностью. Я утверждаю, что мастеровые, по природѣ неэнергичные и со слабой волей, проработавши въ этихъ заводахъ годъ-два, много—три, вовсе разучиваются въ хорошо извѣстномъ раньше ремеслѣ; теряютъ вѣру въ самого себя. Пробывши 2 и 3 года, таковой мастеровой ни за что не пойдетъ работать на путиловскій

или невскій механическій заводъ: его беретъ страхъ, несмотря на то, что вмѣсто 30 р. онъ можетъ заработать тамъ 60 — 70 руб. въ мѣсяцъ. Это также вѣрно, какъ здоровый человѣкъ, пробывъ извѣстное время съ сумасшедшимъ,—дѣлается самъ сумасшедшимъ. Если бы только правительство пожелало сдѣлать въ 2—3 года, или 5 лѣтъ величайшій флотъ, то оно должно произвести коренную реформу. Всѣ эти большіе и малые паразиты, начиная съ указателей и кончая высшими судостроителями, кромѣ немногихъ,—должны быть помѣщены въ богадѣльню, съ уплатой за ихъ содержаніе тѣмъ жалованьемъ и наградными, которыя они безъ всякой пользы для родины получаютъ теперь. Пусть они будутъ сыты, но не тормозятъ полезнаго и необходимаго для государства дѣла.

А доки и механическія мастерскія сдать въ аренду частнымъ компаніямъ, которыя предложатъ хорошую плату и возьмутся къ сроку построить суда, лишь бы только не одѣвали непосильныхъ колодокъ на мысль, на слово совѣсти, на руки этимъ свободнымъ, жаждущимъ дѣятельности инженерамъ, полнымъ силы, знаній, энергіи и распорядительности. Вѣдь, невольно всякій рабочій задумывается надъ тѣмъ, какъ еще могутъ существовать русскіе судостроительные, машиностроительные, паровозостроительные и вагоностроительные заводы? У насъ въ Россіи, при существующей системѣ отдачи заказовъ, развилось какое-то недоброжелательное и недобросовѣстное отношеніе къ своимъ русскимъ заводчикамъ и, наоборотъ, склонность къ чужимъ. Отдавая заказъ на постройку судовъ или паровозовъ, по утвержденнымъ чертежамъ на заграничные заводы, туда никто уже носа не суетъ со своими личными указаніями объ измѣненіяхъ. Вмѣсто непосильныхъ залоговъ, которые берутся со своихъ русскихъ заводчиковъ, — заграничнымъ фирмамъ уплачиваютъ впередъ сумму, она даетъ возможность начать ра-

боту не затрачивая капитала. Это ли не придаетъ энергіи заграничнымъ предпринимателямъ? Выполненный заказъ принимается опять таки тѣми же, кто давалъ заказъ за границу. Всѣ эти люди согласились во взглядахъ при первой встрѣчѣ. Но какія мытарства приходится вытерпѣть своему русскому предпринимателю, берущему заказъ у своего же правительства! При сдачѣ заказа на него смотрятъ свысока; разговариваютъ начальственнымъ тономъ; задаются оскорбительные человѣческому достоинству вопросы: о его матеріальномъ состояніи, о имѣющихся приспособленіяхъ, о числѣ рабочихъ, какія и кому производили и производятъ работы. Но и послѣ ряда вопросовъ, заказъ рѣдко попадаетъ предпринимателю, который честно и безпристрастно относится къ дѣлу. А какіе приходится нести расходы, начиная съ чаевъ сторожу, швейцару и кончая гербовымъ сборомъ и внесеніемъ залога къ сроку. Боже сохрани, если что-нибудь окажется не такъ при сдачѣ заказа особо назначенной комиссіи...

Теперь наше правительство ищетъ причинъ неудовольствія рабочихъ: для этого была собрана комиссія изъ людей сановитыхъ, но совсѣмъ незнакомыхъ съ образомъ жизни и дѣятельностью нашихъ рабочихъ. Поэтому мы сомнѣваемся въ успѣшномъ исполненіи, возложенной на комиссію, задачи. Вѣдь эти люди смотрятъ на насъ, рабочихъ, свысока; мы кажемся имъ не настоящими людьми, а карликами. Они не хотятъ хотя-бы временно стать съ нами на одну высоту и увидѣть насъ во весь ростъ.

Быть можетъ они имѣютъ ввиду бросить намъ свысока подачку и этимъ уладить все дѣло? Мастеровые будутъ довольны, а вѣдь мы не того хотѣли и не за то жертвуемъ своими жалкими грошами и жизнями. Мы желаемъ, чтобы нашъ трудъ служилъ на пользу дѣлу, а не лицамъ; чтобы насъ считали за лю-

дей, не посягая на нашу честь, не унижая человѣческаго достоинства. Ни пушкой, ни ружьемъ, ни штыкомъ, ни саблей, ни нагайкой рабочихъ не успокоить. Зачѣмъ насъ бить? Мы пригодимся для болѣе полезной цѣли. Имѣется и другое надежное средство: дайте всѣмъ намъ работу.

Кликните кличъ ко всѣмъ заинтересованнымъ людямъ, что вамъ нужны люди для постройки могущественнаго флота, паровозовъ и вагоновъ, обѣщая при этомъ полное содѣйствіе,—вы увидите цѣлые рати людей дѣльныхъ, способныхъ, — инженеровъ и рабочихъ. Посвятите ихъ, при посредствѣ печати, по какой цѣнѣ дѣлаютъ суда и паровозы заграницей; пожертвуйте, первое время, нѣкоторымъ излишкомъ, при сознаніи, что тутъ же, въ Россіи, деньги и останутся. Мы знаемъ, что ни одна страна не обладаетъ такими природными богатствами, какъ наша необъятная Русь. Стыдно нашему русскому народу, не использовавъ своихъ средствъ, ѣхать за море за чужимъ и везти туда золото.

Чтобы заинтересовать насъ, рабочихъ, чтобы не голодали русскіе рабочіе,—не надо отдавать строить заграницу суда, вагоны и паровозы; все сдѣлаемъ здѣсь, дома. Не везите золота въ чужую землю и чужимъ людямъ—оставьте дома; дайте намъ заработать на хлѣбъ и на щи, на одежду вмѣсто рубища; замѣните сырой подвалъ и грязный уголъ—чистой комнатой, и мы русскіе мастеровые, создадимъ, подъ руководствомъ своихъ русскихъ инженеровъ, въ 8 лѣтъ такой флотъ, какого никто не имѣетъ въ мірѣ. Мы свяжемъ желѣзными дорогами всѣ углы на матушкѣ Руси; мы дадимъ стомилліонному крестьянину вмѣсто первобытной сохи новые плуги-кормильцы; вмѣсто лопатъ и цѣпей надѣлаемъ вѣялокъ и молотилокъ; мы по всей Руси изъ деревни въ деревню сдѣлаемъ шоссейныя дороги—

только признайте насъ людьми и свободными гражданами родной страны. Рабы не могутъ этого сдѣлать...

* * *

Письмо 4-ое

Въ № 74 отъ 23 марта въ газетѣ „Русь“ напечатана статья подъ названіемъ „Общественная патологія“.

Съ этою статьей я несогласенъ.

Науку жизни составилъ Богочеловѣкъ, въ нее нужно вѣрить, и ею дѣйствоваться; она учитъ такъ: если хочешь быть старшимъ, будь всѣмъ рабъ и слуга, тогда будетъ доволенъ тотъ, кто смирился своею гордостью, и довольны будутъ тѣ, предъ которыми смирился. Еще училъ не жить праздно, быть всегда въ трудѣ, полезномъ самому себѣ и обществу. Если бы люди христіане поступали по его ученію, то были бы другъ другомъ довольны, не завидовали бы другъ другу, стали бы одинъ другого почитать и уважать и представляли бы себѣ, что мы всѣ равны, что всѣ мы сотворены по образу и подобію его.

Онъ училъ не лѣзть въ тайники его, которые отъ человѣка сокрыты, а просить у него просвѣтленія ума, на дѣла человѣку полезныя.

Онъ не училъ народъ тому, что вѣчные льды обрушатся, всколыхнутъ моря, а моря зальютъ землю, и народъ погибнетъ. (Это философія праздныхъ людей). Онъ народу сказалъ, въ послѣдній моментъ солнце померкнетъ, звѣзды спадутъ съ неба, и луна не дастъ свѣта; тогда онъ придетъ во славѣ своей судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ не училъ собирать земныя сокровища, а сказалъ,—легче верблюду пролѣзть сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство небесное. А человѣческое философство навело на мысль: имѣй больше денегъ, тебѣ всѣ будутъ подчиняться и будутъ у тебя рабами, а ты, какъ господинъ, будешь

жить праздно и будешь наслаждаться всѣми земными благами.

Россія страна христіанская, ее можно призвать къ единенію однимъ ученіемъ Христа, въ которомъ вся сила и мудрость. Мы въ данное время видимъ, что ученіе человѣческое къ единенію не приводитъ, а, напротивъ, вооружаетъ одного противъ другого, ставитъ одинъ другому преграды: для меня лучше я, а не ты, и это я проникаетъ уже въ народъ. Какъ могутъ люди сдѣлать равенство, когда выше себя, умнѣе себя, способнѣе себя, никого не признаютъ. Какъ могутъ люди любить другъ друга, когда одинъ другому подставляетъ ногу, чтобы онъ упалъ, а я бы стоялъ.

Нѣтъ по человѣческому ученію, никогда человѣчество не сумѣетъ достигнуть ни любви, ни равенства, а больше будетъ накоплять въ своихъ сердцахъ злобы и ненависти. Наука составилась изъ жизненнаго опыта, она должна облагораживать человѣческія сердца, а что же мы видимъ? совершенно другое: она создаетъ звѣря человѣка,—для него ничего не значитъ, отнять жизнь у другого. И не сознавать того, что тотъ имѣлъ такое-же право существовать, какъ и онъ... Напримѣръ, во время эпидемической болѣзни, хотя бы надвигающейся холеры, будетъ ли человѣкъ лечить больныхъ опасаяся, что онъ заразится самъ и умретъ. Нѣтъ, не будетъ лечить, а будетъ избѣгать, а если и согласится, то за большое вознагражденіе, памятуя хоть „часъ да мой“. А христіане должны это дѣлать по человѣколюбію, Не приходилось видѣть человѣка съ агрономической наукой, чтобы онъ своими познаніями отъ души подѣлился съ человѣкомъ, нуждающимся въ немъ; не приходилось видѣть техника, трудящагося и способнаго, чтобы онъ пособилъ своими познаніями ближнему; внести же въ жизнь растлѣніе—сколько угодно; а все это происходитъ отъ того, что отвергнуто ученіе Христа, и взялъ верхъ человѣческій самообманъ.

Христіанамъ слѣдовало бы, гдѣ бы они не учились—въ среднихъ ли, высшихъ ли учебныхъ заведеніяхъ, помнить ученіе Христа. Тогда бы лучше могли бы разбираться въ соціологіи...

Люди проводятъ время въ учебныхъ заведеніяхъ приблизительно до 28-ми лѣтняго возраста; въ концѣ учебнаго возраста остаются неучеными; это происходитъ отъ того, что они, учащіеся, и наставники ихъ, занимались во все время однимъ человѣческимъ мудрствованіемъ, а время то,—половина жизни,—потеряно напрасно: къ жизни человѣкъ не приспособился, спеціально не изучилъ ни юридической, ни медицинской, ни технической наукъ и т. д. Вышедши съ дипломомъ, воображая, что я ученый, оказывается—нѣтъ не ученый. Юристъ начинаетъ хитрить, беретъ въ защиту передъ судомъ правую и виноватую стороны, которая больше заплатитъ, ту и защищаетъ. Докторъ часто заблуждаетъ людей своимъ нахальствомъ; не понимая совершенно медицины, старается своими учеными окриками ихъ заблудить, — не такъ всталъ, не такъ прошелъ, не то съѣлъ, отъ этого поколѣваешь, и т. п.

Техникъ призванъ облегчить трудъ человѣческій, а онъ этому не наученъ, и старается пристроиться куда либо, каждое 20-е число получать побольше, и прожигать, имѣя въ виду, что жизнь скоротечна, успѣть бы въ ней насладиться всѣми земными благами, а на людей плевать, пущай ихъ ворочаютъ, какъ медвѣди и т. д. и т. д.

По вашей соціальной наукѣ, каждый бережетъ свою шкуру и набиваетъ свой мамонъ, а изъ этого пользы общей не выходитъ, и не можетъ выйти, нельзя ею проповѣдовать свободу, и равенство... Ученіе Христово учитъ свободѣ и равенству въ другомъ смыслѣ, которое не оскорбляетъ никого. Люди всѣ свободны, могутъ всѣ заниматься полезными дѣлами, и всѣ они между собою равны, потому что они сотворены по образу Бо-

жію, и должны жить въ мирѣ. Пущай живутъ народы по своей соціологіи и борятся между собою, и враждуютъ, какъ умѣютъ, у нихъ нѣту истиннаго ученія,— а намъ христіанамъ стыдно и грѣшно. У насъ есть истинное ученіе, идя по немъ правильно, люди не заблудятся, дорога вѣрная. Люди безъ ученія Христа никогда не устроются такъ, чтобы имъ жилося счастливо и въ довольствѣ; ихъ всегда будетъ разжигать духъ гордыни, и никогда они не могутъ любить другъ друга, а вѣчно будутъ ненавидѣть одинъ другого, и всегда будутъ враждовать одинъ на другого. А это уже не жизнь, а каторга. При такой жизни день будетъ казаться вѣчностью, нужно стремиться къ тихой и мирной жизни, а ея можно достигнуть, поступая по ученію, Христа.

Мастеровой *О. Т.*

Марта 26—1905. г.
М. К. Ж. Д. Станція Гривно.

Паразитизмъ и безработица.

Въ этомъ письмѣ я опять зову васъ въ мало изслѣдованную и извѣстную лишь по случайнымъ и пропущеннымъ черезъ тройную цензуру слухамъ—область русскаго рабочаго вопроса и жизни русскаго рабочаго человѣка. Мнѣ придется говорить сегодня о безработицѣ, а главное — по поводу ея. Мнѣ бы хотѣлось намекнуть только, какая чудовищная нелѣпость и какой чудовищный ужасъ скрыты въ этомъ примелькавшемся явленіи нашего общественнаго строя — безработицѣ.

Но, разъ навсегда, — одно необходимое замѣчаніе. Безработица—это голодъ и холодъ,—это больныя дѣти, умирающія отъ истощенія;—это измученное, скорбное лицо матери;—это страшный вопросъ, закравшійся въ душу человѣка: „неужели я ненужный и лишній здѣсь на землѣ?“;—это гнѣвъ и проклятіе, задавленные безсиліемъ; — это жизнь на улицѣ или въ гниломъ подвалѣ;—въ лучшемъ случаѣ—унизительное для рабочаго человѣка обращеніе въ „работный домъ“, или вынужденное нищенство, вынужденное преступленіе... Когда нибудь новый Верещагинъ найдетъ здѣсь матеріалъ для своей кисти и вдохновенія, по трагизму не только не уступающій войнѣ, а и превосходящій ее. Безработица широкой волной разлилась по Россіи. О ней сообщаютъ изъ Юго-Западнаго края, съ Волги, изъ Польши,

съ юга; изо дня въ день растетъ она въ самомъ Петербургѣ, въ Москвѣ. Тамъ и здѣсь голодные безпорядки. Почти повсюду отчаяніе голоднаго человѣка. Волна все выше. Для борьбы съ безработицей мы ничего не дѣлаемъ; я думаю, что при нашихъ порядкахъ — мы ничего и не можемъ сдѣлать. Кое-гдѣ принялись устраивать дешевые обѣды и раздавать опорки. Но нищета, конечно, не меньше, а все больше.

И все же я не зову васъ ни къ жалости, ни къ филантропіи. Въ этомъ вопросѣ ни жалости, ни филантропіи нѣтъ мѣста. Безработица — не случайность. Русско-японская война развѣ обострила ее тамъ и здѣсь, но не создала. Безработица — изъ нелѣпостей нашего общественнаго и экономическаго строя, изъ ихъ неправды, изъ ихъ неуваженія къ труду *). Съ ней нельзя бороться филантропіей. Или лучше: это будетъ такая же борьба, какъ ловля блохъ во время чумы (хотя блохи и распространяютъ чуму), какъ охота съ ружьемъ на саранчу, какъ усилія китайцевъ остановить солнечное затменіе ударами въ гонги, сковороды, выстрѣлами изъ пушекъ, дикими криками и воплями. Для меня все это ясно, какъ Божій день. И поэтому-то не зову я васъ къ филантропіи,—зову васъ къ одному— къ пониманію.

* * *

„Всякій производительный трудъ пролагаетъ дорогу новому труду“.

„Всякая творческая мысль (открытіе, изобрѣтеніе, не ставшія ни привилегіей, ни монополіей) вызываетъ примѣненіе новаго труда“.

---

*) Изъ его неорганизованности, конечно, прежде всего. Принципъ „отдѣльныхъ лицъ“ съ настойчивой логикой проведенъ въ нашей жизни. Всѣ члены общества вообще — считаются „отдѣльными людьми“. Всякій ихъ коллективный поступокъ почитается преступнымъ. И послѣ этого „Моск. Вѣд.“ отъ насъ хотятъ патріотическаго единодушія!

„Всякій производительный расходъ увеличиваетъ силу труда (и рабочаго сословія), всякій непроизводительный уменьшаетъ силу труда и создаетъ безработицу".

„Неизсякаемый источникъ силы труда—въ его организаціи. Раздѣльность ведетъ къ его частичной или общей смерти (кризисъ, безработица)",

Вотъ—къ какому пониманію зову я васъ. Слѣдовательно, вопросъ о безработицѣ сводится къ вопросамъ: „много или мало занимаемся мы производительнымъ трудомъ? Каково наше отношеніе къ творческой мысли и къ иниціативѣ? Производительны или непроизводительны наши общіе расходы. Есть ли у насъ организація труда и промышленности? Словомъ: къ чему стремится наша жизнь: къ поддержанію ли и развитію честнаго труда и честнаго работника, или паразитизма и всякаго рода паразитовъ?!

Если — паразитизма и паразитовъ, то величайшее соціальное зло—безработица—неизбѣжно и необходимо.

Посмотримъ.

* * *

Есть у насъ проповѣдникъ — своего рода русскій Массильонъ, кумиръ дамъ, дѣвицъ и „Петербургскаго Листка" — любимая мысль котораго въ томъ, что мы сами не умѣемъ жить, что мы сами повинны въ сѣрости и безцвѣтности нашего существованія; что надо намъ вотъ встряхнуться, любовно посмотрѣть вокругъ себя, внимательно и душевно отнестись къ меньшему брату, по человѣчески,—и сейчасъ же на нашей вербѣ зацвѣтутъ груши, а вмѣсто воронъ и галокъ на колокольняхъ будутъ сидѣть красныя райскія птицы и ярко-пестрые попугаи.

Вотъ изъ такого птичьяго пониманія дѣла и выходитъ проповѣдь филантропіи. Вотъ эти самые мечтатели о ярко-пестрыхъ попугаяхъ обратятся, конечно,

съ призывомъ о тарелкѣ супа и опоркахъ безработному меньшому брату. Но имъ, полагаю, и въ голову не придетъ спросить себя: — откуда же это голодный, безработный человѣкъ въ странѣ, гдѣ дѣла непочатый уголъ, гдѣ ничего не сдѣлано еще, гдѣ нѣтъ ни школъ, ни дорогъ, гдѣ даже климатъ надо устраивать, гдѣ только казенныя винныя лавки, какъ средневѣковые замки, возвышаются среди голодныхъ пустынь? А, вѣдь, ясно, что мастерская безработицы и безработныхъ здѣсь вокругъ насъ, — вездѣ. И не мы ее создали, и не мы повинны. И оттого, что мы будемъ стремиться къ красочному и ярко-пестрому, т. е. надѣнемъ зеленые фраки, красные штаны и пр.,—эта мастерская функціонировать не перестанетъ. Великолѣпно и прочно устроена она, и безраздѣльно, высасывая послѣдніе соки изъ нищаго населенія, работаютъ въ ней ея господа и владѣльцы— соціальный паразитизмъ и соціальные паразиты.

Ихъ много. Мнѣ думается, что изо дня въ день ихъ все больше и больше. Быть можетъ, ихъ и не больше числомъ, но аппетиты ихъ сильнѣе, ожесточеннѣе. Они на самомъ дѣлѣ высасываютъ изъ насъ лучшіе соки. И мы безсильны въ борьбѣ съ ними, ибо на ихъ сторонѣ не люди, не мошенники и мерзавцы, а великій соціальный законъ. Этотъ законъ говоритъ намъ, что чѣмъ *слабѣе* общественный организмъ, чѣмъ *пассивнѣе* онъ, *тѣмъ легче становится онъ добычей паразитовъ и хищниковъ.*

* * *

Великіе люди разныхъ странъ и народовъ давно уже занялись вопросомъ о паразитахъ, давно уже подраздѣлили ихъ на всякія категоріи и рубрики. Но я не стану тревожить тѣней Сенъ-Симона, Фурье, Консидерана... Я знаю, что въ наши дни даже старые, давно уже выжившіе изъ ума люди, влачащіе свое земное существованіе лишь по снисхожденію начальства и

благодаря плохо поставленному общественно-санитарному надзору, не любятъ старья. Наши дни живутъ иллюзіей, что они могутъ выдумать что-нибудь новое. Ну, что же?—„давай Боже нашему теляти волка поймати“, хотя лично мнѣ и кажется, что ничего-то мы не выдумаемъ, а въ лучшемъ случаѣ переведемъ кое-что съ иностраннаго. И еще хорошо, если сдѣлаемъ мы это съ толкомъ и безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ [1]).

* * *

О паразитахъ, конечно, всякій что-нибудь да слыхалъ—о разныхъ грибкахъ на растеніяхъ, о филоксерѣ на виноградѣ, о „домашнихъ насѣкомыхъ“ на человѣкѣ и т. д. Соціальный паразитъ по существу то же самое. Его задача—присосаться къ тому, что уже сдѣлано и приспособлено для человѣка трудомъ, и сообразно успѣху блаженствовать на лонѣ природы, или на теплыхъ водахъ—или въ трактирѣ „Бѣлый Медвѣдь“ съ какой-нибудь Шнейдершей „qui se gratte merveilleusement“, или m-le Елисаветъ Ивановна „qui se tient majestueusement“. Въ иныхъ странахъ его задача еще проще — присосаться къ государственному казначейству, къ разнообразнымъ кредитамъ и опять-таки блаженствовать, насвистывая гимнъ:

---

2) Возможно, что я ошибаюсь. Но мнѣ представляется очень нетруднымъ дѣломъ, путемъ простого сопоставленія текстовъ au regard, доказать, что со времени 60-хъ годовъ въ области идей не появилось ни одной, кромѣ идеи пролетаріата. Другія лица, другое настроеніе, большая масса чающихъ движенія водъ, но суть таже свобода слова, печати, союзовъ и пр. Мнѣ укажутъ на эстетическій индивидуализмъ нашихъ дней? Но, вѣдь, въ 60-хъ годахъ былъ живъ Герценъ, а его индивидуализмъ, его мысли, его геній—не чета „идеалистическому крючкотворству“ современниковъ. Идеализмъ опять старая новость. А въ 60-хъ годахъ его представителемъ былъ Юркевичъ (не говорю уже о Лавровѣ, возставшемъ на крайности матеріализма) и т. д.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый россъ...
Ты стыдливость только брось,
Смѣло въ золотѣ купайся.

Это—типъ паразита-хищника. Научно-дисциплинированный умъ постарается, конечно, найти въ такомъ обширномъ родѣ нѣсколько видовъ, подвидовъ и разновидностей. Этотъ обратитъ прежде свое вниманіе на привилегированнаго паразита-хищника, который никому ни за что не отвѣчаетъ. Онъ кровопійствуетъ просто потому, что такая ему указана линія, какъ кровопійствовали, напр., крѣпостные помѣщики добраго стараго времени. Это положеніе возбуждаетъ истинную зависть во всѣхъ ташкентцахъ и проказникахъ, тревожитъ по ночамъ ихъ покой, навѣвая горячечныя сновидѣнія, столь, однако, недосягаемыя, что несчастные озлобленно грызутъ подушку и ломаютъ свои руки въ безсильной ярости. — Дальше научно-дисциплинированный умъ отличитъ паразита кровожаднаго, который, ради присвоенія общественнаго труда и достоянія, готовъ рискнуть даже каторжными работами (на которыя онъ, впрочемъ, попадаетъ рѣдко за переполненіемъ всѣхъ мѣстъ мелкими преступниками). Въ этой разновидности есть много сходства съ кошачьей породой или съ породой хищныхъ птицъ. Когда-то про такихъ говорили: „Воръ, грабитель, разбойникъ,—но орелъ. Не подкрадывается, а налетаетъ“... Ну, орлиное время, очевидно, уже прошло. Разныя тамъ „шибко-большія убивайло и шибко большія умирайло“ остались лишь въ воображеніи китайцевъ. Мы такъ долго твердили фразу, что наше время—не время широкихъ задачъ, что и кровожадный паразитъ этому повѣрилъ. Разбои и грабежи уступили мѣсту мошенничеству. Открытое нападеніе—нападенію изъ-за угла или подлогу. Прямое воровство—фальсификаціи. Обираніе—систематической эксплоатаціи. Умеръ—доблестный Патроклъ!.. Даже на каторгѣ,

по замѣчанію Дорошевича, „геройскій духъ идетъ на убыль“. Каторга—и та все уже переводитъ на деньги. Человѣкъ, перерѣзавшій двадцать душъ изъ-за двугривеннаго, возбуждаетъ насмѣшки. Тому же, кто придушилъ младенца изъ-за двадцати тысячъ, — кланяются. Общая эволюція этой разновидности есть очевидное превращеніе паразита хищника карнифера—въ паразита стервятника.

...Паразитъ стервятникъ питается по преимуществу падалью. Преимущественно, но въ нашемъ обществѣ не исключительно. Чувствуя себя въ полной безопастности, онъ иногда вспоминаетъ свои прежнія воинственныя наклонности и дѣлаетъ нападенія. Но, конечно, жертву онъ выбираетъ слабосильную. Предпочитаетъ вдовъ, сиротъ, калѣкъ, особенно же тѣхъ, кто связанъ по рукамъ и ногамъ. Тогда онъ набрасывается рѣшительно и прежде всего выклевываетъ глаза, быть можетъ—даже для того, чтобы не видѣть въ нихъ затаеннаго, но никогда не забываемаго упрека. Особенно на руку стервятнику вышеприведенный соціальный законъ, что, чѣмъ общество пассивнѣе, чѣмъ оно невѣжественнѣе, чѣмъ меньше привыкло оно къ иниціативѣ, самодѣятельности,—тѣмъ легче становится оно добычей паразитовъ. Въ наиболѣе совершенномъ своемъ состояніи такое общество представляетъ собою или китайскую, или корейскую организацію. Хищнику здѣсь уже нечего и дѣлать. Здѣсь стервятнику—полный просторъ, раздолье, блаженство. Онъ даже и жрать-то самъ разучился—ему въ ротъ пищу запихиваютъ. Конечно, не всегда и не вездѣ предоставляютъ ему на растерзаніе потребное количество людей, оглушенныхъ, связанныхъ веревками, и малолѣтнихъ. Однако, онъ не такъ глупъ, чтобы растеряться. „Зачѣмъ,—спросилъ онъ себя,—всѣ эти веревки, дубины, метрическія свидѣтельства“? И внимательно осмотрѣвшись кругомъ, увидѣлъ на своей сторонѣ великую силу формальной правды, писаннаго

закона, который и по сей день, при извѣстной изворотливости ума, съ успѣхомъ замѣняетъ грубыя орудія невѣжественнаго времени. Іудушка Головлевъ — вотъ типъ этого паразита-стервятника.

* * *

Едва-ли безъ смѣха будущій историкъ разскажетъ о томъ, какъ послѣ цусимской катастрофы бюрократія, въ отвѣтъ на общее возмущеніе, образовала немедленно же коммиссію съ цѣлью выработать мѣры для моментальнаго (не больше ½ минуты) потопленія броненосцевъ, — или, какъ продолжала она управлять Квантуномъ послѣ ея захвата японцами, или о томъ, какъ мѣняла она пуговицы и нашивки въ грозныя минуты исторической жизни народа.

Впрочемъ — punctum. Все, что можно было сказать о бюрократіи, сказано. Надъ ней смѣются, ее проклинаютъ, къ ней взываютъ, ее ненавидятъ. Ей только весело и только растетъ ея жадность. Разговаривать съ ней тоже, что съ идоломъ. И только для того, чтобы закончить параграфъ, прибавлю нѣсколько словъ.

Бюрократія хочетъ, разумѣется, того, чтобы мы ее слушались. Какъ начальство, какъ власть—ничего другаго она и хотѣть не можетъ. Ея самоувѣренность доказываетъ, что она считаетъ свою организацію совершенною.

А между тѣмъ, нѣтъ такой мерзости, которой она не допустила бы внутрь самой себя, въ свой собственный механизмъ.

Круговая порука взаимнаго шпіонства и доносовъ, протекція, какъ принципъ, хищеніе, взятки, неслыханное невѣжество и лѣнь – все, что тамъ цвѣтетъ и процвѣтаетъ. Но больше всего цвѣтетъ и процвѣтаетъ угнетеніе слабаго, своего же брата чиновника.

Бюрократія собственно—это верхъ, что кронка. Это очень и очень небольшая камарилья. Но ея родствен-

ники, друзья дома—безчисленны. Ниже идутъ мулы, на которыхъ ѣздятъ, выѣзжаютъ и которыхъ заѣзжаютъ.

Низшіе слои нашего человѣчества — нищіе въ кокардахъ. Это безсловесные и безмолвные рабы. Это люди достойные сожалѣнія и даже состраданія. Грошевое жалованье, постоянныя униженія, дерзкое и наглое высокомѣріе старшихъ, полная необезпеченность—вотъ что видятъ они за свое „усердіе“. Все время живутъ они подъ угрозой нищеты и третьяго пункта, живутъ и молчатъ...

Впрочемъ и они—эти мулы, заговорили послѣднее время по примѣру ослицы валаамовой. Робко, недружно, очевидно трепеща за свое мѣсто, попытались они заявить, что они тоже люди, тоже имѣютъ личность, хотятъ „вѣжливаго обращенія“, законности, сколько-нибудь можнаго содержанія... Изъ этого пока не вышло ничего, но положеніе нижней бюрократіи ясно. Оно тоже невыносимо и хорошо лишь тому, у кого есть протекція, т. е. кто такъ или иначе связанъ съ камарильей.

Обезпеченіе—ничтожно. Сносное содержаніе въ судебномъ вѣдомствѣ начинается съ мѣста прокурора или предсѣдателя суда, въ учебномъ — директора, въ канцеляріяхъ—начальника отдѣленія, и т. д. Остальные пребываютъ въ черномъ тѣлѣ.

Конечно теплыхъ мѣстечекъ сколько угодно. Но они—для родственниковъ, глядя на успѣхи которыхъ сослуживцы только щелкаютъ зубами.

Мнѣ нечего доказывать и указывать. Каждый день, въ любой газетѣ вы можете прочесть статьи о положеніи низшихъ желѣзнодорожныхъ, почтово-телеграфныхъ, канцелярскихъ и иныхъ служащихъ.

Плантанціи, да и только! На рабахъ вся тяжесть работы и отвѣтственности, а хозяева обираютъ куши и умѣютъ доводить свое штатное содержаніе, скажемъ, въ 10 тысячъ рублей до 40—50, а при удачѣ связяхъ и совмѣстительствѣ—и больше...

Если случится прорѣха, бѣда, гибель народнаго выколоченнаго милліона, то виновными оказываются или крамола, или „стрѣлочники“. Въ лучшемъ случаѣ— „другое вѣдомство“, по мнѣнію котораго виновато третье.

Словомъ, бюрократія внутри себя организована по образцу крѣпостного состоянія. Ея мечта, достаточно откровенно высказанная г. Витте въ его запискѣ о самодержавіи и земствѣ — также организовать и общество.

...И такихъ-то вотъ „отцовъ“, мы - дѣти, должны почитать!

* * *

За непроницаемой завѣсой своей канцелярской тайны и разнузданныхъ мѣропріятій противъ гласности бюрократія скрыла нѣкоторую свою сущность *). Эта негосударственность и негосударствованіе, какъ говорятъ литературные и ученые хамы... Это—паразитизмъ и хищничество.

Подъ напоромъ военныхъ неудачъ каждый Божій день вскрывается что нибудь такое, отчего волосы становятся дыбомъ, на душѣ зарождается злой смѣхъ и невольно спрашиваешь себя: „на кого-же работаетъ Россія?..“

На г. Безобразова? На г. Александровскаго? На адмираловъ, которые обучаются плаванію въ тихихъ водахъ бассейна сорока-копѣечной бани? На тѣхъ, кто грабитъ въ тылу арміи? На генераловъ, справляющихъ свой медовый мѣсяцъ между Ляояномъ и Мукденомъ? На эти тысячи коренного дворянства, знающаго, что казна ихъ выручитъ, отсрочитъ взносы, проститъ недоимки, дастъ такую ссуду или такой кусокъ черноморскаго побережья, что даже невинный младенецъ восклицаетъ: „человѣкъ! шампанскаго!“? На намѣстничества и кан-

*) Степень этой сущности предоставляю опредѣлять читателю.

целяріи несуществующихъ областей? На комиссіи, вырабатывающія проектъ быстрѣйшаго потопленія флота? На флагмановъ потопленныхъ судовъ?

Господи... да на кого-же?

Мы работаемъ и хотимъ работать. Мы работаемъ плохо, нелѣпо, безъ толку; вся Россія не имѣетъ права на производительную и творческую работу. Ей предоставлена лишь черная, да и то съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы г-ну Безобразову, Абазѣ и К° изъ каждаго рубля — девять гривенъ. Мы всѣ—нищіе; за то „каждая поѣздка г-на Безобразова на дальній Востокъ обходилась въ 50,000 рублей",—за то „въ Владивостокъ выписывались вагонами цвѣты изъ Ниццы для поддержанія представительства", — за то „изъ отдѣльныхъ генеральскихъ поѣздовъ раздавались мелодичные звуки фортепіано", — за то наши спасители отечества получаютъ кто 150 тыс., кто 120, кто 100 жалованья въ годъ, въ то время какъ Ояма—9,000, Ноги до взятія Портъ-Артура 5,300 р., а послѣ взятія 5,375 р...

Оно, конечно, можно хвастать, что у насъ генералъ сидитъ на генералѣ и генераломъ погоняетъ, что мы великій народъ, безъ участія котораго не обходится даже такое международное преступленіе, какъ усмиреніе критянъ, что у насъ есть еще тысячи на прогоны будущимъ представителямъ Россіи на мароккской конференціи... Но не похоже ли это на хвастовство китайскихъ чиновъ, которымъ европейцы „салютовали въ 1901 г. изъ осадныхъ и скорострѣльныхъ пушекъ?"

На кого мы работаемъ?

Разъ существуютъ теплыя мѣстечки, привилегія рожденія, протекція, дворянскій банкъ, послабленіе котораго гг. дворянамъ приводитъ въ негодованіе даже г. Гурьева, совмѣстительство, практикуемое какъ извѣстно въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что человѣкъ фактически и физически не можетъ работать—это ясно.

Мы работаемъ—на паразитовъ.

Дальше.

Разъ существуютъ авантюры Безобразовыхъ, Павловыхъ, Александровскихъ, разъ отовсюду несется крикъ: „караулъ, грабятъ!“, разъ на путейцевъ-чиновниковъ сотнями сыплются обвиненія во взяточничествѣ, разъ воинскія присутствія освобождаютъ отъ повинности „по таксѣ“, разъ на казенныя, виноватъ — на народныя деньги основываются предпріятія съ цѣлью распродажи казенныхъ же земель (напр., на сѣверо-востокѣ Сибири) разъ милліоны десятинъ башкирскихъ, киргизскихъ земель и черноморскаго побережья разобраны разными „родственниками“ и „друзьями дома“,—то возникаетъ тревожный вопросъ: Не работаемъ ли мы и на хищниковъ?

Паразиты и хищники, хищники-паразиты, паразиты-хищники—вотъ они герои дня. Вотъ чья дѣятельность таится подъ непроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны, вотъ кому прежде всего нужна наша черная, каторжная работа, потому что, только забитые и оглушенные этой черной, каторжной работой, этой своей нищетой и вынужденнымъ невѣжествомъ, мы до той поры, не понимая ничего, равнодушно допускали все это!

Милліоны на поддержаніе паразитизма, милліоны на поддержаніе тишины и спокойствія, милліоны на поддержаніе того порядка, который, развивая чудовищные аппетиты хищниковъ, забиваетъ въ гробъ народныя силы и заставляетъ даже благонадежныхъ людей махать рукою:

— Э! да чортъ съ нимъ, пусть пропадаетъ все...

Кому на самомъ дѣлѣ нужны безобразовскіе притоны и комиссіи скорѣйшаго потопленія броненосцевъ?..

Въ интересахъ труда, народнаго труда и народнаго творчества съ этимъ не мѣшало бы покончить, покончить прямо и рѣшительно...

* *
*

Ищутъ талантовъ, говорятъ объ оскуденіи талантовъ, выдумываютъ для самоутѣшенія таланты, пока японцы не покажутъ, что имя-рекъ не талантъ, а чучело,—и газетныя разоблаченія не объявятъ несравненнаго—„несравненнымъ грабителемъ“, который, пародируя Генриха IV-го, говоритъ:—хочу чтобы во щахъ моихъ подчиненныхъ каждый день былъ червякъ, а у меня—курица.

Если не находятъ талантовъ, то очевидно потому, что ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ... А гдѣ ихъ искать—не знаю; только... почему-то назойливо вспоминаются слова Достоевскаго — на каторгѣ у насъ собирается все самое живое, даровитое и энергичное, что только есть въ русскомъ народѣ.

Не поискать ли—правда—и тамъ?..

Паразитарно-хищническій строй, опирающійся на полицейское держи, тащи и не пущай, держи всякаго, кто говоритъ, тащи всякаго, кто дерзаетъ, и не пущай никого, кто хочетъ быть собой и работать по своему,—требующій отъ человѣка лишь связей и свидѣтельства о благонадежности—изъ своей среды таланта выдѣлить не можетъ. Если онъ и выдѣлитъ что-нибудь, похожее на талантъ, то, именно, только похожее — пронырливое, лицемѣрное и интригующее сразу на всѣ четыре фронта, въ родѣ...

Ну, конечно, дѣло тутъ не въ именахъ.

Дѣло прежде всего въ строѣ, въ системѣ покровительства своимъ и въ искусственномъ подборѣ людей, которые не выносили бы сора изъ избы и держались бы начала рука-руку моетъ.

* *
*

Но оставляю въ сторонѣ всѣ эти слишкомъ хорошо извѣстные факты и имена, не сходящіе со столбцовъ

нашихъ газетъ и уклоняюсь на минуту въ область теоріи. Прежде всего вопросъ:

— Что есть паразитъ?

Даже популярнѣйшія статейки по естествознанію рисуютъ не лишенную интереса картину его жизни‘ страданій и радостей.

Прежде всего опредѣленіе: „Паразитизмъ на лицо, когда одно животное, обитая снаружи или внутри, въ органахъ, или тканяхъ тѣла другого животнаго, большею частью принадлежащаго къ другому классу, питается его соками и является въ отношеніи къ нему вреднымъ“.

Наши общественно-государственные паразиты подъ это опредѣленіе, конечно... подходятъ. Но сейчасъ же начинается нѣкоторое разногласіе съ естествознаніемъ:

„Животное, въ тканяхъ или органахъ котораго поселяется паразитъ, называется обыкновенно хозяиномъ послѣдняго“.

Странно, нелѣпо, но почетное имя хозяина носятъ у насъ если и не всегда, то во многихъ и многихъ случаяхъ именно самые паразиты. Жаль только, что это не просто лингвистическое недоразумѣніе.

Затѣмъ опять согласіе:

„Паразитизмъ неминуемо влечетъ общее упрощеніе строенія организма путемъ атрофіи ненужныхъ болѣе и потому не употребляемыхъ органовъ“.

Наше водяное вѣдомство, разные флагманы, командиры и пр. могутъ здѣсь извлечь поученіе изъ примѣра такъ называемыхъ „веслоногихъ“. Именно:

„Веслоногіе хорошіе пловцы... Роды веслоногихъ Corycaeus, Sapphirina и нѣкоторые другіе, составляющіе переходы отъ свободно живущихъ и самостоятельно добывающихъ пищу веслоногихъ къ паразитическимъ, еще плаваютъ, но задніе усики у нихъ уже превратились въ крючки для прикрѣпленія на кожѣ хозяина (NB. Къ порту, въ совѣтъ, въ коммиссію и пр.), а гры-

зущіе органы рта измѣнились въ колющіе и сосущіе".

Ахъ какъ нехорошо! А дальше еще хуже: „у рода Caliquus, уже откровенно паразитствующаго, тѣло плоское, щитовидное, съ укороченными костями, совсѣмъ уже непригодными для плаванія; ротовые органы превращены въ сосательную трубку (!)".

Даже и это не конецъ морскаго ценза: „у рода Chondrachantus изъ ногъ сохранились лишь двѣ переднія пары грудныхъ"... наконецъ, родъ Zernaea имѣетъ червеобразное даже несегментированное тѣло и вмѣсто передней его части лишь корневидные отростки, которыми паразитъ внѣдряется въ тѣло хозяина"...

Вотъ до чего могутъ дойти... веслоногіе, а вѣдь это ихъ полный „цензъ".

Внутри не лучше, чѣмъ снаружи. „Нервная система паразитическихъ веслоногихъ состоитъ лишь изъ гангліозной массы... сердце у нихъ исчезаетъ, зато кишечникъ и половыя желѣзы достигаютъ у нихъ громаднаго развитія".

Мы достигли пункта, гдѣ сосредоточены всѣ радости паразитовъ, какъ водяныхъ, такъ и сухопутныхъ. Недаромъ же г. Гинцбургъ подъ видомъ казеннаго груза доставлялъ цѣлые пароходы гейшъ въ разные порты и крѣпости.

„Въ замѣнъ подвижности — продолжаемъ популярнѣйшее естествознаніе — и остроты чувствъ у паразитовъ надо всѣмъ берутъ перевѣсъ двѣ функціи — питаніе и размноженіе, но и задача питанія въ сущности сводится къ накопленію пластическаго матеріала для выработки возможно большаго количества половыхъ матеріаловъ... Такъ ленточныя глисты"...

Мнѣ даже неловко. Дѣло невѣдомо какъ доходитъ до какихъ-то невѣдомо откуда взявшихся намековъ и прямо до непристойности, хотя бы въ разсказѣ о паразитствующихъ ракообразныхъ (т. е. двигающихся вспять

и никогда впередъ)... Эти ракообразные „принимаютъ чрезвычайно мелкіе размѣры и постоянно живутъ на тѣлѣ своихъ самокъ“...

Такова радость паразита. Вы видите, какъ природа все укорачиваетъ и укорачиваетъ его, лишаетъ подвижности, обращаетъ его ротъ въ насосъ, отнимаетъ сердце и ужь, конечно, мозгъ, ибо зачѣмъ мозгъ разъ вся задача—прицѣпиться и сосать. Вся радость въ половой жизни и дѣятельности кишечника.

А горе?..

Горе, если истощенный, высосанный хозяинъ умираетъ. Тутъ уже ничего не подѣлаешь, если судьба не пошлетъ другого, хотя бы и менѣе податливаго...

* * *

Полагаю, что ни сухопутные, ни водяные паразиты на меня не обидятся. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти нравоучительныя вещи я разсказалъ совсѣмъ не въ видахъ направленія, а просто для установленія слѣдующихъ истинъ:

1) паразитъ только высасываетъ сокъ,

3) паразиты размножаются съ невѣроятной быстротой,

3) аппетитъ ихъ ни границы, ни мѣры не знаетъ.

Такъ говоритъ естествознаніе. А наша жизнь—развѣ говоритъ что-нибудь другое?

* * *

... Высказываются разныя мнѣнія. Напр.: „Россія больна“, или „Россія отравлена“, или „Россія находится въ эпилептическомъ припадкѣ“ и др.

Однимъ какимъ нибудь афоризмомъ Россію, точно шапкой, прикрыть трудно.

Но это заманчиво. Позволю себѣ выраженіе дерзкое, за которое заранѣе прошу меня извинить.

Мнѣ кажется, что Россія обовшивѣла. На ея огромномъ, рыхломъ, мало подвижномъ тѣлѣ появилась эта страшная болѣзнь и она дѣлаетъ судорожныя усилія,

чтобы избавиться отъ нея. Паразитъ плодится и множится съ быстротой гнили и плѣсени, высасываетъ лучшіе соки, даже всѣ соки и если судорога не приведетъ ни къ чему—онъ не выдержитъ.

Мы хотимъ работать. Но не для Безобразовыхъ.

Мы можемъ работать.

Но жизнь заставляетъ или опустить руки или бастовать. Ту черную, каторжную работу, которую единственно предоставила намъ бюрократическая клика, — мы переросли. Намъ нужна работа, потому что въ душѣ нашей таится мысль, что тотъ кто не работаетъ, не имѣетъ права жить. Но нужна работа осмысленная, чтобы мы знали на кого и для чего.

— Работайте... Сдѣлайте ваше одолженіе — скажетъ наглая и ироническая бюрократія. Только въ предѣлахъ нашихъ распоряженій и циркуляровъ—при непремѣнномъ условіи, чтобы 90 копѣекъ съ рубля шли на потопленіе флота и его возсозданіе...

Ну—это пора оставить. Подсказываютъ, что около 400 милліоновъ лежатъ уже на днѣ моря. Да, что четыреста милліоновъ! Куда вообще дѣвается нашъ двухъ-милліардный бюджетъ? Мы видимъ его только на бумагѣ, а въ жизни онъ не чувствуется, потому хотя-бы, что изъ тысячи крестьянъ только одинъ грамотенъ (0.09,%).

Милліонъ на паразитовъ и хищниковъ и „пятиалтынный“ на просвѣтительныя цѣли и памятникъ Пушкину и др., какъ хотите—неравномѣрно. Лично высказываюсь за распредѣленіе наоборотъ.

Въ насъ всегда жила честность. Она непремѣнно живетъ въ человѣкѣ, который ѣстъ свой хлѣбъ. Но эта честность была пока пассивна. Какъ никакъ она удовлетворялась сознаніемъ, что „я ѣмъ свой хлѣбъ“.

Пережитыя нами невзгоды и бури, великіе моменты энтузіазма, когда мы такъ радостно (и такъ, увы!—безуспѣшно) шли навстрѣчу возрожденію, обратили пас-

сивную честность въ активную. Уже мало того, чтобы „я ѣлъ свой хлѣбъ“. Пусть каждый тоже ѣстъ свой хлѣбъ. И пусть этотъ хлѣбъ будетъ „святымъ хлѣбомъ равенства“, какъ его звали когда-то.

Облѣпившіе народный организмъ, паразиты возбуждаютъ отвращеніе. Ихъ многочисленность—ужасъ. Ихъ наглость и самоумѣренность — негодованіе, быть можетъ,—жажду мести, во всякомъ случаѣ—суда. И я слышу тамъ и здѣсь это сдержанное еще: „подъ судъ“!..

А отъ „подъ судъ“ до á la lanterne—недалеко.

Вы знаете до чего дошло дѣло?

Съ одной стороны при выколачиваніи податей происходитъ такая сцена: „Старшина описываетъ за недоимки свинью, кое что изъ домашняго скарба и требуетъ топоръ... Жена недоимщика валяется въ ногахъ, умоляя подождать до весны. Но старшина въ отвѣтъ на вопли бабы ударилъ ее головой о стѣну. Женѣ недоимщика пришлось лечь въ больницу“.

Это съ одной стороны... Съ другой, какъ ниже пишутъ въ газетахъ: „Урядникъ потребовалъ, чтобы крестьяне за подмоченную муку его купцовъ пріятелей, платили по 65 коп., а не 20 к., грозя въ противномъ случаѣ „явиться на другой день съ казаками“...

Это наши будни. Описывается послѣдній топоръ и уже урядники грозятъ казаками...

Казаки и казаки...

И опять вопросъ: для кого все это? Во имя какой идеи? Во имя какой необходимости?

Можетъ быть, думаютъ, что казацкая аргументація настолько неотразима, что она паразита и хищника заставитъ на самомъ дѣлѣ признать хозяиномъ?

Не спорю. При пассивномъ состояніи умовъ нѣтъ аргументаціи болѣе неотразимой.

Но—при активномъ?..

Письма къ Виргиліи.

I.

Дорогая Виргилія!

Я долго не отвѣчалъ Вамъ на Ваше письмо, гдѣ Вы говорите о Россіи, стоящей надъ бездной. Слишкомъ трудно разобраться въ шумѣ и грохотѣ современныхъ событій, словъ и стремленій. Но сегодня, открывъ газету, я наткнулся на фактъ, отъ котораго вздрогнула моя душа и я невольно взялся за перо.

Фактъ простой, обычный. Это даже не новый подвигъ одного изъ нашихъ придворныхъ генераловъ, не новый милліонный грабежъ, не новая кровавая вакханалія охранителей. Это почти будни. Но что то страшное, полное ужаса есть въ этихъ будняхъ.

Вотъ поразившія меня газетныя строки подъ заглавіемъ: „можетъ ли это быть?“:

„Недавно разсказывалось, что въ одинъ прекрасный день на смоленскомъ кладбище былъ усмотрѣнъ повѣсившійся на могилѣ своей матери рабочій.

„Смерть его прошла незамѣченной, и, конечно... что въ ней особеннаго?..

„Однако на этотъ разъ хроникеръ написалъ нѣсколько больше. Онъ прибавилъ нѣсколько словъ объ оставленной самоубійцей запискѣ, гдѣ покойный выясняетъ „мотивы“, заставившіе его раньше времени проститься съ этимъ лучшимъ изъ міровъ.

Эту записку, этотъ документъ нужно занести въ исторію рабочаго движенія, какъ яркое свидѣтельство о современномъ рабствѣ трудящихся. Если бы у насъ былъ музей труда, я помѣстилъ бы ее въ этотъ музей: пустъ тѣ, которые станутъ жить послѣ насъ, узнаютъ, какъ жилось у насъ рабочему.

Но... можетъ ли быть, можетъ ли это быть... Рабочій умеръ оттого, чго ему нигдѣ не давали работы *за участіе въ рабочемъ движеніи въ качествѣ депутата въ комиссіи Шидловскаго.* Съ того момента, какъ онъ былъ избранъ депутатомъ, его прогнали съ завода, гдѣ онъ работалъ, и потомъ, куда онъ ни нанимался, его разсчитывали тотчасъ же по поступленіи, камъ „замѣшаннаго въ политическомъ преступленіи". Его довели до голода; онъ жилъ на улицѣ, потому что полиція грозила выслать его „на родину", а на родинѣ у него—ни кола, ни двора. Такъ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, больной, убитый сознаніемъ своей ненужности, страдая отъ отсутствія труда—и повѣсился".

Авторъ этихъ строкъ очевидно, растерялся и конецъ его замѣтки пестритъ вопросами и криками: „но что же это такое? можетъ ли это быть?... Гдѣ же охрана депутатовъ?.. Гдѣ же элементарныя начала гражданскаго права?.. Гдѣ наконецъ человѣчность?.. Это что то дикое; разумъ *не можетъ* мириться съ возможностью подобныхъ явленій".....

Не можетъ?.

Разумъ видитъ всю закономѣрность, „подобнаго явленія" въ нашей жизни. Но „весь человѣкъ" чуетъ его чудовищность. Меня поразила и интимная подробность, что человѣкъ повѣсился на могилѣ своей *матери* и какъ живаго вижу я самоубійцу съ грязной, мокрой веревкой въ рукахъ, найденной гдѣ нибудь на свалкѣ возлѣ кладбища и его свѣтлые, совсѣмъ прозрачные отъ голода глаза. Онъ дошелъ до послѣдняго, до чего можетъ дойти человѣкъ и все же—посмо-

трите—онъ пишетъ записку, чтобы дать новую пощечину нашему изворовавшемуся, опозоренному государству.

И этой новой пощечины, какъ впрочемъ и прежнихъ,--смыть нельзя...

Я вернусь еще къ мокрой веревкѣ, къ повѣсившемуся, къ могилѣ матери. А теперъ о вашемъ письмѣ.

„Россія на краю бездны"—пишете вы.

Есть разсказъ о томъ, что въ древнемъ Римѣ разсѣлась однажды земля: открылась бездонная пропасть, угрожавшая поглотить весь городъ. Какъ ни трудились, какъ ни старались поправить бѣду—ничто не удавалось. Тогда обратились къ оракулу: оракулъ отвѣтилъ, что пропасть закроется, когда Римъ принесетъ ей въ жертву первую свою драгоцѣнность. Извѣстно, что затѣмъ послѣдовало: Курцій первый гражданинъ Рима, доблестный изъ доблестныхъ бросился и она закрылась".

Злой духъ римской пропасти не былъ жестокъ: онъ удовлетворился однимъ Курціемъ. Наша пропасть беретъ ихъ ежедневно десятками и сотнями и не только не закрывается, а какъ будто все шире, все требовательнѣе. Не хочетъ ли она на самомъ дѣлѣ *всей* Россіи?

И что я скажу, если оно дѣйствительно такъ? . .

. . . . . .

Какъ—то въ сумерки, глухія холодныя сумерки, я шелъ по какой-то улицѣ недалеко отъ новодѣвичьяго монастыря, направляясь на одно изъ засѣданій одного изъ отдѣленій... Но засѣданіе было еще не скоро и мы зашли въ грязненькій трактирчикъ, гдѣ, какъ замѣтилъ еще Достоевскій, такъ хорошо и думается и говорится. И мы разговорились. Мы оба интеллигента, оба пролетаріи, разница лишь въ томъ, что по какой-то нелѣпости, я за работу въ 10 разъ легче получаю въ 15-20 разъ больше, чѣмъ спутникъ. Но и у него и

у меня нѣтъ завтрашняго дня, нѣтъ собственности. Мы оба пролетаріи. Въ одну глупую минуту, я задумалъ, какъ-то копить и внесъ лѣтъ десять тому назадъ, въ ссудо-сберегательную кассу. Такъ мой рубль и лежитъ. Процентовъ, полагаю, накопилось на него милліонъ. Это вся моя собственность и мнѣ обидно, что г. Шидловскій не считаетъ меня рабочимъ. Если я не рабочій въ полномъ смыслѣ этого, то все же—я пролетарій и другихъ чиновъ и званій я не имѣю.

Намъ говорилось въ этомъ грязненькомъ трактирѣ... И я услышалъ неожиданныя рѣчи...

- Знаете Е. А. - началъ мой спутникъ, на-дняхъ какой-то шампиньонъ (NB. шпіонъ) или каналья какая изъ вашей пищущей братіи, обожравшійся трюфелью на банкетахъ по рабочему вопросу, упрекалъ меня въ нелюбви къ отечеству, „Тутъ, молъ, Японія къ стѣнѣ прижимаетъ а вы мутите... Вѣдь всякая ваша забастовка на театрѣ военныхъ дѣйствій отражается и можетъ отразиться... Вы бы пообождали“. Потомъ началъ что-то о колесѣ исторіи.. Я на него плюнулъ, а слова запали въ душу... Хоть человѣкъ то который ихъ сказалъ, прямо говоря, св-чь...

Только говорю слова его мнѣ въ душу запали. Вѣрите всю ночь не спалъ и спрашивалъ: „да неужели то я родинѣ своей врагъ, да неужели не люблю я ее?.. И вотъ стыдно мнѣ, а вамъ скажу, люблю я ее, и деревушку свою люблю, и оврагъ съ ручьемъ помню, и избушку свою покосившуюся. Глупость все это, необразованность моя проклятая, ну, да авось сынишка подрастетъ, другое удумаетъ... А вѣдь я еще лишь на половину изъ-подъ земли выросъ... И вотъ люблю я ее, Россію. Только разлюбила она меня. И не ненависть у меня къ ней, и не вражда, а только раздраженіе... Да что мы люди что-ли или скоты какіе?.. Вѣдь слова сказать не даютъ, сейчасъ въ рожу, издѣвательство или нагайка... Вѣдь мы все помнимъ, каждый рубецъ помнимъ.

Помнимъ, какъ нашихъ женъ и матерей лупили въ 1901 году на Казачьемъ... И вотъ злоба.. За что? Что мы говорить хотимъ, что намъ больно за нашихъ дѣтишекъ, которыя мрутъ, какъ мухи?.. Что съ нами дѣлаютъ все, что хотятъ?.. Вѣдь еще осенью таскали въ участокъ нашего брата, ежели у него какая газета въ рукахъ, кромѣ полицейскихъ, или-тамъ листка какого-то помойнаго. Коли мы скоты, такъ и поступай съ нами, коли сможешь, какъ со скотами: дай местерамъ плеть въ руки, въ кандалы закуй, изъ корыта корми. Коли сможешь. А не сможешь, признай насъ людьми и говори съ нами по-человѣчески... И вотъ, говорю я вамъ, всю ночь не спалъ. И когда вспоминалъ всю эту зубатовщину, всѣ полученныя зуботычины, всѣ эти обманы, издѣвательства... злость душила, давила за горло, и, кажется взялъ бы и разорвалъ бы ее матушку Русь... Вѣдь черная кровь въ душѣ у меня застоялась... Вѣдь изъ нашего брата сколько сыщиковъ понадѣлали. Сколько народу растлили... А не могу разорвать.. Люблю я Россію...

Читалъ я какую-то книжку, гдѣ такъ просто, такъ задушевно, разсказывается о томъ, какъ хорошіе русскіе люди, ну, тамъ Герцены, Добролюбовы, о родинѣ хлопотали... И-какъ они возликовали, когда Россія разорвала на себѣ крѣпостныя цѣпи и, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, освободила мужика съ землей... Правда, землица оказалась болото, да суглинокъ... А все же могла она, хоть на минуту, вдохновеніе въ себѣ найти? А? Такъ неужели не сумѣетъ она теперь сдѣлать, только посерьезнѣе и въ рабочемъ вопросѣ, и въ другихъ?.. Да проснись же ты, родимая, до послѣдняго мужика... Дай ты намъ полюбить тебя, свободную, милую, безъ барина и безъ урядниковъ... Выслушай ты насъ!“..

Онъ задыхался... И вдругъ лицо его стало сумрачно. Что-то темное мелькнуло въ глазахъ. Должно быть,

что то воспомнилось... Черная кровь пробѣжала по жиламъ. . . . . .

Этотъ крошечный эпизодъ моей жизни и эти слова вспомнились мнѣ, когда я спросилъ себя: „а что если *оно и дѣйствительно такъ*“..

Жестокой полицейской насмѣшкой, „юморомъ„ участка и кулачной расправы звучитъ въ ушахъ современника излюбленное распоряженіе: выслать *на родину*. На родину... Куда? Въ уѣздный городишко, гдѣ еще гадаютъ по Мартыну Задекѣ или въ раззоренную деревню?..

Какой нибуть полицейскій чинъ изъ старшихъ унтеровъ или битый голубой чинъ—просто, до ужаса просто пишутъ эти проклятыя слова „выслать на родину“ и не только тысячи, а десятки тысячъ людей, въ большинствѣ случаевъ молодыхъ и сильныхъ идутъ туда—въ это проклятое мѣсто, гдѣ ждутъ пришедшаго—голодъ и холодъ, недовѣріе, надзоръ, произволъ урядника и исправника и весь ужасъ безработицы и безнадежности.

Павелъ I если и проявилъ въ чемъ сумбуръ своей слабой пользы, то ужъ никоимъ образомъ не въ запрещеніи употреблять слово отечество. Вмѣсто него было приказано говорить „государство.“

Наше государство—только полицейская организація.

И съ какого конца ни подойдете вы къ вопросу, вездѣ тоже. У русскаго человѣка нѣтъ отечества, есть только родина, куда высылаютъ *по этапу*..

Какъ и за что любить... этапъ?

Я понимаю Григорія Иванова, который вмѣсто того, чтобы отправиться на родину, повѣсился на могилѣ у матери. Онъ своеобразно разрѣшилъ вопросъ о любви къ отечеству,—во всякомъ случаѣ не хуже того запаснаго, которой неожиданно для себя очутившись славнымъ манчжурскимъ воиномъ „полнымъ· одушевленія и рвущимся въ бой“ (какъ пишутъ наши собственные

корресподенты)—первымъ дѣломъ спросилъ у встрѣчнаго:

— Землякъ, а гдѣ тутъ *плѣнъ?*

Въ тѣ счастливые для г—на П. Струве дни, когда онъ никого еще не „освобождалъ“ по тверской программѣ—у него вылились такія строки:

„Мы живо любимъ нашу родину и нашъ народъ. „Мы любимъ родину, какъ дитя любитъ мать. Прекрасное сравненіе. Оно у всѣхъ на устахъ, всѣмъ сродни. Но родина намъ не только мать. Она въ такой же мѣрѣ—наше дитя. Мы въ сознательной и безсознательной жизни, духовно и матеріально, одно поколѣніе за другимъ, творимъ и растимъ нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаемъ ее тѣло, своими стремленіями и помыслами мы напояемъ ея душу. Мы творимъ ея живую и вѣчно мѣняющуюся ткань. Въ разной мѣрѣ, но всѣ безъ исключенія, мы повинны этой творческой работѣ. Все это не пустая игра словъ и не мистическія бредни. Въ нашемъ отношеніи къ родинѣ сливаются двѣ стихіи—созидающая и дающая, охраняющая и воспринимающая, пророчество и воспоминаніе.

Мать-дитя. Въ этомъ символѣ разгадка мучительно-искреннихъ споровъ о томъ, что любить въ родинѣ: дѣйствительность настоящаго дня или мечту о завтрашнемъ, спокойствіе существующаго или бурю и натискъ идущаго ему на смѣну будущаго. Мать держитъ насъ въ рукахъ, даетъ намъ приказанія, дитя слушается насъ и во всякомъ случаѣ хочетъ оно того или не хочетъ, живетъ и растетъ подъ нашимъ вліяніемъ...“

Я бы не сказалъ живетъ и растетъ, а сказалъ бы гораздо скромнѣе: могло бы расти подъ нашимъ вліяніемъ, контролемъ, подъ властью нашей воли. И тогда быть можетъ мы бы опять полюбили и родину-мать и родину дитя.

Но, какъ любить нагайку? Какъ любить полицейскую вакханалію крѣпостника и сверхъ-сыщика В. К. Плеве?

Какъ любить?

а) организованное насиліе?

в) организованное воровство и взяточничество?

с) организованное шпіонство?

— и сумму ихъ, которая завется Россіей?...

Остановлюсь пока на с) т. е. оранизованномъ шпіонствѣ. Вѣдь у насъ оно доросло до той степени, когда не только скверно жить, но и постыдно жить. Мы всѣ или шпіоны или подъ надзоромъ.

Въ тѣ дни, когда Христа звали „начальникомъ православной христіанской вѣры“, дни розогъ, шпицрутеновъ, соловецкихъ казематовъ и пр., въ дни Николая I-го, Герценъ писалъ: „Если бы Россія не была такъ пространна, если бы чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать. что въ Россіи *нельзя было бы жить* ни одному человѣку, понимающему сколько нибудь свое достоинство“.

Съ той поры много воды утекло и вмѣсто „нельзя было-бы жить“ приходится сказать изъявительно: *нельзя жить*.

Герценъ не могъ предвидѣть, что г-ну Плеве придется открывать XX-ое столѣтіе въ Россіи. Герценъ видѣлъ передъ собой преимущественно политику насилія, видѣлъ „самодержавіе, ограниченное взятками“, видѣлъ, что человѣкъ долженъ идти куда не хочетъ и дѣлать чужое дѣло.

Съ той поры много воды утекло... Широкія петли „большаго пространства“, смутного устройства и пр., черезъ которыя какъ никакъ могъ „проскакивать“ порою и большой человѣкъ, стали маленькими петлями и черезъ нихъ не проберется и синица. Вода утекла... стало мельче и даже пискарей ловятъ на мели.

Нашъ опытъ богаче, чѣмъ опытъ Герцена; мы видимъ передъ собой не только 1) политику насилія, но и 2) политику развращенія....

Будь шпіономъ. Вотъ гласный и негласный лозунгъ Россіи Каткова, Д. И. Толстого, Сипягина, Плеве, Побѣдоносцева....

Я открываю газету и читаю:

„Таможеннымъ чиновникамъ предписано тщательно *осматривать* приходящія изъ заграницы книги, въ виду того что въ средину ихъ часто вкладываются запрещенныя брошюры“....

Или: „*Челябинскъ.* Забастовали 300 человѣкъ рабочихъ чайной развѣски Губанова, требуя уменьшенія рабочаго дня, увеличія заработной платы и *отмѣны доносовъ*“.

Еще: „Такъ недавно сдѣлалась извѣстна оффиціальная полемика нашихъ двухъ государственныхъ дѣятелей: С. Ю. Витте и К. П. Побѣдоносцева по поводу церковной реформы и изъ этой полемики совершенно неожиданно открываются такія обстоятельства, которыя лицу, незнакомому съ русской дѣйствительностью могли бы показаться прямо невѣроятными.

„Вѣдь въ полемикѣ этой рѣчь шла между прочимъ, не о чемъ о другомъ какъ о „возложеніи на духовенство *полицейско-сыскныхъ обязанностей*“, что, по мнѣнію оберъ-прокурора синода, было дѣломъ необходимымъ“.—И все это въ *одномъ №*—ѣ....

Приводя послѣдній фактъ проф. Гольдгаммеръ прибавляетъ: „Недостаточно видите ли, сыщиковъ въ Россіи, добровольныхъ и недобровольныхъ, такъ надо ими сдѣлать священниковъ. Къ тому же заводить новыхъ сыщиковъ стоитъ денегъ, а эта услуга священниковъ можетъ быть получена и была получена даромъ. Стоило лишь внушить и предписать... Не правда ли—это откровенно. И какъ хороша эта ссылка на недостатокъ средствъ для сыска по религіознымъ вопросамъ. А откуда же брались средства на авантюры г. Безобразовыхъ и компаніи?

Къ стыду нашего духовенства, оно эти сыскныя обязанности исполняло, и исполняло не только за страхъ но и за совѣсть, и дѣятельность многихъ, такъ называемыхъ миссіонеровъ, явившихся на судѣ доносчиками и экспертами въ процессахъ о „штундѣ“ понятна всѣмъ. Минули ли подобныя событія окончательно, навсегда, послѣ Высочайшаго указа 17 апрѣля? Кто скажетъ“

А кто не слыхалъ про сыскъ въ низшей и средней школахъ или въ университетахъ? Даже г.г. попечители округовъ не стѣсняются залѣзать въ ранцы гимназистовъ. Директора и инспектора гимназій производятъ повальные обыски, классные наставники обязаны осматривать домашнюю обстановку учениковъ, при чемъ ихъ посѣщенія (по циркуляру) внезапны. Въ Петербургѣ, въ 1891 году было какъ говорятъ болѣе 2000 обысковъ, а съ іюня по іюль 904-905 г. г. болѣе 10000.... Къ сожалѣнію это не точныя цифры, но что въ одну ночь съ 16 на 17 Апрѣля 1901 года было произведено около 200 обысковъ—это знаетъ всякій...

Тотъ же проф. Гольдгаммеръ продолжаетъ:

„За студентомъ слѣдятъ, его разговоры подслушиваютъ, въ карманы засматриваютъ—на и около квартиры—дворники, ночные сторожа. Въ университетѣ. спеціальные органы надзора, такъ напримѣръ, служителя инспекціи, и горе несчастному, попавшему въ подозрѣніе здѣсь, или тамъ. И вся эта атмосфера сыска, въ которой приходится жить россійскому обывателю, заразила своимъ тлетворнымъ дыханіемъ все. Мы живемъ среди „слова и дѣла“—и тщетно ждемъ, когда же это кончится. А это должно же кончиться, и кончиться скоро, такъ какъ больше такъ жить нельзя Вѣдь деморализація проникла уже и въ такіе слои, гдѣ, казалось бы, должны быть лучшіе элементы общества; нашлись любители „слова и дѣла“ и среди учащейся молодежи, и среди дѣятелей высшаго обра-

зованія въ Россіи. Ученые, профессора не гнушаются прибѣгать къ „слову и дѣлу“. *)

„И если дальше пойдетъ также—заканчиваютъ свою статью г. Г.—мы *не далеки отъ того времени*, когда мать будетъ доносить на сына, братъ на сестру, жена на мужа“.

Мнѣ думается, что мы не только „не далеки“, а съ божьей помошью уже дожили до „того времени“. Я лично присутствовалъ при сценѣ, когда братъ на замѣчаніе сестры по поводу событій 9—10 января 1905 года сказалъ: „я, какъ честный офицеръ, по долгу службы и присяги донесу на тебя. Предупреждаю“. Честный офицеръ хотѣлъ было сейчасъ уйти изъ дому, чтобы потомъ какъ нибудь передъ собственной совѣстью оправдать себя: дѣйствовалъ молъ въ состояніи запальчивости и раздраженія. Его удержали, но сестра все-же ушла изъ дому и теперь живетъ отдѣльно.
Сыскъ и доносъ по найму...сыскъ по долгу службы и присяги... сыскъ по охотѣ...

Послѣдніе два вида сыска проникли даже въ высшія (формально) сферы интеллигентной дѣятельности—въ печать,

Такъ въ данный моментъ сыскомъ и доносомъ заняты: Московскія вѣдомости (г. г. Грингмутъ, дворянинъ Павловъ и мн. др. дворянъ), Миссіонерское обозрѣніе (протоіерей Смирновъ); Русскій Листокъ, большинство губернскихъ вѣдомостей. Очень пошаливаетъ по этой части “Новое время“·

Словомъ остается пѣть:

Веселися храбрый Россъ
Быть шпіономъ ты доросъ.

Такъ по меньшей мѣрѣ думаютъ полицейскія превосходительства. И они не останавливаются ни передъ чѣмъ, что-бы распространять свою заразу по всѣмъ сло-

*) „Наша Жизнь“ 18-го Іюня 1905 года.

ямъ. Они ловко разставляютъ свои сѣти. Намѣтивъ жертву своего растлѣнія они выжидаютъ обыкновенно ея стѣсненныхъ обстоятельствъ, а потомъ засылаютъ свою сводню. Иногда помогаетъ угроза.

— Получай 50-100-500 р. въ мѣсяцъ и будь, или....

Впрочемъ напрасно думать, что они очень щедры Имъ самимъ много надо. Они гастрономы, пьютъ только вина высшихъ марокъ и любители изящнаго.

Иногда *они* шутятъ. Подкупятъ несчастнаго человѣка за довольно крупную сумму, а затѣмъ переводятъ его на оклады въ 15—20 рублей. Несчастный человѣкъ протестуетъ, что то бормочетъ объ обѣщаніяхъ и профессіональной честности. Ему бросаютъ въ лицо:

Можетъ быть вы предпочитаете, чтобы мы опубликовали о вашемъ содѣйствіи намъ? Что же? Пожалуй.. хотя въ „Освобожденіи“ г-на Струве или „Искрѣ“ г Плеханова-Засуличъ... Можемъ даже въ правительственномъ сообщеніи.

Такими пріемами они приковываютъ несчастнаго человѣка желѣзными цѣпями.

— Вѣрьте честному слову офицера,—говорилъ одинъ голубой человѣкъ редактору журнала „Жизнь“, сопровождая его въ домъ предварительнаго заключенія—очертѣла мнѣ эта служба... Жалованье—грошевое. Семья большая...

— Уйдите...

— Куда? Насъ много... мѣстъ мало...

Онъ продолжалъ жаловаться на судьбу:

— Платятъ гроши, а требуютъ чтобы имъ каждый день заговоръ подавали, да еще съ бомбами. Ну гдѣ я этотъ заговоръ возьму?..

— Да, положеніе печальное...

— Именно такъ.

Особенно скорбѣлъ „честный офицеръ“, что у него нѣтъ отъ бога дара выдумывать заговоры. И конечно для этого нужно своего рода творчество и вдохновеніе...

Надо полагать, что въ наши дни „честный офицеръ“ воспрянулъ духомъ. Выдумывать—нечего. И заговоровъ и бомбъ—сколько угодно. „Большая семья“ сыта. Ни творчества, ни вдохновенія. Одно:

— Пли!

Великій инквизиторъ нашего приказнаго строя пишетъ по этому поводу: въ темныя эпохи исторіи бывало такое состояніе общества, въ которомъ надъ всѣми гражданами тяготѣло чувство взаимнаго недовѣрія и подозрѣнія. Современники съ ужасомъ разсказываютъ о своей эпохѣ или о своемъ городѣ, что люди боятся прямо смотрѣть въ глаза другъ другу, боятся сказать вслухъ близкимъ свободное, нелицемѣрное слово, или отдаться вольному душевному движенію, чтобы оно не было подхвачено, перетолковано, и не послужило поводомъ къ жестокому преслѣдованію, во имя государства или начала общественной безопасности. Изъ темныхъ угловъ и изъ послѣднихъ слоевъ общества поднимается и сама собою образуется въ корпорацію *прибыльная профессія доносчиковъ-тайная сила, предъ которою всѣ преклоняются, всѣ молчатъ въ страхѣ или, когда молчать невозможно, одѣваютъ мысль свою въ лживыя, и лицемѣрныя формы.*

Великій инквизиторъ какъ будто скорбитъ... О эта крокодилова скорбь. Вѣдь онъ только что самъ хотѣлъ обратить все духовенство и черное и бѣлое и рыжее въ обязательныхъ сыщиковъ...

Онъ ловко заманиваетъ въ свои сѣти, увѣряя, что профессія доносчика выгодна. Не всегда и не очень. У доносчика, сыщика, провокатора есть свои непріятности. Ему напр. могутъ плюнуть въ рожу, побить. Это конечно пустяки,—но вѣдь можетъ быть и хуже? Бывало по крайней мѣрѣ?..

Слово „прибыльная“ безъ всякихъ оговорокъ подпущено разумѣется ради соблазна. Шпикъ стоящій на углу получаетъ что-то 15—20 рублей. Но надо соблаз-

нить и прежде всего прибылью, потому что слова эти, какъ и книга вообще, обращены главнымъ образомъ къ всероссійскому православному духовенству, алчность котораго не насытна..

Несомнѣнно что попы, миссіонеры и пр. увлеклись, подались на удочку. Теперь въ любой деревнѣ вамъ скажутъ, что полиція состоитъ изъ попа и урядника. Возможно и побаловали, давая по золотому за уличеніе учителя и учительницы или за пойманнаго сектанта,— но вотъ пришли тяжелыя времена.

Казначейство пусто. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ не успѣваетъ печатать кредитные билеты и серіи.

О прибыляхъ профессіи доносчика забыли. Великій инквизиторъ, наблюдая строжайшую экономію въ своемъ вѣдомствѣ полагаетъ „особымъ мнѣніемъ“, что, „доносъ входитъ въ кругъ обязанностей священнослужителя, почему наградой ему можетъ служить лишь нравственное удовлетвореніе.“..

Бѣдные священнослужители.

Исторія свидѣтельствуетъ, что насиліемъ долго и прочно держатся могущественнѣйшія державы и государства. Правда, исторія свидѣтельствуетъ о чемъ хотите, а часто даже лжесвидѣтельствуетъ. Но этотъ фактъ повидимому вѣрный и сопровождается другимъ,— что политика насилія все болѣе и болѣе сливается съ политикой развращенія.

Теперь, когда революціонный циклонъ захватилъ и насъ, въ этомъ приходится отдать себѣ отчетъ... хочешь не хочешь. Революціонная борьба есть не только борьба противъ насилія, но и разврата, идущаго изъ высшихъ слоевъ внизъ. Это борьба за хлѣбъ, за справедливость, за правду. Робеспьеръ въ свое время потребовалъ смертной казни для безчестныхъ и развратныхъ.

Но раньше Робеспьера этого потребовалъ народъ... Въ немъ, въ этомъ возставшемъ народѣ, была потребность высшей честности, высшей справедливости.

Когда при разгромѣ дома инвалидовъ (іюль 1789 г.) нѣкоторые изъ революціонеровъ забыли главную цѣль разгрома—отысканіе оружія и напились мертвецки пьяными,—этихъ пьяницъ народъ повѣсилъ. Онъ одинаково безжалостно вѣшалъ каждаго, уличеннаго въ хищеніи и грабежѣ. И пока мѣщане не опошлили революцію и не повернули ея потока на орошеніе своихъ полей—требованіе честности и правды стояло высоко.

Его пророкомъ былъ Маратъ, первый человѣкъ заговорившій противъ какихъ бы то ни было уступокъ, компромиссовъ и лжи.

Его палачомъ-фанатикомъ былъ Робеспьеръ.

Его наивнымъ и страстнымъ мечтателемъ—Эберъ и эбериста...

Начинаешь вѣрить въ человѣка, когда читаешь эти вотъ страницы французской революціи, хотя они и залиты кровью, хотя и слышатся съ нихъ крики гильотинированныхъ и хрипъ повѣшенныхъ.

Любопытна одна изъ формулъ Конвента:

„Сопротивленіе правительству, развращающему гражданъ подкупомъ,—законно.“

Я уже сказалъ, что мы захвачены революціоннымъ циклономъ. Соотвѣтствующихъ фактовъ изобиліе.

Массы вышли на сцену. Но вышли разно и, очевидно, еще очень далеки другъ отъ друга. Одни идутъ замкнутымъ строемъ, съ превосходно редактированными петиціями.

Это—рабочія массы. Онѣ проявляютъ не только единодушіе, увѣренность въ себѣ—но что-то большее. Въ ихъ жизни какая-то глубочайшая перемѣна. Изъ разныхъ мѣстъ вы слышите, что рабочіе такого-то и такого раіона отказались пить водку и курить табакъ, причемъ устроили другъ за другомъ строгій контроль

и за третье нарушеніе воздержанія виновные удаляются изъ организаціи. Эти телеграммы и извѣстія печатаются обыкновенно мелкимъ шрифтомъ. Печать не обобщила и не осмыслила ихъ пока, а между тѣмъ все это продѣлываетъ наша вчера пьяная „мастеровщина.“ Впрочемъ, въ настоящую минуту я только подчеркиваю этотъ фактъ, значеніе котораго въ моихъ глазахъ огромно. Еще „намъ сообщаютъ“, что тамъ и здѣсь рабочіе обѣщались защищать интеллигенцію отъ хулигановъ. Опять нѣчто важное и значительное. Въ одной изъ англійскихъ газетъ я прочелъ, что „рабочіе въ демонстраціи 9 января“ были „какъ чартисты“. Разумѣется, это высшая похвала, которую можетъ сдѣлать англичанинъ рабочему. Очевидно, что все это возможно лишь въ томъ случаѣ, разъ человѣкомъ владѣютъ идея и вѣра. Передъ вами, конечно, толпа, масса, но толпа организованная, никакъ не орда, и ужъ эпитета „преступная“ вы къ ней не пристегнете...

Посмотримъ же на народныя массы, гдѣ всегда таилась, таится и теперь величавая мечта о той жизни, когда каждый будетъ жить лишь своимъ трудомъ, въ мирѣ и взаимопомощи къ окружающему.

Выколотить эту мечту не удалось ни земскимъ начальникамъ, ни урядникамъ. Конечно народъ ослабѣлъ и какими нибудь бумажными конституціями, предоставляющими полную гласность всѣмъ пустозвонамъ, или даже парламентомъ изъ кабатчиковъ или такихъ земцевъ, какъ баронъ Корфъ,—ему не поможешь. Пока не осуществится его любимая мечта, о которой говоритъ графъ Толстой,—онъ будетъ все тѣмъ же несчастнымъ, въ массѣ своей забитымъ и трепещущимъ народомъ, чей образъ слишкомъ даже хорошо извѣстенъ по пѣснямъ Некрасова. Пожалуй хуже еще, потому что внутри его началось физическое вырожденіе. Онъ гніетъ отъ сифилиса, онъ слабѣетъ отъ голоднаго

тифа и холеры, онъ оробѣлъ отъ доносчиковъ и начальства, облѣпившихъ деревню роемъ слѣпней..., Нагайка, экзекуціи, военный постой додѣлаютъ свое дѣло.... Не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать ничего только школа. И понятно почему.

„Что отраднаго могу я вамъ сказать о народномъ образованіи. Ничего конечно. Вамъ самимъ стоитъ только спросить себя, что можетъ дать безправный, голодный учитель безправному и голодному ученику— и отвѣтъ получится самъ собой".

Такую приблизительно фразу слышалъ я на дняхъ на одномъ интеллигентномъ собраніи.

Безправіе и голодъ—слова сильныя, особенно если знать, что голодъ доходитъ до голоднаго тифа, а безправіе—до издѣвательства. Душа тоже голодна, или какъ поютъ безпоповцы:

Душа пищи своей дожидается,
Душѣ надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладку не оставити...

А какъ иначе.

Въ теченіе 40-а лѣтъ крестьянство было предоставлено процессу разложенія все растущей нищеты и скуки. О дѣятельности крестьянскаго банка нечего говорить—до того она мизерна. Одинаково нечего говорить о дѣятельности урядниковъ, земскихъ, священниковъ—надзирателей новаго типа*) въ церковно-приходскихъ школахъ, дворянскомъ банкѣ, такъ вздувавшемъ цѣны на землю, что для крестьянъ онѣ оказались совершенно недоступными. Число деревенскихъ батраковъ, пролетаріевъ, босыхъ постепенно росло.

Зная все это, „міроточивый М. О. Меньшиковъ"—увѣряетъ публику, что крестьянину больше всего нужна

*) Типъ ничтожный и жестокій. См. разсказы Гусева-Оренбургскаго, Елеонскаго и статьи священника Александра Смирягина, обличеніе митрополита Антонія и т. д.

природа: „пригорки.... ручейки..... рѣка, величественно катящая свои волны, задумчивое озеро“ вообще все то, что можно найти на 1/2—1/3 десятины надѣла. Объ этой природѣ нашелъ я недавно въ одной газетѣ такой характерный разговоръ между корреспондентомъ и его ямщикомъ:

“Часто приходится переѣзжать черезъ озера и всегда поражаютъ какія-то молчаливыя, темныя сидящія тамъ и сямъ на льду фигуры.

— Что они дѣлаютъ?

— Удятъ рыбу.

Признаюсь, что это было для меня новостью. Уженье рыбы зимой... Не слышалъ.

— Что же, развѣ клюетъ?

— Еще какъ. Лучше, чѣмъ лѣтомъ. Можно много наловить. Конечно неводомъ больше.... но вообще нельзя ловить.

— Почему.

— Потому—озеро помѣщичье. Не всякій и удочкой разрѣшаетъ ловъ.

— А у крестьянъ есть свои озера?

— Нѣтъ. Всѣ озера-помѣщичьи, хотя бы кругомъ были и крестьянскія земли.

Вдругъ Ваня—возчикъ оживился:

— Вонъ, вонъ заяцъ скачетъ... Глядите.

Дѣйствительно, впереди насъ „жарилъ“, приложивъ уши къ спинѣ косой.

— И много же ихъ у насъ, -замѣтилъ Ваня.

— Охотитесь.

— Какая охота. Надо три рубля за билетъ платить, да и то не всякій позволяетъ. А вотъ теперь у всѣхъ ружья отбираютъ. Чай, слыхали?

— Слыхалъ.

— На охоту--билетъ, на ягоды—билетъ, на грибы—билеты.... — резонерствовалъ молодой старообрядецъ.

Страсти, какъ это оно того... За все дай, а тебѣ что даютъ... Что оно, всюду такъ, али нѣтъ?

— Охъ, всюду, Ваня, всюду...“

Если къ этой отрадной картинѣ прибавить еще урядника, вѣчно выискивающаго крамолу, „мошенство и дань„ — то получится природа, доступная крестьянину,— но очаровательная развѣ для сотрудниковъ „Новаго Времени“....

Наша смѣшная русская цивилизація, вся ея балаганная и бутафорская культура, за которыми ничего нѣтъ и не было, кромѣ „въ морду“,—гдѣ сама церковь дошла до состоянія полицейскаго участка, искореняя ересь такъ же круто, какъ гражданское правительство—политику, и направляя теперь на интеллигенцію народныя массы—сумѣла сдѣлать одно: обобрать мужика и тѣлесно и духовно. Кое-что изъ народной души спасено лишь расколомъ и сектанствомъ. Всякая власть, приходившая въ деревню, приходила туда не отъ Бога, а отъ кого то другого. Весь ужасъ надзора, сначала со стороны помѣщика, затѣмъ—сельскихъ властей, батюшки, урядника и земскаго, испытала деревня.

Въ то время, какъ мы топтались на мѣстѣ въ 80-ые годы и въ своемъ недѣланіи—бездѣліи доходили до оплеванія святынь, культа Изиды, черныхъ мессъ и мыслей объ антихристѣ (г. г. Розановъ, Мережковскій, Владиміръ Соловьевъ), деревня, замуравленная нищетой въ своей околицѣ, лишенная всякаго простора, продолжала таить въ себѣ ту же думу и вынашивать тѣ же мысли, какія она думала и вынашивала злые вѣка—со временъ Никона патріарха и Великаго (?.) Петра—этого перваго настоящаго тюремщика Россіи. Со временъ Петра тюрьма уже не открывалась. Въ 60-хъ годахъ, когда и крестьянамъ была пріоткрыта лишь форточка, которую мы, несчастные, приняли за волю...

Вѣдь еще въ 1901 г. заявилъ народъ, что ему нельзя,

нечѣмъ жить, но разными экзекуціями ему доказали: „врешь, каналья, жить можно“. И онъ жилъ. Какъ— это его секретъ. Онъ думалъ, и дума его всегда была одна и та-же.

Онъ думалъ въ темнотѣ и скукѣ. Это страшная, черная скука безвыходнаго положенія, вынужденной безработицы. Она порождена нищетой и безправіемъ. Недавно одинъ изъ навѣки заключенныхъ былъ вызванъ свидѣтелемъ по какому-то дѣлу.... Человѣческія лица, говоръ, сильный свѣтъ испугалъ его. Онъ зашатался и что-то забормоталъ... Оправившись, онъ сказалъ: „Спрашивайте меня о чемъ хотите—я буду отвѣчать на все. Только не очень вы мнѣ вѣрьте, потому— что я, кажется, сошелъ съ ума. Я не понимаю многаго и часто повторяю слова допроса. Голова горитъ и мысли путаются.

Это все потому, что мнѣ не даютъ работы... А я просилъ... я хотѣлъ убить себя“...

„Задержанная сила или проявляется въ буйныхъ порывахъ, или ведетъ къ общему оскудѣнію организма, къ физической и духовной анеміи“...

На почвѣ этой скуки выработались многія болѣзненныя явленія, которыя мы можемъ теперь наблюдать въ жизни современной крестьянской толпы. Привыкшая къ вѣчному молчанію, она, разумѣется, не могла заговорить яснымъ, опредѣленнымъ языкомъ, а загоготала и вскрикнула.

Общій вопль миссіонеровъ за послѣднее время, что сектанство растетъ не по днямъ, а по часамъ, что на одного явнаго сектанта приходится 8-10 тайныхъ. Мнѣ кажется, что увеличивается и стремленіе къ мистикѣ. Очень не чужда мистикѣ наша штунда; неожиданно появилась малевановщина и безумное страшное дѣло Ковалева, закопавшаго живыми въ землю 25-ть человѣкъ по ихъ страстной и неотразимой просьбѣ. Если бы

духоборы не дошли до адамизма *) въ Канадѣ, они продѣлали бы все это въ Россіи. И на кого жаловаться?

„Природа души человѣческой есть жизнь, активъ иниціативы. Пассивность же наша достигала высокой степени даже къ концу московскаго періода и съ тѣхъ поръ все увеличивается. Невыносимо это для души человѣческой. Дайте сотворить человѣку, иначе онъ завертится".

Рѣчь въ этихъ словахъ идетъ о хлыстовщинѣ. Но онѣ приложимы къ мистикѣ сектантства вообще...

Соціальная скука гонитъ народъ въ сектантство. Несмотря на свойственную ему пассивность, оно все-же призракъ свободы, просторъ для мысли и чувства. Тяжелое мрачное пьянство (своего рода самосожиганіе) замѣняется здѣсь вдохновенной экзальтаціей. Таже соціальная скука вызываетъ и уродливыя явленія сектантства. На ея почвѣ выросла и окрѣпла идея о близкой кончинѣ міра, легко находящая себѣ поклонниковъ и въ настоящее время (напр. малевановцы); она же освѣтила мистическимъ блескомъ идею земли...

Когда человѣкъ говоритъ, что крестьянинъ хочетъ „отнять землю"-онъ, очевидно, ничего не понимаетъ. Здѣсь что-то другое, болѣе глубокое и проникновенное. Здѣсь мысль о землѣ, какъ общей для всѣхъ матери, которая всѣхъ родитъ и всѣхъ назадъ беретъ (молокане),—мысль о землѣ, какъ о существѣ живомъ, чувствующемъ (крайніе духоборы), и грѣшно думать, что можно владѣть землей. Она живая".

Да, единственная, главенствующая дума о землѣ. И она думалась подъ свѣтъ огарка и лучины, въ полномъ мракѣ холодной избы; она думалась на пашнѣ

---

*) Духоборскіе адамиты (голые) хотѣли питаться только фруктами. Но фруктовъ не было. И они, лежа на землѣ, „паслись", т. е. щипали траву. Это было уже въ Канадѣ. Очевидно, однако, что это послѣдній актъ, начавшагося въ Россіи, экстаза.

шириною въ три аршина, въ усадьбѣ, гдѣ нечего дѣлать, въ пустыхъ стойлахъ для скота. Она доросла до чего то грандіознаго и прямо скажу мистическаго, потому что перешла границу мечты и желанія и стала галлюцинаціей. Тамъ и здѣсь дѣло обстоитъ уже такъ, что достаточно одного брошеннаго слова, одного нелѣпаго слуха о золотой грамотѣ, объ упавшей съ неба кобылѣ, о появившейся новой иконѣ, благословляющей на передѣлъ—и толпа встаетъ, какъ одинъ человѣкъ...

Это разумѣется не преступная толпа, которая жаждетъ крови и разрушенія. Ни кровь, ни разрушенія ей не нужны. Ея преступленія случайны. Но нельзя сомнѣваться, что это въ значительной степени галлюцинирующая толпа, во всякомъ случаѣ, способная къ галлюцинаціямъ и совершенно доступная всякаго рода внушеніямъ.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго, хотя много не обыденнаго. Наука давно уже собрала массу фактовъ подобнаго рода. Напримѣръ, „въ 1885 г. жители деревни Короно, близь Неаполя, стали видѣть Мадонну въ черномъ одѣяніи, молящуюся на ближайшемъ холмѣ, гдѣ стояла часовня. Слухъ объ этомъ быстро распространился, и стали стекаться на поклоненіе тысячи людей. Видѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока правительство не предприняло рѣшительныхъ мѣръ: часовня была перенесена на другое мѣсто, холмъ же былъ занятъ отрядомъ карабинеровъ, которые, разумѣется сумѣли доказать неотразимыми аргументами, что никакого видѣнія тутъ быть не можетъ“.

„Во время одного изъ монастырскихъ торжествъ у насъ, въ Россіи, многіе изъ богомольцевъ стали видѣть предметъ своего поклоненія, какъ онъ обыкновенно изображался на иконахъ, нѣкоторые видѣли даже, какъ онъ производилъ движеніе рукой. Всякій, конечно, знаетъ, что такое паника войска, паника толпы, услышавшей крикъ „пожаръ“. Въ жизни нашихъ сек-

тантовъ непремѣнно есть моментъ общей слуховой или зрительной галлюцинаціи, или такого состоянія, когда ей ничего не стоитъ внушить, что угодно. Малеванный (основатель секты малеванцевъ) самъ чувствуетъ во время молитвенныхъ экстазовъ необыкновенную легкость тѣла, и будто даже, что онъ поднимается отъ земли „вершковъ на 5“. Онъ сумѣлъ внушить это свое ощущеніе послѣдователямъ, которые такъ и остались при вѣрѣ въ воздухоплаваніе своего учителя, несмотря на всѣ аргументы карабинеровъ. Очевидно, значитъ, что и для послѣднихъ есть нѣчто недостижимое.

Толпа, вообще говоря, легко внушаема. Для этого нужны лишь нѣкоторыя спеціальныя условія, и она легко впадаетъ въ гипнозъ, т. е. въ такое состояніе, когда человѣкъ живетъ лишь ощущеніями и чувствами, легко подчиняется всякому приказанію, перестаетъ работать головой и ждетъ только человѣка, который бы повелъ его все равно куда...

„Когда господствуетъ въ населеніи или группѣ лицъ то или другое настроеніе, и когда мысль работаетъ по тому же пути, тогда у того или другого лица, особенно съ психической неуравновѣшенностью, легко появляются обманы чувствъ, по содержанію отвѣчающіе его настроенію, которые тотчасъ же послѣ невольнаго внушенія, словеснаго или иного, сообщаются и другимъ лицамъ, находящимся въ одинаковыхъ психическихъ условіяхъ“.

Въ этой деревянной фразѣ вся мудрость современной патологіи, особенно если прибавить къ формулѣ Бехтерева, что подъ „одинаковыми“ условіями надо прежде всего понимать явленія ненормальныя, подавляющія личность. Эти условія прежде всего *скука, бездѣятельность, ощущеніе страха, тревожное ожиданіе чего нибудь самаго дорогого и любимаго.* Въ такомъ случаѣ толпа связка сухой соломы, къ которой слѣдуетъ лишь поднести искру. Въ загипнотизированной,

ошалѣвшей толпѣ происходитъ еще любопытное явленіе. Ея гиннозъ тѣмъ сильнѣе, что это толпа. Каждый „заражаетъ“ своего сосѣда. Каждый видитъ передъ собой десятки возбужденныхъ лицъ, странные неестественные ужасы, оглушающіе крики. Въ немъ нѣтъ уже самого себя. Ему не даютъ опомниться и этотъ экстазъ достигаетъ апогея.

Во всемъ, что я читаю теперь о нашихъ аграрныхъ недоразумѣніяхъ, а самое главное, что я прочелъ о подобныхъ имъ, случившихся въ 1901 году, и о холерныхъ бунтахъ, болѣзнь толпы выступаетъ ярко и неотразимо. (Это, разумѣется нисколько не мѣшаетъ мнѣ признать въ полной мѣрѣ и вліяніе раціоналистическихъ элементовъ: напр., состояніе самообороны въ холерныхъ бунтахъ, или земельный голодъ въ „недоразумѣніяхъ“). Когда крестьяне въ 1901 году на допросы слѣдователей отвѣчали: „не знаю... знать лукавый попуталъ, или, когда они говорили, что видѣли царскихъ эмиссаровъ на бѣлыхъ коняхъ, которые будто провозглашали „волю земли“ (чудное выраженіе), тутъ нѣтъ надобности предполагать ложь. Тутъ вся правда, но правда больного, измученнаго духа, подавленнаго жестоко и съ издѣвательствомъ надъ святыней души человѣческой...

Крестьяне заскучали—да... Но можно ли не заскучать въ этой ужасной обстановкѣ? Вѣдь *слово* просить *выхода, сила—дѣла.* И представьте себѣ, что возлѣ такого вѣчно молчащаго, заскучавшаго человѣка является вдохновенный пророкъ съ несвязной, но пламенной рѣчью, въ которой слышатся дорогія и милыя слова... Является, напр. Малеванный:

„... Малеванный проповѣдуетъ, что скоро наступитъ кончина міра... Онъ уговариваетъ жить въ мирѣ и согласіи, въ виду скорой кончины, и не заботиться о матеріальномъ благосостояніи, все лишнее продать, имѣть общую братскую кассу, изъ которой каждый не-

имущій могъ бы брать, сколько ему нужно; оставить полевыя и другія работы, и все время посвящать молитвѣ и слушанію его святого слова“ *).

У Малеваннаго было много послѣдователей. Любопытно, что самыми горячими его послѣдователями явились тѣ 4 полицейскихъ, которые четыре часа били и истязали его въ участкѣ, и сами дойдя до изнеможенія, не могли исторгнуть у него ни стона.

Основная его идея--близкая кончина міра. Та же идея у Виталіи, закопавшей вмѣстѣ съ Ковалевымъ 25 человѣкъ. Тоже у бѣгуновъ. Но вѣдь это уже дѣло Малеваннаго и Виталіи выставить тотъ или другой лозунгъ: закопаться, итти на бѣлыя воды, на сосѣднюю экономію.

И вотъ, передъ нами своеобразная мистическая жизнь. То земля и владѣніе ею (особенно у духоборовъ: ихъ богородица Лукерья родилась отъ земли) мистически понимаемыя, то кончина міра. Въ этой мистикѣ, въ этихъ странныхъ фантазіяхъ стиснутый духъ человѣка ищетъ себѣ выхода и простора. Въ экстазѣ достигаетъ онъ горнихъ высей и не хочетъ знать землю, гдѣ только неправда и казематы. Еще немного нажима и бѣсноватые будутъ въ каждомъ селѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Письмо, дорогая Вергилія, кончаю, хотя могъ-бы такихъ фактовъ сообщить Вамъ много, много, но всѣ они говорятъ одно, что „настоящее“ близко и оно произойдетъ на почвѣ: 1) рабочаго вопроса, 2) аграрнаго, 3) вопроса о собственности вообще. . . . . .

Qui vivra vera.

---

*) „Внушеніе и его роль въ общественной жизни“. В. Бехтеревъ.

Философія пролетаріата.

I.

Я нисколько не отрицаю всей практической важности хозяйственной стороны или ариѳметики рабочаго вопроса. Но это далеко не его сущность и даже не самое главное. Ограничивать его политико-экономическими рамками значитъ—умалять его. Для мыслящихъ умовъ Запада рабочій вопросъ является прежде всего, какъ „возрожденіе христіанства безъ Христа". Здѣсь цѣлое стройное міросозерцаніе, въ которомъ экономика и политика играютъ свою значительную, но не первенствующую или рѣшающую роль. Выражаясь символически, политика и экономика только тѣло, а не духъ рабочаго вопроса. Своей политикой и экономикой онъ входитъ въ группу рядовыхъ вопросовъ государственнаго и общественнаго благоустройства. Своей идеей и философіей—въ группу міровыхъ, общечеловѣческихъ ученій и религій.

Я думаю даже, что рабочему вопросу невыгодно сразу-же вступать въ мелкія стачки и пререканія. Необходимо прежде всего выяснить его сущность во всѣхъ ея подробностяхъ, во всей ея значительности, чтобы равный боролся съ равнымъ, и чтобы эта сущность могла быть противупоставлена другимъ грознымъ, могущественнымъ и властнымъ сущностямъ жизни. По-

этому объ „ариѳметикѣ“ всего нѣсколько словъ. Ариѳметика рабочаго вопроса достуна ребенку. Это его чисто экономическая сторона. Здѣсь вопросы о заработной платѣ, девяти или восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, честной расплатѣ деньгами, а не тухлыми продуктами, сверхурочной работѣ, гигіенѣ помѣщеній и пр. Дальше къ той-же категоріи относятся задачи страхованія рабочихъ, ихъ права на союзы и стачки и даже, какъ я думаю, въ значительной степени—ихъ избирательныя права. На самомъ дѣлѣ всѣ эти союзы, стачки, выборы — только гарантія извѣстнаго положенія, залогъ, что это положеніе не ухудшится, а улучшится. Всѣ займы, всѣ договоры XX-го вѣка—гарантированные. Оставить безъ гарантіи какую-нибудь важную и значительную область общественныхъ отношеній — прямая, для всѣхъ одинаково вредная нелѣпость.

Объ ариѳметикѣ рабочаго вопроса не можетъ быть спора уже потому, что всѣ ея задачи не только давно, не только великолѣпно, но и научно разрѣшены уже Марксомъ. Самую главную изъ этихъ задачъ: „сколько рабочій даетъ обществу своимъ трудомъ и сколько получаетъ въ видѣ заработной платы отъ промышленниковъ?“—онъ рѣшилъ такъ называемой теоріей прибавочной стоимости и въ томъ смыслѣ, что рабочіе дѣйствительно имѣютъ основаніе говорить: „слишкомъ мало“...

Но кто-же этимъ удовлетворится?..

Это „слишкомъ мало“ звучитъ конечно внушительно, разъ оно единодушно вырывается изъ груди 10—12 милліоновъ населенія *)—но я даже приблизительно не могу подсчитать сколько сотъ возраженій и оговорокъ можно ему сдѣлать? Умъ человѣческій достаточно изощренъ въ софизмахъ, чтобы съ успѣхомъ оспари-

*) Если считать, что рабочихъ—4.000.000, то съ семьями—это населеніе какъ разъ въ 12 милліоновъ.

вать даже очевидное; задачи и вопросы живой жизни слишкомъ сложны, чтобы привести ихъ къ формуламъ, дѣйствительно очевиднымъ.

Слишкомъ мало—пожалуй! Но, скажутъ одни, въ жизни ничто и никогда не осуществляется сразу. Все дѣлается постепенно, путемъ компромиссовъ между различными классами общества и интересами разныхъ общественныхъ группъ. Какъ ни ничтожна заработная плата, она все-же постепенно растетъ. У англійскихъ рудокоповъ коттеджи по 4 комнаты въ каждомъ и непремѣнно фортепіано въ гостинной. Американскіе рабочіе два раза въ день ѣдятъ мясо и въ среднемъ получаютъ въ недѣлю вдвое больше, чѣмъ наши русскіе въ мѣсяцъ. Ростъ заработной платы — необходимый компромиссъ между трудомъ и капиталомъ и онъ осуществляется...

Признаніе за рабочимъ гражданскихъ правъ—необходимый компромиссъ между рабочимъ вопросомъ и современнымъ государствомъ. Рабочій вопросъ ставитъ въ первую голову интересы труда. Современное государство—интересы завоеванія, съ оружіемъ ли въ рукахъ или путемъ „мирной борьбы“ на промышленномъ рынкѣ. У труда своя логика, у завоеванія—своя. Государство требуетъ жертвы и живетъ этими жертвами. Оно тратитъ ихъ на то, что ему кажется самымъ полезнымъ и необходимымъ. Теперь самымъ полезнымъ оно считаетъ пушки, флотъ, промышленность. Ибо —еще разъ – идея завоеванія живетъ въ плоти и крови его. А что эта идея не миѳъ—доказываютъ даже Американскіе Штаты, захватъ ими Филиппинъ, развитіе ихъ имперіалистской политики, проекты увеличенія постоянной арміи... до 250 т. чел., а можетъ быть и до полумилліона.

Словомъ Американскіе Штаты все больше становятся похожими на статую свободы съ одинадцатидюймовымъ орудіемъ въ рукахъ.

На этой почвѣ вопросъ сведется очевидно къ безконечному спору: достаточно ли скоро растетъ заработная плата и признаніе гражданскихъ правъ?—достаточно ли они растутъ вообще?

Слишкомъ мало или слишкомъ много?..

II.

Но не будетъ лучше, если мы перенесемъ вопросъ на почву справедливости. Здѣсь я выскажу нѣсколько мыслей, которыя быть можетъ даже покажутся парадоксальными. Справедливость требуетъ конечно, чтобы каждый получалъ сообразно своему общественно-полезному труду и занималъ въ общественной іерархіи мѣсто сообразно своимъ дарованіямъ. Сдѣлавъ еще шагъ впередъ, мы скажемъ: справедливо, чтобы занимался дѣломъ, которое соотвѣтствуетъ его призванію и влеченію. Воспитателю нужно добродушіе, выдержка, тайна авторитета; генералу—отвага, дальновидность, способность къ шахматнымъ комбинаціямъ и еще многое другое; всякому вообще—интересъ къ своему дѣлу...

Это такъ, это даже элементарно. Но съ этой точки зрѣнія въ современномъ обществѣ рабочій вопросъ абсолютно неразрѣшимъ. Сколько бы коммиссій или подкоммиссій ни засѣдало—существа его они даже не затронутъ, а по необходимости будутъ ходить вокругъ и около.

Прежде всего старая, развѣнчанная, но не убитая политическая экономія скажетъ вамъ: въ производствѣ и созданіи цѣнностей участвуетъ не только трудъ, но и капиталъ, и земля, и знаніе. Сама по себѣ взятая черная работа едва-едва достаточна, чтобы не умереть съ голоду. Избытокъ получается отъ умно приложеннаго капитала, хорошо направленнаго знанія. Какъ же при такихъ условіяхъ учесть дѣло труда, то-есть ра-

бочихъ, знанія, капитала и землевладѣльца? И трудъ, и знаніе (тѣмъ болѣе талантъ, находчивость, способность къ предпріимчивости), и капиталъ, и земля создаютъ прибыль, и каждый хочетъ ее себѣ всю. Вся внутренняя исторія XIX-го вѣка—борьба и торгъ между этими четырьмя претендентами. О справедливости рѣчь если и заходитъ, то больше для красоты слова. Въ дѣйствительности же задача рѣшается соотвѣтствіемъ фактической силы. Кто сильнѣе—тотъ больше и беретъ. Вмѣсто справедливости господствуетъ другой принципъ, совсѣмъ какъ въ международномъ правѣ—принципъ силы. „Beati possidentes"—говоритъ землевладѣлецъ, отвозя въ банкъ ренту. „Если вы не удовлетворитесь тѣмъ, что я вамъ даю, я прекращу производство", грозитъ фабрикантъ. „А я перестану работать", говоритъ рабочій: „и что станетъ съ вашими печами, машинами, сырьемъ?"... На сценѣ печальной памяти Faustrecht—кулачное право.

Эта борьба—временно вредная для промышленности и очень полезная для сознанія людьми своей взаимной зависимости и для развитія между ними чувства солидарности—тянется вотъ уже 100 лѣтъ. И мораль этой вѣковой борьбы такова: „разъ рабочіе или капиталисты достаточно сильны настоять на своемъ—они получаютъ, что хотятъ, если нѣтъ—нѣтъ". Справедливость стоитъ въ это время въ сторонѣ и укоризненно качаетъ головой, даже не пытаясь вступить въ единоборство со своимъ могучимъ соперникомъ—фактической силой.

Иду дальше и говорю, что при современномъ строѣ рабочій вопросъ, какъ вопросъ труда въ дѣйствительной своей глубинѣ и въ истинной своей сущности находится внѣ области справедливости.

Вотъ мы съ вами напримѣръ. Родится у насъ ребенокъ, мы сейчасъ же беремъ книги Каменскаго, Руссо, Песталоцци, Спенсера и глубочайше проникаемся

убѣжденіемъ, что трудъ, работа, карьера должны соотвѣтствовать кореннымъ влеченіямъ человѣческой натуры. Мы старемся поэтому внимательно слѣдить за ребенкомъ, иногда даже испытываемъ его, не склоненъ ли онъ къ живописи, музыкѣ, математикѣ, естествознанію? Не сидитъ ли въ немъ Ньютонъ или Александръ Македонскій? Когда ребенокъ начинаетъ ползать, мы уже перелистываемъ брошюру Н. И. Карѣева: „Выборъ факультета“. И. т. д.

Какъ угодно, но мы несомнѣнно ищемъ то, что надо дѣлать, а если мало проку выходитъ изъ нашихъ стараній, то виноваты наше неумѣнье, наша бѣдность, бѣдность окружающей жизни вообще.

Словомъ, каждый изъ насъ, людей образованныхъ, знаетъ, что справедливость въ области труда требуетъ соотвѣтствія характера работы и характера, т. е. призванія и влеченія человѣка. Великій музыкантъ можетъ оказаться плохимъ министромъ, Тургеневъ никогда бы не научился управлять кораблемъ. Ньютонъ не былъ ораторомъ и за два года своего пребыванія въ англійской нижней палатѣ произнесъ только три слова: „Закройте двери: дуетъ“...

Очевидно однако, что справедливое для меня, для моего труда, для моей жизни одинаково справедливо для труда и жизни рабочаго.

Но съ этой точки зрѣнія къ нему нельзя даже подойти.

Выгнанный изъ деревни, оторванный отъ своего традиціоннаго привычнаго занятія—земледѣлія, брошенный въ городъ сплетеніемъ чисто стихійныхъ общественныхъ, отъ него никакъ независимыхъ процессовъ—онъ поступаетъ на фабрику чернорабочимъ. Тутъ ни о какомъ влеченіи и призваніи конечно и рѣчи быть не можетъ. Тутъ голая необходимость, голый голодъ. Засаживаютъ его дальше за машину. Опять то же самое. Машина требуетъ отъ человѣка только те-

хнической ловкости и неутомимости. Надо за ней поспѣвать, надо въ мѣру кормить ее сырьемъ—въ этомъ вся задача. И замѣтьте, чѣмъ машина совершеннѣе, тѣмъ меньше ума, соображенія требуетъ она отъ человѣка.

Правда и у рабочихъ не мало квалифицированнаго труда, гдѣ нужны знанія, находчивость, сметка вобще. Но каждый знакомый съ дѣломъ скажетъ вамъ, что чѣмъ больше развивается техника, тѣмъ все меньше становится эта область. И что вы хотите, если машина въ настоящее время не только складываетъ, умножаетъ, дѣлитъ, а даже интегрируетъ уравненія—надъ чѣмъ ломаютъ свои зубы студенты-математики.

Типичный для рабочаго трудъ—машинный, трудъ приспособленія и поспѣванія за машиной. Фабрика нашихъ дней смотритъ уже на работающаго въ ней человѣка, какъ на печальный недостатокъ. Всякій шагъ техники уменьшаетъ число нужныхъ ей людей. Ея идеалъ быть рядомъ координированныхъ машинъ, не только автоматически работающихъ, но и автоматически исправляющихъ собственные недостатки. Человѣкъ—придатокъ къ рычагамъ, зубцамъ и колесамъ. Строго говоря, здѣсь нѣтъ человѣка и ничего человѣческаго.

О какой же справедливости въ отношеніи къ машинѣ можемъ говорить мы? О какомъ призваніи и влеченіи машиннаго придатка станемъ мы разсуждать?

Все это цвѣты краснорѣчія.

Суровая дѣйствительность, логика жизни твердятъ намъ, что фабричный трудъ съ своимъ стремленіемъ къ полному механизму и автоматизму есть, не смотря на свою полную историческую неизбѣжность, полное отрицаніе идеи справедливости вообще.

Эта идея, какъ нибудь, путемъ тысячи компромиссовъ еще приложима пожалуй къ вознагражденію за трудъ, къ его обстановкѣ (гигіена, обезпеченіе на слу-

чай болѣзни и старости),—но не къ самому его характеру, т. е. не къ самому его существу.

Сущность человѣческаго труда требуетъ (по идеѣ справедливости, которую мы, привиллегированные, стараемся, повторяю, осуществить въ своей жизни и жизни нашихъ близкихъ)—привходящихъ элементовъ — радости, нравственнаго удовлетворенія, развитія. Но ни радости, ни нравственнаго удовлетворенія, ни какихъ нибудь толчковъ къ развитію въ машинной работѣ человѣкъ не находитъ. Она—эта машинная работа—сколько бы она ни длилась (11, 9, 8, 6 часовъ), не смотря на всю свою неизбѣжность, есть, повторяю, униженіе человѣческаго труда.

III.

Словомъ, если мы подойдемъ къ рабочему вопросу съ точки зрѣнія хозяйственной его ариѳметики—мы вступимъ въ область нескончаемыхъ пререканій,—идея справедливости въ свою очередь окажется мало приложимой.

Надо выбрать совсѣмъ другую позицію, чтобы увидѣть рабочій вопросъ во весь его ростъ, чтобы понять, почему такіе люди какъ Фурье, Консидеранъ, Оуэнъ, Прудонъ, Лассаль, Марксъ и даже Ренанъ (въ наши дни: Жоресъ, Бебель и опять „даже“—Анатоль Франсъ)—считаютъ его важнѣйшимъ вопросомъ современности и нашего будущаго,—почему большинство иностранныхъ газетъ завело у себя отдѣлъ „Капиталъ и Трудъ“,—почему французскіе писатели принялись такъ рьяно посѣщать рабочія собранія,—почему его идеологію ввелъ въ нашу русскую мысль никто другой, какъ Герценъ,—почему для Фурье это путь не только къ новому общественному строю, но и предверіе другой земли, другого неба, другого человѣчества,—почему

при берлинскомъ дворѣ во время службы еще недавно прибавляли: „и избави насъ отъ соціализма“,—почему нѣмецкая соціалъ-демократія располагаетъ 3.000.000 избирательныхъ голосовъ,—почему американскіе милліардеры, изъ которыхъ каждый сильнѣе второстепенной державы, уже ощетинились противъ рабочаго движенія и составили общій тайный заговоръ противъ него?

Въ настоящую минуту не трудно поставить эти вопросы. Годъ тому назадъ я бы не рѣшился на такую задачу. Но теперь на насъ хлынулъ огромный потокъ переводной соціалистической литературы. Каждый Божій день приноситъ что нибудь новое по этой части—то Каутскаго, то Бебеля, то Лассаля, то даже манифестъ Маркса, о чемъ раньше и помыслить было страшно. И все это съ разрѣшенія цензуры и по 2—3 коп. за печатный листъ, все это раскупается нарасхватъ и конечно требуетъ разсмотрѣнія.

Когда мы поймемъ, что рабочій вопросъ есть вопросъ труда въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, что его идея предполагаетъ:

1) Новую систему воспитанія, основанную на развитіи чувства товарищества.

2) Новое образованіе съ большой дозой профессіональнаго элемента.

3) Новый государственный идеалъ, совершенно вычеркивающій изъ программы слово „завоеваніе“, упраздняющій не только всякую сословность, но и борьбу классовъ, т. е. борьбу имущихъ и неимущихъ.

4) Новое философское мышленіе, общіе штрихи котораго намѣчены въ системѣ Авенаріуса *).

5) Новое нравственное начало—не любви, а товари-

*) Я впередъ прошу немного терпѣнія. Я не могу взять и выложить все сразу объ этой совсѣмъ новой для насъ и совсѣмъ незнакомой темѣ.

щества, не состраданія и милосердія, а уваженія къ ближнему, какъ къ безусловно тебѣ равному—мы поймемъ все величіе и красоту его философіи, его неотразимую привлекательность, для современнаго ума и тѣ надежды, какія возлагаетъ на него (и съ каждымъ днемъ все больше)—больное, уставшее отъ непосильной борьбы и растерявшееся человѣчество.

IV.

Пользуясь случаемъ—появленіемъ новаго изданія сочиненій Лассаля—я напомню какъ этотъ большой человѣкъ смотрѣлъ на задачи пролетаріата.

Вы знаете конечно, что Лассаль былъ по существу совершенно легальнымъ и мирнымъ—въ западномъ, а не нашемъ смыслѣ слова—человѣкомъ. Только Пруссія 50-хъ годовъ могла держать почти всю жизнь его подъ судомъ и слѣдствіемъ, только русская цензура могла хранить подъ спудомъ его сочиненія цѣлыхъ 40 лѣтъ. Онъ политикъ, человѣкъ партіи прежде всего. Поэтому онъ всегда опирался на законъ, на конституцію, часто шелъ на компромиссы, искалъ себѣ союзниковъ въ государствѣ и даже Бисмаркѣ. На его знамени были написаны слова: „всеобщее и прямое избирательное право есть не только вашъ политическій, но и вашъ основной соціальный принципъ, основное условіе всякаго соціальнаго улучшенія". Этому знамени онъ не измѣнялъ всю жизнь, подъ нимъ служилъ отъ начала до конца... Свое огромное образованіе, геній своей безпощадной логики, темпераментъ и честолюбіе мірового завоевателя вложилъ онъ въ свою пропаганду. Онъ хотѣлъ создать строго научный фундаментъ для своего „соціальнаго принципа" и поставить его на путь быстраго практическаго успѣха. Этимъ путемъ была для него организація рабочаго движенія въ союзъ, въ пар-

тію съ опредѣленной политической программой. Въ своихъ мечтахъ онъ уже видѣлъ пролетаріатъ, какъ первенствующую политическую силу въ государствѣ, видѣлъ какъ подъ его вліяніемъ „понятіе государства расширилось до такой степени, что оно явилось учрежденіемъ, въ которомъ должна осуществиться вся добродѣтель человѣчества“...

Если благоразумные люди не преминутъ сказать при этомъ, что такая мечта—утопія, я отвѣчу имъ: „Милые, копайтесь сколько вамъ угодно въ помояхъ злободневности, но не забывайте, что до сей поры только утопіи, несбыточное, неосуществимое умѣли на самомъ дѣлѣ объединять людей и доводить ихъ силы до высшаго, фанатическаго напряженія, ихъ чувства до исключительнаго благородства и полной самоотверженности, ихъ мысли до непостижимой глубины. Быть можетъ это очень печальная участь человѣчества... Но что дѣлать, если она такова!..“

Въ своей знаменитой программѣ Лассаль, выясняя идею пролетаріата, говоритъ между прочимъ:

...„ Четвертое сословіе, выступившее на сцену въ 1848 г., есть послѣднее сословіе общества, сословіе обездоленное, не выставляющее и не могущее выставить никакого исключительнаго правового или фактическаго условія,—ни дворянства, ни землевладѣнія, ни обладанія капиталомъ, которое оно могло бы превратить въ новую привилегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества *).

Мы всѣ работники, если только желаемъ быть хоть въ чемъ нибудь полезными человѣческому обществу.

Поэтому четвертому сословію совершенно чуждо какое бы то ни было стремленіе къ новой привилегированности, и именно потому оно тождественно со

*) „Программа рабочихъ“ Ф. Лассаля. Изд. Буревѣстника Ц. 10 к. Спб. 1905 г.

всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода всего человѣчества, его господство есть господство всѣхъ...

Провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не есть слѣдовательно призывъ къ раздѣленію и враждѣ общественныхъ классовъ; это призывъ къ примиренію, призывъ, обращенный ко всему обществу, призывъ сгладить всѣ противорѣчія между общественными кругами, это призывъ къ единенію, на которой должны откликнуться всѣ враги привилегій и угнетенія народа привилегированными сословіями, это кличъ любви, который однажды раздавшись изъ сердца народа, навѣки останется истиннымъ лозунгомъ его и по своему внутреннему характеру будетъ даже тогда кличемъ любви, когда грянетъ браннымъ кликомъ".

V.

Остановимся на минуту и спросимъ себя: что же это такое?—Проповѣдь ли вредныхъ и разрушительныхъ идей соціализма или проповѣдь общаго мира и любви?

Конечно—мира и любви.

Я думаю, что сдѣланное мною въ началѣ замѣчаніе объ идеѣ пролетаріата, какъ „возрожденіи христіанства" (христіанства, еще разъ, безъ Христа и съ земнымъ идеаломъ надъ собой) не покажется никому болѣе страннымъ.

Лассаль зоветъ къ единенію. Для него такъ же, какъ и для апостола Павла, нѣтъ эллина и іудея, раба и свободнаго, отверженнаго и неотверженнаго, есть только человѣкъ, просто человѣкъ безъ земли, безъ капитала, безъ привилегій рожденія, который призванъ

устроить здѣсь на землѣ царство свободы, братства и, выражаясь его словами, добродѣтели. Царство высшаго и разумнѣйшаго проявленія всѣхъ силъ и способностей, таящихся въ людяхъ.

Онъ не только не зоветъ къ враждѣ неимущаго къ имущему; онъ прямо предостерегаетъ онъ нея. Страницы, посвященныя въ его программѣ имущему, представляютъ собою только новое толкованіе опять таки евангельскаго текста: трудно богатому войти въ царство небесное.

Его нравственная теорія сводилась къ признанію, что никто, ни въ чемъ, никогда не виноватъ, что всѣ пороки и преступленія принадлежатъ не лицамъ, а мѣсту, времени *) и общественному положенію.

Скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ какимъ либо другимъ чувствомъ говоритъ онъ о привилегированныхъ:

„Желаніе сохранить свое особое положеніе побуждаетъ каждаго члена привилегированныхъ сословій стать въ принципіально враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію просвѣщенія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ вѣяніямъ и побѣдамъ исторической жизни, разъ только они не возвысились, благодаря высокому пониманію идеи, надъ своимъ личнымъ и сословнымъ положеніемъ,—а вы знаете господа, какъ рѣдки эти люди... эти счастливцы“ (28).

Значитъ и для нихъ выходъ есть.

„Это противорѣчіе—продолжаетъ Лассаль,—между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности высшихъ сословій. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ставитъ ихъ ежедневно такое существованіе, чтобы

*) Совершенно также разсуждаетъ Марксъ о капиталистахъ. „Капиталъ“ т. I.

понять необходимость глубокаго нравственнаго паденія ихъ.

„Присоедините сюда необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или заглушить въ себѣ навсегда этотъ голосъ, чтобы онъ больше не смущалъ, или наконецъ никогда не знать его, никогда не знать ничего лучшаго, кромѣ религіи своекорыстія!“ *).

Эта реплика Лассаля можетъ быть съ еще большей силой направлена по адресу прислужниковъ и рептилій всякой силы.—такихъ рептилій, какъ наши Грингмуты, Берги и пр... Но какъ бы то ни было, въ словахъ Лассаля звучитъ не гнѣвъ, а скорбь...

VI.

Думаю, что Лассаль ошибается, считая государство способнымъ превратиться въ разсадникъ, питомникъ и царство добродѣтели. Одинаково не правъ онъ, связавъ„ любовь“ съ идеей пролетаріата. Несомнѣнно, что идея пролетаріата предполагаетъ и требуетъ развитія, торжества и господства забытаго нами чувства товарищества. Безъ него немыслимо ея воплощеніе въ жизни.. Но это не любовь.

Впрочемъ—послѣ объ этомъ. По поводу любви, товарищества,—ихъ приложенія въ школѣ, семьѣ, общественной жизни у насъ будетъ особый разговоръ. Пока же продолжаю о начатомъ.

Въ своей „Программѣ“ Лассаль является идеалистомъ чистой воды. Самъ полный вдохновенія онъ хочетъ передать его другимъ. Онъ требуетъ, чтобы люди прониклись величіемъ задачъ, рѣшеніе которыхъ предстоитъ имъ.

---

*) Классическія рѣчи Лассаля увы не классически переведены по русски. А слѣдовало бы.

„Высокая всемірно историческая честь такого предназначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы—скала, на которой зиждится церковь настоящаго...

„Пусть эта мысль во всей своей нравственной строгости со всей своей исключительностью овладѣетъ вашими умами, пусть она наполнитъ вашъ духъ, и пусть вся ваша жизнь будетъ достойна ея, сообразна съ нею и всегда ею проникнута...“

Какъ идеалистъ—не абстрактный, вродѣ нашихъ доморощенныхъ, а идеалистъ дѣйствительности, Лассаль взываетъ къ нравственной отвѣтственности передъ исторіей и человѣчествомъ. Онъ зоветъ на борьбу съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и всякаго рода неволей, зоветъ на праздникъ мира, единенія и любви, не признавая никакого различія между эллиномъ и іудеемъ. Его горячимъ словомъ идея пролетаріата говоритъ: „придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные...“

Развѣ это не возрожденіе христіанства? Развѣ не та же самая идея человѣка-пролетарія, лишеннаго всякаго внѣшняго преимущества, лежитъ въ основѣ такого міросозерцанія?

И къ кому обращается Лассаль?

Къ тѣмъ, кто продаетъ на рынкѣ единственное свое имущество—физическую силу, тѣмъ, кто, ложась послѣ каторжной работы, не знаетъ, будетъ ли онъ сытъ завтра и будетъ ли сыта его семья,—тѣмъ:

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Заниматься искусствомъ, наукой,
Предаваться мечтамъ и страстямъ..

Онъ обращается къ нищимъ, голоднымъ и холоднымъ, лишеннымъ полныхъ гражданскихъ правъ за

неимѣніемъ ценза, и опять въ полной гармоніи съ евангельскимъ духомъ говоритъ имъ:

— Блаженны нищіе... блаженны алчущіе.

Да онъ говоритъ имъ это.

— Вы счастливцы,—читаемъ мы,—ибо вашъ истинный личный интересъ дѣлаетъ васъ въ высшей степени воспріимчивыми къ идеѣ свободы. Вы счастливцы, потому что ваше дѣло—дѣло всего человѣчества, вы счастливцы, ибо вашъ личный интересъ, ваше общественное положеніе, ваша нищета, ваши задачи совпадаютъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, движущимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія...

Здѣсь, повторяю, мы не только передъ возрожденіемъ христіанства въ духѣ его, но и передъ одной изъ величайшихъ загадокъ арійскаго человѣчества, его цивилизаціи.

Эту загадку я формулирую такъ:

Готовясь къ какому-нибудь важному дѣлу, стихійно предчувствуя приближеніе роковой минуты пересмотра и обновленія всей жизни, растерявшись среди разбитыхъ кумировъ, несбывшихся надеждъ, обломковъ разныхъ устоевъ, утомленное своей безпощадной борьбой за жизнь, за славу, за чувственныя наслажденія, напуганное малокровіемъ, малодушіемъ и развратомъ подрастающаго поколѣнія—общество стихійно и необходимо обращается къ массѣ, къ нищетѣ, идеѣ пролетаріата за помощью и обновленіемъ... Еще вчера эта оборванная, презираемая, униженная масса, этотъ высшій классъ рабочаго скота внезапно обращается въ свѣточъ, послѣднее пристанище. Дружный кликъ къ народу, въ народъ, вырывается изъ груди растерянныхъ. Пойдемъ къ нищему, голодному и холодному! Спросимъ его, выслушаемъ его, въ немъ поищемъ опоры! Онъ—чистый, онъ новый... Онъ внѣ нашего политиканства интригъ, нашего разврата! Въ немъ могучія, нетронутыя силы.

Такъ говорила римская цивилизація, встрѣтившись съ религіей рабовъ—христіанствомъ; такъ говоритъ и наша цивилизація, встрѣтившись съ идеей пролетаріата.

Что же, нищій, голодный, масса—не обманывали никогда. Не обманутъ они и теперь, если, отдышавшись, не обманемъ мы ихъ.

Но, повторяю, это обращеніе къ нищетѣ, къ голоду и рабству за новыми силами, за новыми путями—одна изъ величайшихъ загадокъ нашей цивилизаціи и нашего духа.

Что говоритъ она намъ?

. . . . . .

АКАДЕМІЯ